

Тихвинскому
Богородице колму (Успенск
Монастырю.

А. П. Башуцкий

ТИХВИНСКИЕ МОНАСТЫРИ

А. П. БАШУЦКИЙ

ТИХВИНСКИЕ МОНАСТЫРИ
Большой Богородицкий
Дымский Антониев
Беседный Николаевский
Введенский девичий

Санкт-Петербург
2014

УДК 271.22
ББК 86.372.24-647
Б 33

Башуцкий А. П.

Б 33 Тихвинские монастыри: Большой Богородицкий, Дымский Антониев, Беседный Николаевский, Введенский девичий. — СПб.: Тихвинский Богородичный Успенский мужской монастырь, 2014. — 128 с.: ил.

ISBN 978-5-9904076-3-3

Книга «Тихвинские монастыри» принадлежит перу Александра Павловича Башуцкого (1803-1876) – замечательного русского литератора, журналиста и общественного деятеля XIX столетия. Она появилась благодаря паломничеству автора к святыням Тихвинской земли, совершенному в 1854 году. Башуцкий работал в архиве Тихвинского Богородицкого Успенского монастыря, посещал близлежащие монашеские обители. Свои впечатления писатель изложил в виде исторических и путевых очерков, подготовленных к публикации в кратчайшие сроки.

Издание, подготовленное в современной русской орфографии, предназначено для паломников, направляющихся в монастыри Тихвинской и Лодейнопольской епархии Русской Православной Церкви, а также всем интересующимся отечественной церковной историей.

УДК 271.22
ББК 86.372.24-647

ISBN 978-5-9904076-3-3

© Тихвинский Богородичный
Успенский мужской монастырь, 2014
© ИП Петров Д. А., оформление, 2014

К ЧИТАТЕЛЮ

В нынешнем году древний город Тихвин отметит очередную памятную дату: ровно 10 лет тому назад мы сподобились встретить на родной земле одну из величайших святынь христианского мира – Тихвинскую Явленную Чудотворную икону Божией Матери. Святыня, вывезенная во время Великой Отечественной войны вначале в Прибалтику, а затем, после краткого пребывания в Германии, в Соединенные Штаты Америки, более полувека вынужденно пребывала на чужбине.

Мы знали, что неременным условием возвращения в Тихвин дорогого сердцу каждого русского человека образа Пресвятой Богородицы было полное возрождение Тихвинского Успенского мужского монастыря и восстановление в нем монашеской жизни согласно иноческим уставам. И мы, неустанно молясь перед иными списками Тихвинской иконы, совершая перед ними соборные богослужения и братские молебны, делали все возможное для реставрации храмов, монашеских келий и иных церковных зданий, расположенных в обители. Наши молитвы были услышаны – Божия Мать не замедлила явить нам помощь, большая часть монастырского комплекса была восстановлена, а Святыня вновь обрела свой дом в Успенском соборе монастыря.

Как и в давние времена, едут в Тихвин на поклонение Чудотворному Тихвинскому образу Пресвятой Богородицы благочестивые паломники со всех концов России и иных государств, получая здесь утешение и укрепление, исцеляя свои духовные и физические недуги. Традиция же паломничества к Тихвинской иконе имела свои особенности и включала посещение не только места пребывания Святыни – Успенского монастыря, именовавшегося Большим, но и предполагала побывать и помолиться в иных святых местах Тихвинского края. Такими благословенными уголками нашей земли стали Тихвинский

Введенский женский монастырь, называвшийся Малым, а также Николо-Беседный и Антониево-Дымский мужские монастыри. История возникновения и развития этих монашеских обителей была теснейшим образом переплетена с явлением и пребыванием на Тихвинской земле Чудотворной иконы Божией Матери, а также чудесами, исходящими от Святыни.

В ваших руках — книга «Тихвинские монастыри», принадлежащая перу незаслуженно забытого христианского писателя Александра Павловича Башуцкого (1803–1876), мастерски запечатлевшего архитектуру, историю, страницы духовной жизни монастырей Тихвинского края. Она была впервые напечатана в 1854 году и с тех пор ни разу не переиздавалась. Поэтому мы сочли необходимым вновь выпустить в свет этот замечательный памятник духовной литературы, которому в этом году исполняется 160 лет. Текст подготовлен в современной русской орфографии и снабжен очерком о жизни и творчестве А. П. Башуцкого.

Призываю на всех читателей Божие благословение и надеюсь, что книга «Тихвинские монастыри» станет и для современных паломников одним из важнейших путеводных маяков к нашим святым местам.

+ Мстислав, епископ Тихвинский и Лодейнопольский

ПЕРВОКЛАССНОМУ ТИХВИНСКОМУ БОГОРОДИЦКОМУ БОЛЬШОМУ МОНАСТЫРЮ

Господь сподобил меня посетить впервые Тихвин, когда жизнь всходила со мною уже на пятьдесят первую ступень лестницы к смерти, а обстоятельства (по попущению или по изволению Божию) позволяли мне перешагнуть чрез распадавшуюся вокруг меня сеть общежитийских печалей и попечений... Великость этого даяния Премилосердного Владыки всещедро дополнилась тем благотворным упованием, которое Царица Небесная не возгнушалась излить на необъятно греховную душу мою, чтоб укрепить ее в благом намерении при покаянном поклонении пред Чудотворною Иконой Ея, в обители Тихвинской.

Благодаря благодушию Настоятеля и Братии, я мог подробно обозреть все части этого священного, древнего свидетеля спасительного заступничества о нас Матери Божией, этой славной в истории Церкви и Отечества твердыни, богатой неоценимыми дарами от неба и ценными и на небе сокровищами веры и святой ревности православных. Несуществование донныне какого-либо описания в руководство приходящим, в воспоминание, напутствие и благословение отходящим богомольцам, многими тысячами стекающимся из отдаленнейших краев России, поразило меня, как давно уже оно печаливает обитель и удивляет посетителей.

С благословения обители я сделал, на первый случай как умел, то, что мог сделать в течение двухнедельного пребывания. Смиренно полагаю близ источника, почерпнутое мною из него же.

Если Спасителю не изволилось с раннейшей поры моего существования благословить (или, в случае противления, побудить) меня, как Марию, присесть у ног Его под сению великой святыни Тихвинской, — ведает Он, что творит, да будет всегда благословенна воля Его! Ныне же благоволив указать мне, как Марфе, всякую тщету молвы, всю суету попечений житейских и единое на потребу, Преблагий Христос да дозволит мне, до последнего часа жизни, где бы ни повелел Он мне бросить с нею страннический посох, не отлучаться мыслию духа от благодатной Предстательницы пред Ним о грешных.

От лишения своего принося бедную лепту сию, уверюсь, что она не только не будет отринута обителью, — в воспоминание Неотвергшего две лепты вдовицы, — но что нищета приношения восполнится богато пред Богом и для души приносителя, любвеобильными молитвами к Небесной Ходатаице о скончании мною грешным прочего времени живота в мире и покаянии, и о даровании недостойному кончины христианской, безболезненной, непостыдной, мирной и доброго ответа на Страшном судище Христове.

Странник

ТИХВИНСКИЙ БОГОРОДИЦКИЙ БОЛЬШОЙ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ

Глава I

Приезд к монастырю. Взгляд на город. Положение обители. Вид окружности. Стены. Входные ворота. Церковь в честь Тихвинской иконы Божией Матери. Значение обители

Выезжая из слободы, лежащей пред городом Тихвином и некогда, под наименованием Посада, бывшей свидетельницею кровопролитных битв, — вы вступаете в черту нынешнего города, за мостом перелегшим чрез глубокий ручей, тут же впадающий в Тихвину. Направо вас приветствует благословением довольно красивая часовня Тихвинского Введенского девичьего монастыря; налево и самый монастырь сей, выставивший на улицу свою узкую южную сторону, посередине которой массивною башнею поднимается колокольня, с огромными Святыми воротами внизу, с церковью вверху и с несколькими малыми гостиными келиями.

Проехав улицу (большой Ярославскою дорогой) саженью около 50-ти прямо, вы поворачиваете направо под прямым углом и вскоре въезжаете на другой подъемный мост, соединяющий высокие берега Тихвины. Множество тех лодок, которым усвоено родимое название *тихвинок*, стоит под вами у пологого от песчаных обвалов левого берега, один — впусе, отдыхая от пути, другие — нагружаемые кладью собирающихся в обратный путь богомольцев, а более богомолков.

Конец моста левой своей стороной упирается в самую часовню Большого монастыря; влево за часовней, по берегу реки, вглубь и вправо от нее, место принадлежит уже монастырю. Улица тянется еще прямо с сотню и более сажень, потом под тупым углом уклоняется вправо к центру города, где на самой возвышенной точке, посреди площади находится городской собор, с весьма недурной колокольней впереди. С трех остальных сторон огромным покоем чернеет вокруг собора низменный деревянный так называемый гостиный двор; совершенно истлевшая развалина самой дикой постройки с беспрерывно осыпающейся лохмотьями крышей и с сотней лавок, из которых около десяти заняты. Напротив колокольни дом Присутственных мест задом к реке. Несколько улиц бегут правильно от этого центра во все стороны; на ближайших к площади концах они фланкированы каменными двух- и трехэтажными домами; но, к удивлению приезжего, и те печально стоят с прогнившими крышами и разрушающимися стенами. В центре города есть несколько изрядных каменных домов и один из них, особенно хорошо построенный и чисто отделанный в нынешнем вкусе, купца Базирина. В данных улицах там-сям мелькают изредка небольшие опрятные домики; за тем все остальное представляет ряды двухэтажных необшитых тесом больших изб, чернеющих по сторонам немощенных и нечистых улиц.

Часовня монастыря довольно древней постройки; в ее фронтонах под куполом и на передней стене изображены стенным писанием Святая Троица, явление Божией Матери со Святителем Николаем Георгию, Илья Пророк на огненной колеснице и проч. К ней примыкают гораздо позднейшего строения въездные в границу монастыря ворота, стройные, несколько вогнутые, с четырьмя ионическими колоннами, двумя между ними калитками и огромными

решетчатыми прекрасного рисунка створами, в которых более 600 пудов железа*. Вправо от ворот в линию с ними, тянется на тридцати саж. одноэтажная каменная богадельня на 50 человек, с находящеюся в ней небольшой церковью Всех скорбящих, освященной 28 июня 1804 года. За воротами, почти в параллель течению реки, на расстоянии около 80 саж. пролегла шоссейная высоконасыпная с тротуарами и палисадом аллея вековых берез; в самом начале своем она перегнулась аркой из дикого камня чрез ручей, текущий извилинами над обширным, частью низменным, а ближе к городу и болотным луговым пространством, разлегшимся широко и далеко пред передней (западной) и длинной правой боковой (южной) стенами монастыря и далее вправо от крайней (юго-восточной) его башни. Этот луг отделяет от высокой части города довольно обширную, более низменную, ветхую его часть (южную) и уединяет монастырь, заключая его в отрезке, образованном отлогим изгибом Тихвины.

Мы с намерением остановились на подробном объяснении положения монастыря, оно будет небесполезно при чтении рассказа о военных на этом месте событиях. Это луговое пространство составляет как бы аспланату монастыря, который мог бы быть превосходной крепостью, если бы над ним не господствовало очень высокое на противоположном берегу место, где находится городское кладбище. Часть правой стороны луга, прилежащая к шоссейной насыпи, занята засеvom монастырского овса. Левая (северо-восточная и северная) сторона наружной стены монастыря, по направлению Тихвины, все гнущемся вправо, изломана на четыре отрезка, связанные пятью башнями; она острым углом сходится с южной и соединена с ней низменными

* Есть сведения, будто бы это дар Императора Павла Петровича, то были ворота Аничковского дворца.

косыми крепостными выходными воротами под огромной древней башней. В недалеком от нее расстоянии, спустившись с береговой крутизны, вы поднимаетесь на красивый одноплотинный шлюз, удерживающий воды Тихвины, с ревом перебрасывающейся желтой пеной чрез щиты; близ берега монастырского находится отдельный запираемый рукав для провода идущих тихвинок.

До 1810 года тут была монастырская мельница, которую уничтожили, расширили реку, у монастырского берега устроили этот затворный канал, а между ним и зашлюзованной рекой образовался высокий, длинный островок, который засадили липами. Аллея эта, расширяющаяся на заднем своем конце в открытую на реке площадку, в сорок лет разрослась бесподобно. На переднем высоком ее мысе, над шлюзами, под куполом поддерживаемым колоннами, стоит деревянный крест с лампадой, неугасимо теплой пред ним благочестием тихвинских судовиков. За островком, на высоко поднятом противоположном берегу устроен госпиталь инженерной команды, с широким двором и чистым липовым садиком. Это место представляется очень живописно от угла монастыря. Переносясь чрез островок с его небольшим храмом, осененным темными свесами зелени, на чистенький свежий вид другого берега, глаз сперва следит тихую реку, как будто болезненно задумавшуюся перед бурным раздроблением ее воды в шлюзах, и после останавливается на безмолвно дремлющей на горизонте деревне. Вид на монастырь и город с той стороны, от угла больницы, едва ли не лучший из всех пунктов, старательно изведанных нами. Не только все группы и части монастырских зданий с главами и шпилями делятся красиво на голубом небе, но влево, вдали, даже грязные улицы с некрасивыми домами представляют, особенно при раннем утреннем освещении, очень живописные перспективы.

На северо-западной и северной сторонах, почти против начала стены монастырской, на том же противоположном берегу стоит белая церковь во имя Всех Святых, воздвигнутая на месте первого явления Чудотворной иконы не в стране, но собственно на Тихвине, к которой она, как мы увидим, постепенно приближалась от Ладожского озера. Церковь эта принадлежит монастырю, но ее называют *полковой*, потому что некогда в слободе и около был расположен полк, которому она была предоставляема для богослужения; теперь служба совершается в ней один раз в год в праздник ее. Правее, поглубже в гору на завороте того же берега, вправо красиво рисуется, будто отдельная маленькая крепость, городское кладбище, вытянувшее свою каменную стену с воротами посредине и с башенками по концам. Старинная деревянная церковь*, на самой высокой точке стоящая, окружена бесчисленным множеством простых крестов; тихо покоятся под ними десятки тысяч людей, после волнений жизненных стекшиеся прилечь под сень ее в объятиях матери-земли. Недалеко от кладбища находится монастырский скотный двор.

Место, на котором расположено кладбище, как бы нарочито возвышается на высоком уже берегу обширным плоскоконусным песчаным холмом; оно господствует над монастырем и всей окружностью. Впереди стены кладбища между ним и обрывом берега лежит другой малый холм или, вернее, курган, потому что и форма его и самое место, по мнению моему, заставляют признать его не случайно, но руками человеческими насыпанным. Здесь, в последние дни последних чрезмерных усилий войск Делагарди разгромить обитель, которую защищала сила людьми необоримая, была, как известно, огромная батарея, сбита смелой вылазкой из

* Теперь, как мы слышали, уже замененная каменной.

монастыря, и много осталось тут не очнувшихся от ожесточенной схватки; затем и вся округность монастыря была в то время засеяна трупами шведов, падавших под стенами его в течение продолжительной упорной осады. Может весьма быть, что на этом удобном месте, за рекой, иноки насыпали курган сей; под ним смешались кости врагов, русских, шведов, литовцев; в недрах всесоединяющей земли угасла вражда, и тлеют обнявшись боровшиеся насмерть руки! Отсюда вид на монастырь, вправо от него — на монастырь девичий, на спокойную окрестность, зелеными планами разлегшуюся далеко, и кое-где через лес крестов выющую кудри своего кустарника и молодых лесочков, а влево — на город, мелькающий сквозь свесы одиноко печальных сосен, уцелевших около кладбищенского сторожевого дома. Пункт этот чрезвычайно живописен. Богомолец должен посетить оба эти места.

Вот ближайшие вокруг обители предметы. Обратимся к ее стенам.

Наружный замок состоит из стены неправильного очертания, сообразного с течением реки и расположением местности; семь фасов ее скреплены восьмью башнями и девятой, находящейся в середине переднего фаса, с въездными под нею воротами. В этой башне (западной) и в противоположной крайней (восточной) находятся церкви, другие башни пусты. Над всеми — купола, выкрашенные ярью, и спицы белого железа; средние в фасах башни возвышены против угловых лишним ярусом и более высоким лантерником. Стена белая сажень в пять и шесть вышины стоит на цоколе из дикого камня; она благородной полувоенной архитектуры. Вся верхняя ее часть обтянута широким поясом углубленных квадратов (или коробок), в которых на медальонах с усеченными углами прорезаны круглые амбразуры; с внутренней стороны стены нижняя часть ее кругом

обнесена кирпичными арками, на которых настлан пол и устроена на столбах крыша, так что по всей стене и сквозь башни открыта непрерывная широкая галерея в версту без сорока сажень. Двадцать четыре раза в год совершается из монастыря хождение с крестами, в воспоминание стародавних событий и в торжественные празднования: *десять* раз — внутри монастыря по ограде, *три* раза на воду и *одинадцать* — в город и другие монастыри. Виды из некоторых башен, особенно угловых, очень хороши.

До посещения Тихвинской обители императрицей Елизаветой Петровной в 1747 году все здания, кроме церквей, некоторых келий и башен, были деревянными; она повелела устроить каменную ограду, и в том же году был прислан архитекторский помощник с учениками, для снятия планов и отыскания места, чтобы делать кирпич; но это намерение осталось неисполненным. В 1788–1795 годах Архимандриты Евфимий и Игнатий построили западную стену на монастырские суммы; северная же и южная были возведены на пожалованные Императорами Павлом I и Александром I 37 тысяч рублей, с добавкой к ним еще более 20 тысяч монастырских. Вот почему на средней высшей башне южного фаса, в круглом медальоне, вы увидите вензловое изображение имени Александра, а на такой же башне северного фаса вензловое изображение имени Павла. При крестных по стене ходах в первой из сих башен совершается всегда молитва о долголетии Императорского Дома; в другой — молитва о вечном упокоении в Бозе почивших Самодержцев; наконец в башне крайней, юго-восточной, где церковь Св. Николая Чудотворца, крестные ходы всегда останавливаются для чтения Евангелия. Я видел в одной из угловых башен огромный деревянный крест, довольно еще крепкий; он перенесен в эту башню с поля, где стоял на месте, на котором Явленный образ, чудодейственно вынесенный из объятаго

пламенем храма, был обретен в можжевельнике. Крест не ветх, конечно, он мог быть и возобновляем, но это устное предание не подкреплено ничем.

Дойдя шоссейной насыпью до монастырской стены, вы входите в обитель косым крепостным въездом под западной средней массивной башней; в верхнем ярусе ее устроена усердием монахини Тавифы (из дворянской фамилии Тырковых)* церковь, празднующая иконе Пресвятой Богородицы Тихвинской, освященная в 1790 году. В храм этот ведет лестница с внутренней стороны, с наружной накрытое галереей крыльцо подымается по стене к небольшой палатке, где пред стенным изображением явления Царицы Небесной с Святителем Николаем благочестивому Георгию и пред древней Ее иконой теплится неугасимая лампада. Место это вдвойне свято. На этот именно пункт ночью перенеслась неизвестно с того берега (где теперь церковь Всех Святых) явившаяся там Чудотворная икона с тремя венцами положенного вокруг нее сруба часовни, с заготовленным лесом и щепой, за три поприща от тогдашнего Тихвинского посада. Устроенный в башне Тавифой храм не велик, но, как видно, внове был очень красив; он имеет очертание ограненного круга, а потому иконостас (трехъярусный, весь золоченый, весьма недурного рисунка) выдается полукругом. Иконописные образа принадлежат новейшей, неудачной в своих произведениях эпохе этого искусства. Должно сожалеть, что солнце в самые жаркие часы дня, летом, накаляло церковь эту, в остальное время года сырую и промерзающую, отделяет и обваливает позолоту иконостаса. Стены разрисованы под мрамор, в то время еще не умели, как теперь, превосходно

* Памятник ее в паперти холодного собора, вправо от огромного пробитого в стене окна, против Чудотворной иконы; на медной доске под Казанской иконой Божией Матери начертано между прочим, что Тавифа, прибыв сюда по усердию, тут занемогла и скончалась посреди родных.

использовать эти подражания. Храмовое празднество совершается в ней на 3-й день праздника Тихвинской иконы Божией Матери 28 июня.

Под покатым тяжелым сводом этих ворот вас встречают стародавние ратники, свидетели и громоносные действователи в великой, славной борьбе, шестнадцать чугунных разного калибра орудий, русские и шведские. Они или славно отстаивали с горстью храбрых, истинно веровавших, дом Божией Матери, или славно же были взяты с боя неравного, со врагом стократ сильнейшим. Теперь повергнуты они здесь к подножию изображения Заступницы, в вечное свидетельство чудного предстательства Ее. Охраненные от непогод без лафетов на незыблемом каменном устое, лежат тут старики, напоминая проходящим под ворота поколениям истину, что верой человек силен переставлять и горы! Область Новгородская была из рук сильного похитителя исторгнута верою обители Тихвинской, как вся Россия была спасена верою Лавры Троицко-Сергиевой. Монастыри наши не для богомольца лишь, но и для всякого мыслящего, давно высоки в двойственном значении своем, хотя и единого довлеет на истинную потребу духа.

За стеной направо и налево сторожевые кельи, от которых опять тянется аллея между деревянной с каменными столбами балюстрады (за ней, по обе стороны до стен, расположены монастырские сады), прикасаясь к зданиям внутренним, составляющим уже собственно обитель.

Эти здания составляют отдельный, правильный четырехугольник — внутренний замок, вставленный в огражденную около него наружными стенами площадь замка внешнего. Пустоты между этими двумя оградами еще очень огромны; в них помещаются сперва, как я сказал, сады, потом на правой стороне — обширный огород с прудом, на левой —

близ сада, иордань с ведущей к ней широкой, многоступенной лестницей; далее, за кельями несколько маленьких садиков некоторых старцев; потом запасы дров; навесы и еще пространные пустыри. Перед входом в этот внутренний замок строений, направо расположен вынесенный из него корпус, в котором помещены братские кухни и баня. Теперь мы можем вступить в самую обитель.

Глава II

Внутренний замок. Святые ворота. Первичные причины характера бывалых сооружений этого рода и их украшения. Двор и строения вокруг него. Кельи, колокольня. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Варлаам Ванатович. Духовное училище и церковь Дванадцати Апостолов. Могила труженика Иоанна и обретение его трупа. Наружность собора Успения. Угловые палатки. Приплывший на льдине камень. Приделы св. Пророка Илии и Иоанна Златоуста

Часть, в которую мы входим, очевидно древняя, если б не было о том свидетельств, она свидетельствовала бы о себе сама несомненно. Сквозь толщу самых зданий пробиты двое ворот рядом, одни (левые) пешеходные — тесные и ниже, другие — огромные, открываются для крестных ходов и торжественных случаев. Громадные деревянные створы их разбиты на грань красного и черного цвета; покатые древние арки ворот окаймлены тройным грубым полувалом, окрашенным искусно под зеленоватый и красноватый мрамор; под ним тянется широкий лазоревый пояс, а сверху для защиты от непогод навешены железные треугольные (стрельчатые) сени с прорезной около них каймой. Стенное писание под сенями с наружной стороны, над малыми воротами, изображает Тихвинскую икону Божией Матери, а в голубом поясе ярко начертано золотой, крупной, пре-красной вязью:

«Благодатию Христовою и благоволением Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии и тоя помощью».

Под сенью больших врат, под изображением Вознесения Господа нашего Иисуса Христа, представлены св. Феодор Стратилат и св. Николай Чудотворец; в дуге продолжается надпись:

«Повелением же Царя и Великаго Князя Иоанна Васильевича всея России. Начало и устроение бысть Монастырю сему в лето *33И Февраля в 11 день» 7068/1560.

На боках широких дуг, образующих под ходом ворот толщу стен здания, вас встречают, напутствуют и провожают к святыне, с обеих сторон, под тесными вратами: преп. Петр Афонский и Онуфрий Великий; Антоний Дымский и Мартирий Зеленецкий; Марк Фраческий и Макарий Александрийский. Эти поясные древние изображения, попорченные в красках новейшими подправками, не отступили однако же в очерках от типов первобытных; обнаженные, истощенные, важно-спокойные, с бородами, спускающимися ниже персей (а тело преп. Марка и все обросшее волосами), святые древние и новые образцы и последователи их, отдаленные и близкие, иноземные и единоземные нам праведные, свидетельствуют, что во святости жизни о Господе безразлично сливаются времена, племена, пространства. Они напоминают, что только уподобляясь, по крайней возможности сил своих, жизнью своей жизни сих истинно великих мужей, можно верно пройти *вратами тесными* во святой рай блаженства вечного. Точно так же в *больших вратах* проходящих под ними Архиепископам и Епископам чувство мудрого приличия благочестных древних строителей наших, представило в изображениях св. Иоанна Златоустого, Василия Великого и Архидиаконов Лаврентия и Стефана, напоминовение о необходимости тесной связи

высокого сана и высокого духовного достоинства с смирением о Христе.

На задней стороне этих больших ворот, обращенной к фасаду собора, под сердцеобразной стеной, Спаситель благословляет приклонившихся к Его ногам преп. Варлаама Хутынского и Александра Свирского, — в пояс надпись:

«Божиею помощью Его Богоматери подписаны сии святые врата лета *ЗРО (1662) августа в 13 день, при настоящей власти сего монастыря и обители».

Под сенью малых ворот Знамение Пресвятой Богородицы, а под ним: св. Иоанн Чудотворец и св. Серапион, в дуге окончание надписи:

«При Архимандрите Иосифе и при Келларе старце Ионе Баранове с братиею».

Мы описали эти два простых пролета с подробностью и точностью, потому что тут ярко отпечатаны типические принадлежности всех наших древних этого рода построек, и в характере очертаний и в разуме украшений, которые делались тогда не для украшения лишь. Нет ни малейшего сомнения в том, что для сооружения Святых врат современное искусство, при пособии бесчисленных портфелей с превосходными деталями зодчества мавританского, византийского, готического (обходя греческое и латинское язычество), создало бы нечто прелестное, употребив в дело камень, чугун, лепное и медальерное искусство, гальванопластику и т. п. Но все это дышало бы в каждой черте своей красоты духом времени своего, как дышат духом того времени, в простоте мудрой, тогдашние сооружения. Здесь пробиты насквозь тяжелые стены некрасивого дома, скатили своды довольно грубо, обмазали их, из листового железа подвесили сени, написали иконные изображения по давно составленным образцам... И эти Святые врата после трех, как после тридцати веков, если Богу будет угодно еще долготерпеть о мире, все останутся

Святыми вратами самыми приличными по назначению, самыми понятными и ясноговорящими сердцу входящего через них православного богомольца и кающегося. Отчего же проявление этого священного приличия, если можно выразиться так, поражает душу всякого православного верующего при посещении древних церквей и обителей наших? Если вопрос не весьма труден к разрешению, то разрешение это трудно к восприятию убеждением нынешнего века. Многие цели нынешние тогда не могли прикасаться разума и чувства сдателей; прежде всего они были проникнуты соображением о необходимости использовать святое начинание свое, не во удивление лишь глаз; а потому и чувство, которым они руководились, было не из тех, которые даются разумением светским, но из тех именно, которые оно отнимает; есть разум и разум высший, который никогда не был и не будет доступен любомудрию внешнему, созидающему только разум лжеименный. Кто вникал в потерянную для образованности света духовность истории искусства православного, тот конечно знает, что, всходя от последних к первым, хотя бы от Стефана Нарыкова, от священника Андрея Рублева и спостника его Даниила, Ямвлиха Романова и многих других, переходя через Алипия Печерского и Панселинов — три века утверждавших образцы восточного писания священных изображений, которое знаменитые художники запада, их ученики и подражатели низводили потом несколько веков в своих произведениях до красоты чувственной, — тот знает, говоря, что, не дерзая даже касаться Евангелиста, кисть которого, водимая Духом Святым, оставила пять икон как бы во образ, как надлежит в последующие века христианам истинным разуметь и исполнять эти священные изображения, все художники (а не ремесленники и подрядчики) православные, были люди жизни святой; начинали и совершали это важное дело «работая Богу со страхом и радуясь Ему с трепетом»;

удалялись, затворялись, предавались исключительному чтению Священного Писания, духовному созерцанию; говели, исповедовались, приобщались тела и крови Спаса нашего Господа Иисуса Христа; постились, безмолвствовали во все время работы. А между тем Церковь совершала непрестанные моления, да благословит Бог успешно окончить им труды их. Мастерские их были наполнены не игрушками современной модной жизни и мелочных причуд плотоугодия; сами они не обращали в них помыслов нам столь общих, так неотступно сроднившихся с жизнью нам современной. Проекты домов Божиих и обителей, очерки Ангелов, Святых, лики Божией Матери и Спасителя мира, начертывались в храме, в келье или в мастерской окруженной святыней, оглашаемой молитвами, облагоуханной фимиамом. Люди эти не могли носить в своей мысли, во вкусе, а потому и не могли внести в выражение лица, изображением коих были заняты, отблесков нынешней вседневной, светской, а по духовному разумению плотоугодной жизни. Краски на палитре их разводились святой водой и елеем освященным.

Искусство в изображении предметов святых начало уклоняться от идеи духовной к красоте пластической, сперва непосредственно, на западе, а потом и посредственно и преемственно; дальнейшее движение по этому направлению не могло не продолжаться и должно было отражать на себе необходимость все оттенки современного вкуса, понятий и даже верований. Усилия наши воссоздать в этом роде прежнее, почти то же, что усилия старика сделаться опять юношей. Подражатель нынешнего времени все же внесет в свое подражание не их типический, но свой собственный смысл, переиначив на свой лад их прототипы. Причинами первыми во всем и всегда суть причины духовные. Да простят нам отступление о предмете, к которому мы обратимся в другом месте.

Вы во внутреннем дворе святой обители, — обозрим его. Над Святыми воротами, в которые мы вошли, находится церковь Вознесения Господня с приделом, или, справедливее, с маленькой перед нею церковью, во имя св. Великомученика Феодора Стратилата, потому что эти храмы устроены в 1591 году иждивением царя Феодора Иоанновича. Иконы и низкий двухъярусный иконостас ясно свидетельствуют о времени устройства их. Точеные, круглые с огранкой по местам балясины, — столбики у царских врат, между местных образов и дверей, — их нарезки, карнизы — характер иконописи, кудрявая резьба по верхней части, раскраска и позолота, все чисто русское той эпохи. А второй ярус икон сплошных, отделенных только узкими рамками, по мнению моему, должен быть несколько новейшей эпохи. Служба совершается здесь только в праздник Вознесения Господа и в день памяти св. Феодора Стратилата. Эта передняя сторона* четвероугольника внутреннего замка составляет сплошное во всю линию двухэтажное здание. В нем помещаются: вправо от ворот — кельи Архимандритские, влево — братские, заворачивающие прямым углом и по левой (северной) боковой стороне двора до конца собора, почти на семьдесят сажень. До 1813 года тут находились и Архиерейские кельи для приезда епархиальных Преосвященных; в них же останавливались Высочайшие особы**. За собором, до угла по северному фасаду, нет более жилья. На той же высоте каменные кладовые и магазины, в которых хранилась казенная соль.

Правая сторона (южный фасад), загибаясь тоже под прямым углом от келий Архимандритских, тотчас содержит в себе широкое, массивное здание с высокой в два шара крышей, в котором находятся, в нераздельной связи, трапеза

* В которой пробиты описанные святыне врата.

** На стене этих келий записаны год и число посещения обители императрицей Елизаветой Петровной (1747 г. февр. 3).

с огромным притвором собора и с самим собором (теплым) в честь Рождества Пресвятыя Богородицы. Вход в этот собор с крыльца, выступающего во двор, по древней широкой крытой лестнице. За притвором к нему примкнут полуцилиндрический выступ с полукуполом, заключающий самую церковь; в линию с ним поднимается колокольня вышиной сажений в 16. Это довольно стройное узкое здание в нижней части своей разбито рустиком на коробки, между которых там и сям пробиты неправильно малые окна. Верхняя часть колокольни очень красива, колокола висят в пяти высоких сквозных пролетах, украшенных широким архитравом с небольшим фронтоном над его серединой, над которым поставлен открытый на колоннах лантерник с куполом и высоким шпилем, а по сторонам его — два меньших шпиля. Колоколов не более двенадцати; самый большой из них в 760 пудов (1813 год), другой полиелейный — более 300 пудов (слит по повелению Царя Феодора Иоанновича в 1589 году). Повседневный в 20 пудов, и так далее до 3 пудов. Под пролетами, в середине линии, врезан двухаршинный циферблат железных часов, семидневного завода; они весьма хорошо бьют курантами часы, четверти и минуты на десяти колоколах от 4-пудового до 15-фунтового веса. Колокольня эта без сомнения есть воссоздание колокольни древней, по ее чертежу, несколько украшенному новейшим искусством. Под нею-то сберегался запас пороха, вспыхнувшего во время предсказанного пожара (о чем мы будем говорить далее) и взорвавшего четыре пролета тогдашнего здания. За колокольней, до конца этой линии и по завороту восточной, продолжается такое же, как в других фасах, двухэтажное здание, примыкающее на восточном фасае к выходным воротам, между которыми и упомянутыми магазинами по другой стороне, в этом же фасае, находится церковь Покрова Пресвятыя Богородицы, в башне, выдающейся двумя полукруглыми выступами наружу

и внутрь двора. В церковь ведет двойная на обе руки кирпичная лестница вокруг массивного столба. Храм широк, но не велик в длину; двухъярусный иконостас украшен писанными по серебряному полю византийского стиля орнаментами. При Архимандрите Самуиле тут бывали и соборные служения; теперь же служат только в храмовый праздник и совершают всенощную. Церковь эта освящена в 1760 году.

Есть хотя устное, но весьма достойное веры предание, что бывший Архимандрит этой обители, впоследствии Архиепископ Киевский, потом Архисхимонах — известный Варлаам Ванатович, устроил эту церковь и, живя в обители после Архиепископства своего, занимал несуществующие ныне смежные с церковью по левой ее стороне кельи. Все это вероятно. Ванатович искал покоя, уединения, а эта часть монастыря самая отдаленная крайняя и уединенная; прилегающее здание (магазины, где хранилась соль) по всей длине не представляет и следа жилья, только близ самой церкви этой, в обоих ярусах являются до половины заложенные окна и двери, обведенные кирпичными старинной стрельчатой формы панелями, с тяжелыми железными решетками. Это окна кельи, которую мог занимать Ванатович; прилегающая часть была возвышена им для помещения церкви, а для алтаря и лестницы были пристроены с обеих сторон выступы. Об этом свидетельствует не только новейший стиль построения сих частей, но еще и то, что церковь только и могла создаться здесь по такому лишь случаю, потому что рядом с нею уже находилась другая, больничная, о которой мы тотчас упомянем. Из кельи Ванатовича прямо в церковь его вела низкая дверь, хотя и заложенная, но еще явственно видная. Эти здания (от собора и колокольни по южному фасау и на заворот восточного до церкви Покрова) заключают в себе: близ колокольни, кельи Архиерейские, а за ними Духовное Правление; внизу просфорня; на завороте же по

восточному фасу находится Духовное Училище. Оно основано в 1802 году при Архимандрите Герасиме Князеве, обитель ежегодно жертвует на содержание бедных учеников по 500 рублей; всех учеников теперь считается 100 и более, комнаты живущих расположены тут же, частью в верхнем и частью в нижнем этажах. В этом корпусе находится малая церковь во имя Двенадцати Апостолов; она называлась *больничной*, потому что тут некогда помещалась больница обители. Есть в стене, разделяющей храм и бывшую больницу, признаки заложной низкой арки; к этому окну во времена оны приносили тяжко больных и умиравших, дабы они могли слушать литургию и присутствовать при совершении таинств. Эта церковь, вся помещающаяся под одним сводом, не имеет ничего замечательного; голубой с позолотными украшениями иконостас есть очевидное, в малых размерах и в несовершенном исполнении, подражание иконостасу холодного Успенского собора обители. Служба совершается здесь только в день храмового праздника.

Все здания обители чрезвычайно прочны, стены толсты, окна невелики, своды каменные не по нижнему лишь, но и в верхнем этаже. Помещения очень много на глаз, но по неудобному расположению келий, толщине стен и сводов действительно для 60–65 человек едва хватит места.

От Святых ворот, от которых мы окинули глазом двор, ведет к середине его, к самым дверям Успенского собора, широкий тротуар с вековыми седыми по обе стороны деревьями; за ними часть земли, к ним прилегающая, уделена мертвым, где виднеются несколько порядочных надгробных памятников. В числе получивших место для упокоения в стенах обители мы прочли фамилии Чеглоковых, Горихвостовых, Петрово-Соловово, Танеевых и др. За собором, почти вплоть до фасов восточного и северного, опять кладбище и тут за самой стеной алтаря на могильном камне начертано:

«1799 года июня 18 дня, под сим камнем положены кости обретенного здесь, при созидаании юговосточной угловой башни, в пещере, человека, христианина и подвижника, как найденные при нем св. иконы и прочия вещи показывают. Имя его не известно, а также и состояние».

Однако же ниже, в круге мертвой головы, иссеченной на камне этом, иссечено тоже и имя «Иоанн».

Народ весьма уважает и могилу эту, и память *труженика Иоанна*; многие набожно преклоняясь пред камнем, творя об усопшем молитвы. Всегда и везде есть у Господа верные рабы, исключительно Ему работающие; временем найдется людьми кость и плоть давно уснувшего, и заставят они живущего задуматься; но не выговорят вполне великой тайны жизни и смерти, оставшейся лишь между Богом и духом раба Его; она обнаружится в славе пред вселенной только в день страшного для рода человеческого подъятия завесы со всякой тайны.

Обозрев здания, замыкающие внутренний двор, взглянем снаружи на собор, занимающий середину его. Удлиненный четырехугольник в величии поднимает свою гладкую массу под довольно кругую крышу, увенчанную пятью стройными, гладкими же цилиндрическими главами. Две передние отстоят от средней далее двух задних, но этим неравенством расстояний нимало не нарушена гармония частей. Цилиндры глав накрыты конусообразными шапками, на усеченных вершинах которых поднимаются грушевидные прекрасного гальба главы с круто выступающими боками и длинно-заостренными под крестом концами; они покрыты белым спаянным железом. По стенам, за отсутствием всякого другого архитектурного деяния и украшений, тянутся под крышу между выступающими поясами углубления, образующие под ней стрельчатые полуарки; в них изображены стенным писанием по

золотому полю двенадцатые праздники. Сознаемся, что эта гладь стен и под крышей их пояс священных картин в красках на золоте, общие большей части наших древних храмов, всегда казались нам не только самым приличным, но и самым изящным украшением, далеко оставляющим за собой все архитектурные затеи и лепные орнаменты. Восточная сторона выступает тремя полуцилиндрами, которые по древнему обычаю заключают в себе алтарь, жертвенник и диаконник. По четырем углам собора четыре каменные же палатки, четырехугольные по 6 и 7 саж. в фас, построенные между 1815 и 1820 годами. Они как будто бы охраняют и поддерживают древний собор как четыре стража, покрытые каждый наподобие шлема, восьмигранной невысокой башней с остроконечной крышей. Палатки связаны папертями такой же вышины по трем сторонам собора, кроме алтарной. Общий контур зданий спокоен, величав и приятен. В юго-восточной палатке помещается придел во имя св. Пророка Илии, в северо-восточной — придел св. Иоанна Богослова; оба составляют довольно обширные церкви: в первой, к которой примыкает открытая для богомольцев южная паперть, совершаются разные обедни, в другой — служения заказные. В северо-западной палатке находится очень чисто и в порядке содержимая ризница, весьма просторная, потому что к ней присоединена часть северной паперти. Замечателен под юго-восточным углом юго-восточной палатки (в цоколе) огромный, более нежели саженный, с округленными краями дикий камень, положенный здесь краеугольным; на нем иссечено:

«Сей камень в 1820 году весною приплыл на льдине и остановился при монастыре на берегу, против соборной церкви, той весны, когда начали залагать сей храм св. Пророка Илии».

Нельзя не считать чудным принесение этого камня именно к строящемуся храму.

Вас поразит не одна лишь громадность монолита, прибывшего на льдине, но еще и то, что близ монастыря течение Тихвины перехвачено высоким устройством шлюз и что, следовательно, через них сила воды должна была перенести эту массу и поставить ее недалеко от быстрого заворота течения влево.

Обитель заключает в себе десять церквей: 1) соборная Успения Пресвятыя Богородицы холодная; при ней в палатках приделы: а) св. Пророка Илии, б) св. Иоанна Богослова. 2) Теплый собор Рождества Пресвятыя Богородицы; в притворе его приделы: а) Старорусской иконы Божией Матери и б) Честнаго Креста Господня. 3) Вознесения Господня, над монастырскими Святыми воротами; тут же 4) церковь во имя св. Великомученика Феодора Стратилата. 5) Покрова Пресвятыя Богородицы. 6) Дванадцати Апостолов. 7) Тихвинския иконы Богоматери, над западными входными в стене обители воротами. 8) Святителя Николая Чудотворца, над восточными воротами. 9) Всех Святых, вне стен монастыря, за рекой; и 10) Всех скорбящих радости, при богадельне.

Мы упомянули о большей части малых церквей, остается сказать несколько слов о двух приделах собора Успения Пресвятыя Богородицы, о приделах св. Илии Пророка и Иоанна Богослова. Оба отделаны во вкусе времени их построения, по мнению моему, самом неудовлетворительном; и здесь, как во всех произведениях внутренней церковной орнаментальности той эпохи, заметны вычурность и изысканность; можно почти безошибочно полагать, что чертежи иконостасов принадлежат руке того самого художника, который украшал сень над Чудотворной Тихвинской иконой Божией Матери, или что художник хотел подражать

этому произведению. Близ местных образов, над которыми сверх карниза возвышаются усеченные пирамидки, поставлены группы колонн в правом приделе по три, что лишено всякой красоты; а в другом по две, и от них с конца на конец иконостаса перегибаются через всю ширину этой выступающей части его высокие дуги, составленные, как и верх сени над Явленной иконой, из херувимских головок, связанных западнотическими столбиками и арками. Под серединой дуги, над царскими воротами, в эллипсоидном сиянии икона Воскресения Христова. Все это вызолочено и довольно богато; но впечатление, производимое затейливыми и не вполне художественными рисунками, слишком разнствуемыми по характеру от всего окружающего их, не приятно. Должно жалеть о прошедшем и желать, чтоб впредь художники не довольствовались шириной и вышиной места, в котором надлежит поставить иконостас, и не по произволу лишь прихотливой фантазии, но по соображению характера всего окружающего, по стилю храма, по его назначению, по времени, к которому относятся иконы и т. п., чертили проекты свои. Придел св. Пророка Илии еще более испорчен, вместо гладкой раскраски стен рукой порядочного мастера он расписан очень неискусно фестонами и подзорами каких-то сизых цветов. Драпировки этого рода уже решительно не вяжутся с общим расположением и очертанием церквей православных. Скажем мимоходом, что нам чрезвычайно понравилась живопись на иконе св. Иоанна Богослова в приделе его имени. Теперь можно бы было войти в собор, но приготовим себя к встрече ишедшей из него святыни, ознакомясь хоть бегло с событиями явления этого небесного дара земле русской и того милосердного и дивного заступничества, которому она обязана избавлением страны Новгородской от хищного и кровавого владычества иноплеменных похитителей.

Глава III

Первая на Тихвине каменная церковь. Дивное спасение засыпанных рабочих. Начало строения монастыря и жизни иноческой. Летопись. Насильственное завладение Понтусом Делагарди страной и обителью. Царское войско. Иноки нападают на шведский гарнизон и освобождаются от него. Шведы вырезают Тихвинский посад и идут на монастырь. Они отбиты. Явление Божией Матери во сне Марии. Стычка без последствий. Два отбитых приступа. Новые нападения. Измена, мятежи, клятва, посылки к царю. Разбитие русского вспомогательного отряда. Игумен Онуфрий в плену. Войско идет обратно к Москве. Новые нападения, ярость врагов, монастырь освобожден. Явление Богородицы Соловецкому послушнику. Покаяние. Защита свыше. Новые измены. Опять явление. Смелая вылазка. Шведы побеждены чудом. Их бегство. Уничтожение девичьего монастыря. Кратковременный отдых. Неминуемая опасность. Окончательное освобождение. Мир. Очищение обители огнем

Так в непроходной пустыне, «на месте его же», по выражению летописца, «никто же знаяше и никим же именовано бысть, не точно человеком, но и зверем земным в жилище тогда не обреташеся, понеже блытно б и равностью необдержимо и никакоже отнюдь стройно», — построен храм во имя Пречестнаго Успения Матери Божией, для пребывания в нем Явленной иконы, которая, по преданию, в сверхъестественном шествии своем последовательно останавливалась для освящения окрестности до самого Тихвина и избрала именно это место для водворения своего. С того времени непрерывное множество чудес ознаменовало пребывание здесь иконы.

А относительно того, которая из славных и известных икон соизволила прийти по воздуху из Царьграда в Тихвин, мы можем только повторить слова св. Дмитрия Ростовского: «Неизвестных нам вещей тщетным любопытством не истязующе, куюждо пречестную Пречистыя Богоматери

икону благочестно почитаем, с верою к ней припадаем, любезно и со страхом лобызаем, благоговейно покланяемся, взирающе на ню яко на самую истинную, на небесах Сыну сцарствующую Богородицу; и славим рождашагося от Нея Христа Бога нашего, со Отцем и Св. Духом славимаго, ныне и присно и во веки веков. Аминь». Но не более семи лет прошло со времени построения церкви (на месте явления иконы) и часовни, где, по преданию, явилась Матерь Божия со св. Николаем, когда от незагащенной свечи, неосторожно оставленной в этой церкви, она вся обратилась в пепел, но Чудотворная икона, невидимой силой из нее изнесенная, найдена невредимой в можжевельнике (смерчии), которым и поныне богата вся эта страна: в то же самое время неизвестно от чего загорелась и сгорела часовня, а крест был также найден невредимым в можжевельнике. Воссоздали вновь и храм, и часовню. Едва протекло пять лет, в одну и ту же ночь, в один и тот же час, церковь и часовня опять сгорели до основания; икона же и крест снова остались невредимы в самом пепле. Удивленные чудом, благодарные за неотнятие от них драгоценных святынь, христиане выстроили третий храм и часовню, уже гораздо обширнейшие. Они простояли более ста лет до Великого Князя Василия Иоанновича, который, в теплой вере и сердечной ревности к Пречистой Деве и к Чудотворной иконе Ее, повелел из собственной казны своей построить каменную на Тихвине церковь с папертями.

При окончании этого здания, когда стены белили, паперть внезапно разрушилась и засыпала двадцать человек рабочих. Три дня не могли очистить и разметать кирпич обширной развалины, а потому не имели и тени надежды на спасение раздавленных страшной тяжестью людей, трое суток пробывших под гнетом, без пищи и воздуха. Но каковы были изумление и благодарность народа к милосердию

Матери Божией, когда все двадцать человек явились невредимо сохраненные Ею! Церковь была освящена Архиепископом Великого Новгорода Серапионом 12 августа 1515 года; в пустыне же сооружена, по повелению Великого Князя, деревянная во имя Святителя Николая церковь и устроен малый монастырь для пребывания иноков, нынешний Николаевский Беседный, основанный прежде Большого Тихвинского Богородицкого. Через несколько лет Великий Князь Василий Иоаннович сам посетил иждивением его воздвигнутый храм, в сопровождении Преосвященного Макария Новгородского (после возведенного на престоле Всероссийской Митрополии), чтоб поклониться священной иконе, прославленной уже бесчисленным множеством чудес.

По кончине этого Князя (во иноках Варлаама), самодержавный его сын Иоанн Васильевич, объезжая с молитвенной целью многие северные святыни земли русской и питая такое усердие к Чудотворной иконе Божией Матери, яже на Тихвине, что местное расстояние «от Москвы», по словам летописца, «близко вменися ему великия ради веры», посетил в 1547 году церковь, по повелению отца его сооруженную. Увидев, что более 170 лет она управляется мирским священством и что вокруг расположено множество селений, царь не благоволил о том «и пожелал», или, как выражается летописец: ему «вложи Господь Бог мысль благу и осия свет разума благий сердце его создать обитель». Эта воля царя положила основание нынешнему Большому мужскому Тихвинскому монастырю, спустя 177 лет после явления иконы и 45 после построения каменной церкви (истинное же начало иноческого жития совершилось несколько позже, как мы увидим).

Советовав с Митрополитом Макарием, с Архиепископом Великого Новгорода Пименом, с Князьями и Болярами

и сотворив в присутствии своем, при царице Анастасии и сынах царевичах Иоанне и Феодоре, соборное в Успенском храме моление, царь повелел отнестъ далее селения, близ Тихвинской церкви находившегося, учредить при ней иноческий чин и выстроить от сокровищ царских стены каменные и здания для обители. Дело это возложено было на Архиепископа Новгородского Пимена. Взяв с собой честных Настоятелей: Георгиева монастыря Архимандрита Варфоломея, Хутыни монастыря Игумена Филофея (который был после Архиепископом Смоленским), Кириллова монастыря Игумена Антония, Отней пустыни Игумена Мисаила (бывшего первым Епископом Пскова), также искусных старцев на уставление чина и обычаев монастырских, а вместе строителя царева мужа Феодора Сыркова с его товарищами, Пимен прибыл в назначенное место. Так осторожно, с таким тщанием и уважением ко всем частностям важного дела, основания святой обители, приступал царь и его благочестивые подданные. С молитвами о испрошении благословения Бога и содействия Пренепорочной Девы положили начало работам. Посад был отнесен версты за три, к полудню от места, где надлежало быть монастырю; поставили сперва деревянную во славу Рождества Пресвятой Богородицы церковь; обширную трапезу, вместо внутренних стен соорудили сорок четыре кельи, обнесли все стеной наружной, а сквозь место, занятое этими строениями, прорыли ручей текущей воды*. Все эти здания с прибавлением келий, служб, Святых врат и с двумя храмами были впоследствии выстроены каменные, на иждивение того же царя. Установили общее житие как в других великих обителях, назначили первым Игуменом (11 февраля 1560 года) Кирилла, мужа, известного благочестием, и вскоре многие иноки, оставляя пустынножителство, из разных мест стали

* Канава эта заносилась песком и илом; она покрыта высоким сводом под землей; частью же, где устроена Иордань, и где она втекает в пруд, открыта.

сходиться в Тихвинскую обитель, и не было счета чудесам, истекавшим от иконы Пречистыя Девы на всех, с верой истинной прибегавших к Ее Божественному покрову.

В царствование Василия Иоанновича Шуйского, — так выражается летописец*, «великих грех наших ради бысть смятение велие в земли Российстей, ово от внутренних междоусобных, ово же от внешних браней. Прииде бо на готовое селение диаволи мечты, некто вражий наветник сосуд сатанин, к нему же и множество присовокупися польских людей или литовских, вкупе со изменники русскими мятежники. Воста бо паки ин некий зверь, нарицая себя царевичем Дмитрием Углицким, и яко увидеша польстии и литовстии людие велие неустроение в русси и междоусобное смятение и брань, и сего ради вси устремишася на рускую землю, Богу убо сице попустившу, за премногая наша согрешения». Так кратко и верно определив главные черты этой эпохи, летописец говорит: «и взят бысть царствующий град Москва людьми иноверными порубежными, о нашествии же зловерных поганых Варяг иже Свияне наричются, аще недостоин есмь, желаю изъявити о Всечистой Богоматери и неизреченной Ея милости, аще она Царица благоволит и силы помощи преподаст; надеюбося яко победит тоя человеколюбие моя беззакония, и желаемое милостивно подаст. Пакиже о лютном свирепстве злаго христианскаго томителя и его присных служителей, аще и нелепо есть за злобу сих вспомянути, но убо изреку за победу Богоматере, премирно победившую Варяг тех, взявших великий Новград в свою область со окрестными того пределы. В то время и обитель Тихвинская Варягами бе обладаема и многое от тех терпяше утеснение».

* Рукопись, найденная нами в библиотеке Тихвинского монастыря, списана (конечно, с другой, современной) в 1658 году, следовательно, и список этот был сделан не более 35–40 лет после самих событий обдержания и освобождения обители.

Всем известно, что в страшную годину, когда Россия, терзаемая возмущениями в недрах своих от самозванцев, а отвне нападениями литовскими, была принуждена просить (в 1609 году) помощи у соседей, шведов, она неволей уступила им за нее Карелию*. Когда же присланный в Новгород с вспомогательным войском Яков Понтус Делагарди, вместо честного пособия России, которое прославило бы его имя, заклеил его и вопреки воле своих соотечественников запятнал их честь неистовым нападением (с 1611 года) на северные города и селения наши, разорял, грабил, опустошал, предавал их огню, проливал кровь беззащитных и мирных людей, и наконец, пользуясь горьким положением страны, силой, под разными предлогами, которые лживая светская история оправдывает решительным наименованием политических и дипломатических (будто бы то или другое сочетание звуков могло переменить ложь в истину), взял на копье и самовластно завладел всей областью Новгородской: тогда с многими другими обителями и Тихвинская подпала под общее владычество коварных, на помощь призванных шведов, которые содержали в ней довольно сильный гарнизон и частью обратили ее в свой плацдарм**.

* Это эпоха и временного падения многих святых обителей. Острова Валаам и Коневец с монастырями их находились в Карелии тогдашней.

** Из уступленных, как мы выше сказали, с Карелией островов Валаама и Коневца монахи забрали святыню и мощи угодников и перешли в Староладожский Никольский монастырь и лежащий против него на другом берегу Волхова Васильевский (ныне погост) и по другим Новгородским; но и эти два монастыря были разорены шведами. Когда же Столбовский мир (1617 февр. 10) избавил нас от них, заставив пожертвовать для сего, кроме отданной уже Карелии, еще и Ингрию, — тогда и самые церкви многих из сих обителей были обращены в шведские кирки. Провидение Божие судило необходимым поразить Россию не только ужасами междоусобия, смут, грабительства, кровавой войны, коварства союзников, важных государственных утрат, но еще и временным отнятием от нее великих святынь! Петру I, через сто и более лет, предоставило оно возвратить (в 1710 г.) России земли эти и прочно утвердить их за нею Нейштадтским миром (в 1721 г.), тогда лишь начали возобновляться монастыри безбоязненно. Монахи Кирилло-Белозерские и прежде еще (в 1718 г.) стали возобновлять Валаам, куда перенесены были мощи Сергия и Германа.

Терпела вся страна, терпела и Тихвинская обитель кару небесную, в чаянии умилоствления всегда справедливого гнева Господня неизреченным милосердием Заступницы, Пречистой Девы, — и не обманула христиан вера их. Долетел до Тихвина сквозь неприятельские ряды слух, что воцарился всея России Самодержец Михаил Феодорович и что уже посланы им воеводы с воинством в Псков для избавления Новгорода и мест окрестных. Тогда, вспоминая чудотворное пришествие иконы, жители Тихвинской страны возымели мысль, в твердом надеянии на необоримую защиту Царицы Небесной, послать на реку Усть к Князю Симеону Прозоровскому и Леонтью Веньяминову, воеводам царским, шедшим к Пскову, «да приидут принять обитель с святынею и вручат ее благочестивому Царю. Избрав на это опасное дело Дмитрия Воейкова и Леонтья Арцыбашева, они сперва тайно послали последнего в обитель на совет к игумену Онуфрию и находившемуся там воеводе Трусову. При помощи Божией Арцыбашев исполнил поручение и тайно же от шведов возвратился невредим. Между тем в самой обители церкви были безвыходно полны иноков и народа; не переставало во всю ночь сердечное молебное пение, а шведы, с хохотом входя в храм, кричали русским: «Молитесь, завтра все умрете!». Наутро со стен увидели русские родное им воинство; Воейков и Арцыбашев успешно исполнили поручение. Уже на Усть-реке была жаркая стычка с находившимся там небольшим отрядом шведским, который был частью разбит и опрокинут, частью взят в плен; начальствовавший же ими Франерук лишился жизни. Сведая об этом, иноки и миряне русские в монастыре с начальником их Трусовым внезапно напали на врагов — «немец, иже с ними на стражах стоящих и избиша их», с их начальником Лакумбом. Узнав о двойном поражении, в монастыре и вне стен его, обладавший Новгородом Понтус Делагарди исполнился ярости; в жажде

кровавого мщения он приказал от места, называемого Беляя, за сто верст от Тихвина, двинуть к нему свои полки. Около обители между тем весьма малочисленный отряд войска русского торопился утвердиться за ограду и копал рвы. Окрестные населенцы с женами и детьми стеклись в монастырь и там с иноками и немногими людьми царскими затворились, надеясь не на крепость стен, а на неодолимое заступничество Царицы Небесной. Незначительность русских сил увеличивала самонадеяние шведов; они явились в Тихвинский посад (на юго-востоке перед монастырем) в первую субботу Петрова поста, в час пополудни (5 июня 1613 года). Вырезав там всех не успевших скрыться бегством, они хотели расположиться станом, но были предварены смелой вылазкой из монастыря; многие пали под ударами русских, другие разбежались. Опомнясь от первого смятения и снова собравшись, еще в большей ярости за новое поражение, войско неприятельское в тот же вечер, в девятом часу, стянулось против обители. Там все молилось: стар и млад, с распростертыми руками на коленях пред иконой Богоматери, громко вопили о заступлении или о сподоблении прощения грехов при кончине, под оружием неприятельским. В третьем часу утра следующего дня неприятель стремительно бросился к стенам. Русские, приняв благословение игумена и призывая на помощь Матерь Божию, выступили из храмов обители в ворота; с двух сторон напали они на шведов, с твердой надеждой и решимостью умереть или победить; опрокинули, смяли, били, гнали врага, брали в плен и, слава Бога и Пречистую Деву, возвратились в стены обители. В бесплодной ярости, предав огню все, вне обители находившееся, неприятель послал за свежими силами и вновь расположился в посаде.

Между тем в монастыре все опять собрались пред Чудотворной иконой. Лишь видимым пособием Царицы Небес-

ной эта горсть людей могла одолевать и торжествовать до сих пор; но неприятель был многочислен, он более и более усиливался и воспламенялся от поражений большей яростью. Опасность возрастала с часа на час — моления не прерывались!

В эту самую ночь слепая женщина Мария, за два года пред тем пришедшая из Онега-озера в чаянии исцеления слепоты и получившая за чистую веру свою, зрение, — воздремав с неосохшими еще слезами молитвенными, увидела пред собой Пречистую Деву. «Иди, — сказала ей Матерь Божия, — объяви всем находящимся в обители, да возьмут икону мою и обойдут по стенам вокруг и узрят милость Божию». Мария спешила поведать о явлении и повелении Царицы Небесной. Неизреченная радость и упование несомненное наполнили сердца. Чудотворный образ с молебным пением и литиями был обнесен по стенам, и в то же время неслыханный страх внезапно напал на врагов. Они поднялись без видимой причины, смешались и в беспорядке, гонимые неведомым ужасом, бежали от обители к месту, именуемому Грузино.

Иноки известили о всем воевод Князя Симеона Прозоровского и Леонтия Веньяминова, находившихся еще на Усть-реке; они прибыли с войском (24 июня) и, двинув его ближе к посаду, сами расположились в девичьем монастыре Введения Богородицы. Понтус горел желанием отмстить за многочисленные постыдные поражения, тем более, что во всем округе Новаграда одно лишь это место противилось ему и не могло быть покорено его оружием. Он приказал стянуть в Иверь-гору многочисленнейший корпус, присоединив к нему поляков и Литву, снабдить его значительным числом орудий и, совокупясь на Грузине, идти против обители. Прозоровский между тем ставил острог около слабого девичьего монастыря, а Веньяминов принял защиту Большого Тихвинского монастыря, и оба, услышав о приближении шведов,

пошли им навстречу. Неприятели сошлись за две версты «и бывшу сражению», — как говорит летописец, — «с немцами, едва без пакости от них отъидоша». Эта битва не решила, однако же, ничего; те и другие возвратились в свои позиции; немцы укрепились на посаде и ежедневно без усталости препятствовали работам русских, тревожа их мелкими нападениями на разные пункты. Вскоре значительной частью своих сил они пошли на приступ Большого монастыря, неся огонь, чтоб зажечь деревянные части стен и зданий; но покушение это было уничтожено. Шведы, отбитые с уроном, кинулись на приступ слабого монастыря девичьего*, но и там были опрокинуты с потерей.

Тогда, с прибывшими вновь пособием и орудиями, они сперва разделились на два корпуса и, начав прежде громить девичий монастырь «огненным стрелянием из великих бранных сосудов», а после двумя колоннами с юго-запада (почти спереди) и с юга пытались овладеть Большим монастырем. Но милосердие Матери Божией помогало русским в их смелых вылазках. Шведы опять стянули отряды свои, готовя решительный удар, устроили сильные батареи, громя с них обитель, «высоко землю насыпаша и бранная орудия в них поставиша, и начаша стреляти непрестанно, и огненная кознодействия пуцаша во острог, зажещи его хотя; сами же свирепо приступая...» Крепко бились с ними воеводы: «брань была от утра до ночи». На следующий день шведы поставили новую батарею с северо-западной стороны, на пути между двумя обителями, чтоб прервать сообщение отрядов. В слабом и тесном монастыре женском стены вспыхивали несколько раз, а стеснение доходило до последней крайности, и в это время изменник Гавриилко (из Смоленска), первый с начала достохвальной борьбы, бежал к немцам.

* Около трех четвертей версты пред мужским, к северо-западу от него.

Гибельный пример нарушил общее настроение; одни требовали покинуть обитель, другие хотели сидеть в ней до смерти. Неустройство усиливало страх, все всколебалось, не повинуюсь более начальникам, многие начали толпами выходить из ворот, спускаться чрез острог и, окружаемые шведами, погибали под их мечами.

Тогда Князь Симеон Прозоровский перешел с отрядом в Большой монастырь; но и тут он уже застал «раскол». Так гибелен один злой пример! Одни собрались седлать коней, чтоб покинуть обитель; другие, в ярости на изменников, рассекали седла и убивали лошадей, грозя и своим смертью. Голос воеводы, внушаемый верой и честью, восторжествовал однако же над взволнованными страстями; усмирив мятеж, он в храме пред Чудотворной иконой, во услышание Христа Спасителя и Матери Его, принял от всех торжественную клятву: «Единодушно стоять за дом Пресвятыя Богородицы и не покидать его до последнего дыхания».

Между тем было решено: игумену Онуфрию и воеводам Воейкову и Трусову идти к царю, чтоб лично донести о неслыханно неравной борьбе, превосходящей всякое человеческое мужество, и просить скорой помощи. Но царь уже знал о всем «и печалился горько». Этот монастырь, заключающий в себе драгоценную святыню земли русской, был вместе и единственным в окрестных пределах пунктом, который царь еще обдержал, благодаря мужеству малого числа иноков против многочисленного и дышавшего яростью неприятеля, обладавшего всей страной. За семьдесят верст от монастыря посланные встретили воеводу Исаака Сумбулова с войском, уже отправленным на помощь Тихвину, но, по спешности или по недостатку военной осторожности, шедшим в беспорядке «не стройно и не вкупе». Шведы в это время вели правильную атаку с юго-восточной стороны, самой слабой и удобной. С восточной и северной монастырь окружен

Тихвиной, с западной перед ним разлегся широкий, частью низменный и болотный луг, оканчивавшийся на восточной стороне, где место до реки, ближе к монастырю, ровное, потом, все возвышаясь, образовало высокий обширный холм, значительно возвышенный над деревянным с этой стороны тыном. Потому-то эта часть и была укрепена самой сильной, поныне сохранившейся башней, с выходными воротами. Здесь-то «немцы в дружиша некая кознодейства крепостна зело и начаша рвы копати». Призвав в помощь непобедимую десницу Царицы Небесной, русские смелой вылазкой опрокинули некоторые работы неприятеля, сбили его с места, гнали и, забрав оружие бежавших, возвратились в обитель.

Между тем вспомогательный корпус русский приближался в том же неустройстве. Одна часть его подошла довольно близко к монастырю, без всякого порядка, почти вразброд, вероятно, полагаясь на постоянное одержание соотечественниками верха над врагом. Другая половина этого корпуса без нужды расположилась верст за пятнадцать от монастыря и начала, без всякой побудительной причины, окапываться. Переяславец Федор, второй изменник во время этой славной борьбы, бежал к неприятелю и открыл ему о бесчинии в войске Сумбулова. Шведы, усиленные со своей стороны новыми прибывшими к ним на помощь отрядами, стремительно напали на передовой отряд русских, побили множество, других захватили в плен и между ними игумена Онуфрия; нагнали всю эту толпу на главный корпус Сумбулова, который, не успев окопаться, не выдержал нападения и, захваченный врасплох почти без оружия, был смят, опрокинут своими. В совершенном беспорядке войско это бросилось обратно к Москве, со всех сторон получая известия, что вокруг обители число шведов ежеминутно усиливается...

Нетрудно понять, как высоко и славно значение обители Тихвинской — тесного, припертого к реке уголка земли,

с несколькими каменными кельями и деревянным тыном, защищаемого горстью оставленных без помощи солдат, иноков и людей всякого звания, — Тихвина, одиноко во всей области Новгородской державшегося против многочисленного шведского войска и уничтожавшего все усилия столь же гордого и ярого, сколько коварного Магнуса Делагарди.

Точно, шведы не замедлили возвратиться к стенам монастыря. Со смехом объявляя осажденным и об отбытии войска, на помощь которого они надеялись, враги показали им пленного игумена Онуфрия, угрожая предать его смерти, и требовали сдачи. Требование это было отвергнуто, а шведы снова отражены от стен. Через несколько дней они опять кинулись на приступ ночью. С яростью стыда и досады усиливались они зажечь и разорить этот слабый городок, «видя яко худ он и малу крепость имать». Их опять отбили, поражая силящихся влезть на тын метанием с него камней, бревен и т. п.

Ярость военачальников Магнуса и войска была возбуждена до высшей степени, они приняли неременное намерение уничтожить монастырь, вот что бы то ни стало: дни и ночи проходили в непрерывной работе, войска стягивались со всех сторон, копались рвы, и под самыми стенами обители воздвигались огромные батареи.

Грозные приготовления врага наконец начали возмущать дух находившихся в монастыре, и... таков человек, хоть на минуту отступивший от твердого упования на Бога... эти люди до сего времени столь же смелые, сколь единодушно верные благочестию, теперь, со всех сторон обхваченные опасностью видимой смерти, разделяются; одни молятся Пресвятой Деве пред Чудотворной Ее иконой, другие, это значительное сборище всех возрастов и полов, вместо молитв, забывая опасность, предаются самонадеянию и греховным нечистотам! «Не без греха убо, — говорит летописец, — в таком

народа стеснении обреташеся, огню с сеном в едином месте водворяющуся». Такова слабость растленной грехом природы человека. Но Бог не хочет смерти грешника; милосердая Царица Небесная не оставила осажденных погибнуть временно и вечно.

Между ними находился послушник Соловецкого монастыря Мартиниан, человек чистый сердцем и богобоязненный. Пречистая Богородица сама, с Святителем Николаем, с преподобным Варлаамом Хутынским и Зосимой Соловецким, являсь ему в видении, прорекла: «Близ гибели есть место сие многих ради нечистот греховных, имиже осквернися святое мое сие место». В ужасе от видения воспрянул Мартиниан и устами, из которых дышала сама истина, поведал о нем начальствовавшим и людям в обители. Осажденные, как древле Ниневитяне, немедленно покаяться; все развратные и скверноделатели были отысканы и изгнаны из стен; очистили церковный притвор; с горьким рыданием притекли к Чудотворному образу Пречистой Девы и неумолкаемыми молитвами, с плачем умилоствляли благосердного Владыку, да не предаст людей своих в руки врагов, уже начинавших одолевать осажденных, которые изнемогали от непрестанных битв и уменьшались в числе. Пользуясь неустройством их, шведы успели стянуть новые отряды; войско их пылало яростью и окружало монастырь уже и с восточной стороны, поставив и там для разгрома его сильные батареи*, но с минуты общего покаяния кратковременные удачи шведов опять, по милосердию Бога претворившего гнев свой, заменились успехами осажденных. Совецавшись, они нечаянной вылазкой, с молитвой,

* Место это (где ныне городское кладбище) чрезвычайно высоко. Кто наблюдал со всех сторон положение монастыря, соображал бессилие русских и силу шведов, тот не может не сознать несомненно, что в этой дивной борьбе перст Божий всепомоществовал православным и что он один мог даровать им возможность держаться и победить конечно свышеестественно.

бросились на врагов; смело, крепко боролись в рукопашной продолжительной сечи, и «даде им Богоматерь славное на враги одоление и победу: немнози бо суще, многия тысящи супостатов победиша и прогнаша, а иных живых яша и во обитель приведоша». Следствием этого нового поражения была новая ярость шведов, горевших желанием отмстить за стыд свой. Стянув свои резервы и умножив ими войско, они тесно обложили монастырь со всех сторон и начали вести подземельные ходы и подкопы в разных местах под ворота и стены обители. Узнав это, осажденные со своей стороны повели рвы и *слухи*, но не могли перенять неприятельских работ и с твердостью возложили все упование свое на единого Бога. В этой опасности опять демон измены погубил двух из числа защитников дома Богородицы; сперва бежал казак *Тяпка*, а на третий день после него обесчестил себя тем же помещик *Мурат Пересветов* (из пределов Ростовских). Они передали врагу, к стыду его, истину о крайней слабости русских, об отчаянном их положении и о совершенном оскудении продовольствия и пороха. Тогда шведы, вновь укрепив свои батареи, изготовив лестницы, неся с собой огни, пошли на решительный приступ с южной и юго-восточной сторон, слясь поджечь обитель во многих местах, где, по первому знаку, все, стар и млад, от молитвы из храма поспешили на стены и башню. Старики, женщины и дети носили, лили воду, кипящую смолу, кидали бревна, каменья; все дрались с крепостью веры истинной за икону Матери Божией и отбивали многократные отчаянные нападения! Примеры личного мужества защитников могли бы быть переданы потомству позднему, «но (говорит скромный, богобоязненный писатель) о них исповедити ныне несть потреба, — милость Богоматере да глаголется, а не ратных обычай». Чем сильнее ярилось бешенство врага, тем дивнее знаменовалось заступничество Царицы Небесной. Тринадцатого сентября, после

нового явления Мартиниану Божией Матери, по повторении того же явления в тот же час, другому человеку именем Георгию, русские, сперва в смелой вылазке за рекой, в третьем часу ночи, побили множество шведов, увлекли других в плен и с самой батареи взяли пушки и оружие, — потом, под утро, когда они, утомленные боем, возвращались за стены, а шведы, опаматовавшись, решительным натиском всего войска собирались сорвать с земли эту ничтожную гряду, так долго противившуюся их мужеству, искусству и силе, — Господь поразил врагов страшным чудом. Им виделось, будто со стороны Москвы идут к обители многочисленные полки с несметным оружием и развевая в воздухе крестоносные хоругви!.. Объятое страхом войско шведское двинулось к бегству, но было удержано вождями, остановившими их надеждой на готовые уже подкопы, которыми врата и стены будут немедленно взорваны... Новая вылазка с громкой к Заступнице и Поборнице молитвой и трепет неописанный обнял тогда все войско шведское; «возмятошася, восколебашася и яшася бегства, со студом, друг друга создади биюще». Их гнали «секуще аки стеблие», брали живых, сидевших в рвах засыпали землей. Приведенные в обитель говорили, что видели своими глазами в предшествовавшую ночь многочисленное воинство, шедшее к монастырю, а во время вылазки в несметном количестве хлынувшее на них из-за стен. Дивная победа эта чудесно дарована русским Богоматерью, в ночь воздвижения Животворящего Креста ее Сына, 14 сентября и в следующий за ним день (1614 года). В бесплодной ярости постыдного бегства шведы устремились окончательно от стен монастыря к Новгороду, и на пути уничтожив до основания девичий монастырь, обратили его в пепел. Месть, только увеличившая их стыд.

Отдохнула святая обитель Тихвинская и окрестные жители от тяжких испытаний жестокой, продолжительной

борьбы: но, облитая кровью, засеянная трупами земля с разгромленными селами была все в той же опасности. Магнус Делагарди еще владел областью Новгородской и готовил страшную месть за неслыханный стыд, понесенный его воинами, которых столько пало под стенами Успенского монастыря. Гроза была тем страшнее, что, — вероятно в надежде на явное предстательство Божией Матери, и полагаясь на страх, нагнанный на врагов последним, чудным поражением, — отозвали от монастыря и царских воевод со слабым отрядом их. Магнус Делагарди ожидал этой минуты. Не прошло года, как шведский полководец направил многочисленнейшие силы с повелением «неприменно разорить монастырь до основания, а Чудотворную икону Божией Матери изрубить на части, разбросав камень по камню церковь, в которой она находилась». Когда это сделалось известно в монастыре, войско шведское было уже в недалеком от него расстоянии. В неописанном страхе, забывая недавнее дивное вспомоществование свыше, не размыслив, что эта новая неравная борьба начиналась, так сказать, между человеком и Божеством, что Магнус вызывал на брань как бы силу самой Владычицы, и на Ее храм и святом изображении хвалился отпечатлеть свой гнев и отмстить стыд свой, — люди положили на совете взять Чудотворную икону и бежать с ней к Москве. Но то положили люди, икона же — не давалась! Все усилия снять ее с места были бесплодны. Тогда слабые в той вере, которая не сомневается и в самых крайних обстоятельствах, уразумели, что Пречистая не благоволит их бегству, и, возложив на всемогущую помощь Ее всеполное упование, они затворились в обители, ожидая врага. Высланные из монастыря соглядатаи увидели многочисленное воинство шведское уже за двадцать верст от стен и в ужасе возвратились с этим известием. Слабая горсть защитников, укрепляясь денно-нощной молитвой, решила:

«умереть на стенах, не допустив к храму Богородицы ни одного врага иначе, как чрез трупы всех до последнего из Ее рабов». Но Царица Небесная ждала не кровавой жертвы этой, а только истинной на нее решимости и веры. Она не допустила врагов. За рекой Сясью, в полдня ходьбы от обители, шведы были поражены новым чудом: им казалось, будто многочисленное воинство, сильно вооруженное, со всех сторон стремилось им навстречу. Не имея надежды противостоять массе, которая была готова охватить их, шведы бросились бежать в смятении, подавляя друг друга. Напрасно ожидали на стенах монастыря появления врагов; когда окрестные жители принесли весть о непонятном бегстве их, никто не хотел верить тому. Только придя на самое место, убедились в истине. Окрестность была засеяна покинутым оружием; помятый кустарник, поломанный молодой лес, значительное число воинов на большом пространстве, подавленных или втоптаных в болота, — свидетельствовали об ужасе и стремительности бегства кичившегося неприятеля, пред призраком полков, по милосердию непобедимой Заступницы. С этой минуты враги не дерзали уже более тревожить обитель.

Прошло опять около года, и вот мирные от Царя послы прибыли в стены Тихвина монастыря, при игумене Макарии (впоследствии бывшем сперва Архиепископом Вологодским и Пермским, а потом и Митрополитом Новгородским). Взяв копию* с Чудотворной иконы Божией Матери, они отправились за пятьдесят пять верст к реке Сяси, на место, именуемое Столбово, куда прибыли и шведские послы, и там в Великий пост (февраля 10-го 1617 года) заключили мир (Столбовский) пред Чудотворной иконой Божией Матери, столь дивно поборавшей православным. Оттуда они

* Которая была перенесена после в большой Успенский собор в Москве.

направились с той же иконой на принятие Новгорода из рук врага и были с радостью несказанной встречены Преосвященным Исидором с духовенством и людьми, от грудного ребенка до столетнего старца, приветствовавшими с благодарственными слезами Царицу Небесную, избавившую не только обитель, но через нее и Великий Новгород со всеми пределами его, от владения Варяжского, и утвердившую их во власти православного царя. «И бысть тишина Российскому царству молитвами Ея».

Миновали брани, беды и нужды; девять лет обитель наслаждалась миром ненарушимым. Но Богу, по недоведомым Его судьбам, дивно сохранившему ее от варягов, «изволилось», — как выражается летописец, — «посетить ее огнем (в 1626 году), на попаление вконец всякой скверны, яже во осаде от многонародного множества всякаго чина и возраста зле содеяся». В немногие часы все деревянное строение было обращено в пепел, а каменные стены трескались и рассеялись от жара. Когда икону износили со многими молитвами, пламень расступался, отдаляясь от нее на обе стороны. Огромное каменное здание колокольни, разделенное вверху на пять гнезд для колоколов, содержало внизу палаты, в которых хранился порох, он вспыхнул, взорвал четыре гнезда и пожег все ближайшее; пятое гнездо осталось цело с верха и с низа. С большой главы собора сорвало крест и воткнуло его невредимо в землю; эта глава уцелела, а другие сгорели, как и все деревянное в соборе, кроме бруса, к которому прикреплялась икона на Святых вратах. Каменная церковь была разрушена близ дивно сохранившихся деревянных построек. Бедствие было ужасное и чудное по многим частностям; обитель претерпела его июня 29, на память св. Апостолов Петра и Павла. Поздно познали иноки истину явления преподобного Макария Никите юродивому и долго изливали

они молитвы и покаянные слезы пред Божиею Матерью, благостью которой монастырь, не во многое число лет богатысь чудесами от Ее иконы, был приведен в прежнее и несравненно большее благолепие.

Чудесным исцелениям от иконы, на истинно верующих излитым, нет числа. И поныне не отказывает в них Царица Небесная чистосердечно прибегающим к Ней; собрание повествований о них составляет целую книгу, — а сколько еще остались тайной между Небом и душами, испытывшими безграничность и всемогущество Его милосердия?

Глава IV

Приход к собору Успения. Нищие. Собор. Взгляд на построение, основная идея. Стенное писание. Размеры церкви. Иконостас. Впечатление, производимое собором. Размещение икон. Икона Чудотворная Божией Матери. Киот. Риза. Драгоценности. Замечательные иконы. Ризница, сосуды, Евангелия. Рукописи, библиотека. Облачения. Замечательный покров. Воспоминания победы. Собор Рождества Пресвятыя Богородицы. Двухвековая тяжба. Притвор, храм, трапеза. Юго-восточная наружная стена. Гостиные кельи. Крайняя башня. Конюший двор. Перечень. Пожалования; отличия во служении. Настоятели

У самого входа в древний собор Тихвинской обители, пробежав мыслью чудные события, свидетельства милосердия Божия к людям, мы опять останавливаемся пред прагом храма, чтоб в новых свидетельствах того же милосердия созерцать душою неистощимо многообразную благость, непрекращаемо-постоянное попечение Отца, всячески призывающего к себе детей и спасающего их всеми средствами.

Подходя к Святым вратам монастыря, вы видите на широком тротуаре, на выступах, на лестнице — нищих, ожидающих пособия во имя Христа. Переступя за эти врата

(пред которыми всякий идущий в монастырь снимает шапку и входит сперва по лестнице в палатку, чтоб поклониться иконе Божией Матери на самом месте ее явления), весь путь до дверей собора, как и крыльцо его, наполнены нищими и бедными. Здесь множество слепых с чашечками в руках, болезненных старцев, расслабленных женщин, калек, полумных, немых и гугнивых; огромное семейство так называемых странников и странниц всякого возраста, не имеющих «града пребывающего», но витающих при домах Божиих от Соловков до Иерусалима, полагая свои котомки и посохи под кровы всех обителей и питаемых ими. Люди эти то в черных присвоенных ими одеждах, то в подрясниках и длинных волосах, то в рубищах и лохмотьях, то юные, то престарелые, то безумные, то мыслящие, у которых на испытанных изменчивостью жизни лицах поучительно было бы прочесть историю ими умалчиваемую, но которая нередко привела бы вас в изумление и разрушила бы в одно мгновение очарование суеты жизни... Люди эти являются здесь толпою; между ними мелькают и простодушные и юродивые, так называемые в народе *блаженные*, — и все вместе составляют для мыслящих глубокую загадку, плохо понимаемую людьми света. Вот что встречает и провожает вас от Святых врат обители до священных дверей самого собора.

Представлялся ли вам вопрос, самый простой: зачем все эти люди тут, близ обители? Светская наука решает его так же легко, как ошибочно. В богатых городах тому ниществу, которое она понимает и которое города эти создают и поддерживают, жить выгоднее; и эти могли бы переселиться туда, где живут те; зачем же они здесь, где не знают ничего о светской филантропии, где нет празднеств и пиров в пользу бедных, где подаяния скудны, едва достаточны на кусок хлеба и не довольны на теплую для зимы одежду?

Что удерживает этих людей, проводящих иногда тут всю жизнь бездомно, на воздухе, под непогодами, без малейшего признака какой-либо собственности, кроме рваного на теле тряпья; без самонаименьшего помышления о каком-либо не только довольстве, но и удовлетворении необходимейших нужд? Нет ли тут, у врат этого нового Иерусалима, среди сей меньшей братии нашей незримого нами присутствия самого Спасителя?.. Не к Тому ли пришли сюда все эти труждающиеся и обремененные, несущие иго Его, Кто сказал им: «Приидите ко Мне и Аз успокою вы?» Они поверили Ему более нежели филантропам, и, благо им! Что в том, что наука ваша спрашивает: где же покой их?.. «Советы Мои не якоже советы ваши». Покой Божий непонятен ищущим покоя в неге плоти и в услаждении ее страстей и похотей. Можете ли вы знать, этому слепцу, немолчно вопиющему к Спасу: «Иисусе, сыне Давидов, помилуй мя», — не отверз ли уже Он очи внутренние, не снял ли с него той слепоты, которую мы и не подозреваем в себе? — это и к немому, и гугнивому, не развязал ли уже язык разума истины? В кровоточивой и расслабленном за веру, по которой они только коснулись Его в толпе людской, не остановил ли тока беззаконий, не восстановил ли крепости духа?.. Сомнения нет, Он здесь; иначе и их тут не было бы. Чего могли бы они искать посреди людей, между которыми не являлся бы Он сам? Кто когда, где сказал им: приидите к нам, мы успокоим вас? Напротив, век говорит им: идите от нас, мы дадим вам что признаем возможным. Кто дерзнул бы сказать им, несмотря на самоуверенность свою: возьмите иго наше на себя, и научитесь от нас быть, как мы, кроткими и смиренными сердцем? Так мог говорить только один Он; и они учатся этому от Него, сколько могут нести, а потому и Он сам здесь, с ними, у врат Иерусалима нового, как и у врат древнего мы видели Его всегда

окруженного, теснимого этими же слепцами, бедными, прокаженными и расслабленными...

И вот уже одна грань того многогранного, многоценного, честного бисера, который мы приобретаем для души на самых порогах святых обителей. Не только к успокоению нищих, призрению беспомощных, питанию алчущих должно относить это, но, что стократ важнее, к умилению чрез них сердец наших, огрубевших в суете жизни, правах века и похотях плоти; к сближению нас с благодатью Божественной чрез умиление. «Нищие всегда с собою имате», — сказал Спаситель в необъятной благости своей. Слово Христа — истина вечная. Возможно ли нам отстранить от себя нищих, когда сами мы в душе нищие и нищее всех просящих, что ясно доказывает нам каждое движение всей жизни нашей?..

Население бедных и нищих здесь, как при всех обителях, состоит из частей, которые можно назвать одну — оседлой (не говоря о призреваемых в богадельне), другую — переходной. Кто менее лишен возможности двигаться, тот бродит еще по миру Божию, — пропитываясь благодатью Того, на Кого единого возвергл печаль свою, и молится Ему на всяком месте владычества Его. Кто лишен этой возможности, тот, оставаясь здесь, нередко, несмотря на крайнюю немощь, болезненность и дряхлость, не хочет втуне питаться хлебом обители; есть слепцы, которые, бродя по заученным путям с палочкой и ведром, по собственному вызову, оплачивают насущный хлеб ежедневной приноской известного количества воды, дров или другой подобной услугой.

Подайте, что можете, во имя Спаса Искупителя нашего бедным этим и, напутствуемые их молитвой, вступите на порог, где ждет вас благословение Божией по ходатайству Его Пречистой Матери; приступите к Тому, Кто назначил мзду не за подавание роскошное, на удивление другим и на услаждение собственного тщеславия совершенное, — но «за чашу

студены воды», во имя Его с искренним чувством любви поданную.

Вступив в соборную церковь Успения Пресвятыя Богородицы, вы поражаетесь (по крайней мере, со мной так всегда бывало) тем, почти бессознательным для вас самих чувством, которое пробуждают эти полумрачные, свято-таинственные, важные, мудро-простые постройки преразумных наших предков. В удлинённом, гладком без всяких выступов четверугольнике, на трех пятых длины его, высоко воздымаются гладкие же массивные, но не тяжелые четырехгранные столпы; спокойно, как будто медленно восходят они и там, высоко, связываются между собой и со стенами, столь же спокойно перелегающими, довольно плоскими сводами, как будто теряющимися от высоты и цвета в выси неопределенной. В этой простоте, в этой искусной безыскусственности несравненно более величественного, духовно-глубокого, нежели в затейливых выступах, углах, извивах и узорах, которые, дробя внимание на мелочи, необходимо развлекают ум и глаз, всегда любопытствующий. Всякий помысел зарождается от внешнего или внутреннего представления предмета. Мы уносимся затеями художника в разнородные художественные соображения; бегаем за вкусом века, плоти; ищем красот, достоинств, каждым из нас по своему понимаемых, и вовсе отдаляемся от того настроения духа, которое едино необходимо, — потому что оно единое не только неоскудно, но и плодоносно. В храмах древних (как во многом еще и этот, несмотря на подновления) мысли пресечен, сколько то возможно, так сказать, повод запнуть-ся, — мысли вследствие глубокого греховного падения нашего весьма шаткой, но шаткости которой светский человек не уразумевает! Здесь, от каменного помоста до верха купола, подставлены как будто ступени, способствующие мысли незаметно восходить от вещественного к духовному лишь

по священным изображениям. В таком храме мысль, невольно сосредоточиваясь в себе, начинает очищаться от образов и впечатлений внешних, начинает возноситься и стремиться к высокой святине лишь по изображениям духовно начертанным. В самых же изображениях этих не было и легкой тени умысла остановить такой полет молитвенного духа цепью очертаний чувственности, чрез поражение глаза заманчивой, мечтательной красотой и пластической приятностью форм, обаятельностью в сочетании цветов, эффектом освещения, драматизмом в поставке фигур отдельных или групп.

Нет, в храмовых работах православного древнего искусства полагалась основной идеей строго сознательная обязанность стараться всеми мерами, так сказать, возвести связанную грехопадением душу из-под сводов храма, как бы на самое небо, — «извести из темницы душу, чтоб исповедаться имени Его»; и для этого — напоминать не через чувства, а через отрешаемый от чувственности разум, сколько то доступно человеку, — всю необъятность величия предмета, в который надлежит погружаться здесь всецело; предмета человеку недоступного иначе, как через отрешение его от всего чувственного и, напротив того, через высшее оживотворение всей его деятельности духовной; предмета, к которому ему, праху, дана область возноситься, и пред которым все вещественное искусство его, как бы ни было оно совершенно и изысканно по понятиям века, все же будет перст и ничтожество по исполнению, если не будет облагорожено этой, дающей ему дух, мыслью.

Нельзя сказать: *можно думать*, но должно выразиться не иначе как: *нельзя не видеть*, что искусство современное, применяемое к украшению храмов Божиих, вовсе и не искало в древних православных образцах этой мысли искусства тогдашнего; оно наблюдало только линии, формы, цвета, все

ту же вещь, дух же оставляло в стороне, не касаясь его; а в нем вся тайна; это понятно. И вот почему мы невольно позволяем себе в описании некоторые отступления; отступлениями, конечно, назовут это многие. Гладкие стены наших стародавних соборов гладки не по неискусству (бесчисленные и неотразимые свидетельства доказывают то ясно). Они избавлены от лепных орнаментов для сплошного стенового писания. В этом соборе оно разделено на картины, каждая в особой простой раме, тоже писанной сообразно с мерой и очертанием представлявшегося места. Живопись существовала здесь при первоначальном построении, первое обновление ее произведено после предсказанного пожара, потом она подалась временем до последней переделки, при Императоре Павле I, и эта переделка была не изобретением, но воссозданием, хотя все же она была *переделка*, — и древний характер уже утрачен. У дверей при входе в собор, на левой стене длинная живописная хартия объясняет, что живопись настенная произведена в два с небольшим года и окончена в первое лето царствования Императора Павла I, под надзором и трудами Логина Шустова (синодального над иконописцами надзирателя) с другими ярославскими людьми. В то время от щедрот Монарших пожаловано было на этот предмет 20 тысяч рублей, да прибавлено от добровольных пожертвований на обновление храма до 40 тысяч.

Нельзя назвать настенного писания Успенского собора превосходным, но не обвиняя скажем, что оно хорошо, хотя далеко уже от прекрасных прежних образцов, остатки которых еще кое-где находятся в православных храмах. Есть фигуры, обнаруживающие точное знание рисунка и то, что они не новы, а возобновление древних: но общий стиль, не совсем еще выходя из идеи выше выраженной, в воссоздании это уже внес основы элемента итальянского, западную манеру, заменив ими отчасти прежнюю иконопись.

По крайней мере, в композиции групп, в положении фигур сохранены важность, простота, спокойствие, приличествующие предмету; есть лица и части чрезвычайно удачные; есть и весьма неудачные. Краски в пятьдесят лет почернели, выгорели, многие совершенно изменились; блики, поглотив подмес других цветов, резко выступают белыми неприятными пятнами, а тени — совершенно черными полосами. Зато нет тут ничего, что очаровывает того знатока, который требует, например, и от истомленной полувековой сверхъестественной покаянной жизнью Марии Египетской, чтоб почтить ее вниманием, — восхитительной красоты лица и форм. Вместо «духа сокрушенна и сердца смиренна» кающегося грешника, нет ничего взыскующего от богомольца пересудов и тонких оценок, эксперта живописной выставки, или туриста, пересмотревшего все возможные картинные галереи Запада.

Исполнение подчиняется мысли, а мысль в этих храмах наших вся дышит уже и в самом размещении изображений. В вышине большого купола над всем является Триипостасный в славе; под Ним — девять Ангельских чинов; в откосах — Евангелисты; на всех сводах, в арках и полукружьях — Ветхий Завет со своими преобразованиями; по стенам и столпам в три яруса — история Евангельская и страдания Спасителя. В алтаре на своде опять Триипостасный; над престолом Спаситель благословляющий и Тайная вечеря; против престола — Распятие Господне; ниже — Спаситель, благословляющий 70 Апостолов на проповедь; на горнем месте — опять Спаситель в виде Архиерея; по стенам Святители первых веков. Над жертвенником в арке — Отче наш; в своде — Спаситель во образе Младенца. В диаконнике изображения Библейские; ниже их Святители и Архидиаконы; на полустолпах — благоверные Князья и Мученики. С таким же разумом в папертях окружают церковь и вводят

вас в дом Божий, от юга — страдания св. Апостолов; семь таинств Церковных, а в окнах Святители и Преподобные; от запада — Апокалипсис и изображения некоторых Святых. При самом входе на крыльце, в своде, над четырьмя столпами и в треугольной над ними сени, благословляет Господь Саваоф и Честнейшая Херувим — окруженные ликами Апостолов, Мучеников, Святителей и Преподобных; а на первом шаге вас остановил Архангел с мечом, указывающий на хартию, на которой начертано: «Горе стоящим в храме Господнем без страха и не слушающим пения и чтения церковного со вниманием».

И вот украшение стен церкви истинно в православном духе. Здесь нет золотых рам, хитрых вязей и затейливых орнаментов; но нет и голого места; а между тем нет на стенах ничего, что заняло бы вас во время служения разбиранием узорочных, хитросплетенных, роскошных игрушек искусства светского; что напомнило бы вам только о художестве и о художнике. Все стремится к *иной цели*; потому что все исходит из *иной мысли*.

Длина церкви без алтаря 23, а с алтарем и папертью 48 аршин. Ширина без паперти 21, а с ней 34 аршина. Вышина с куполов под крест 17 сажень. Пол плитяной; вдоль иконостаса возвышается на двух ступенях отделенный железной решеткой помост, с удлиненным против царских врат выступом (амвоном) для священнослужащих. Клиросы отнесены к первым от алтаря столпам, приходящимся почти против северных и южных дверей.

Иконостас превосходен*; тот же характер в изобретении и идеи не воспрепятствовал нисколько выразить

* Он, очевидно, послужил образцом для многих стран; в женской обители Введенской, в городских соборах Тихвинском и Шлиссельбургском иконостасы тоже суть снимки с этого; в некоторых монастырях Новгородских, Ладожских — то же, но подражания эти слабы и далеко не соответствуют размерами, красотой и совершенством исполнения их прототипу.

в исполнении, что в деле участвовала мощная, щедрая рука и воля великого Царя. По древнему обычаю до крайней высоты собора возвышается иконостас сей, сам поддерживающий все велико-святое и им поддерживаемый, он возносит на себе высоко «Распеншагося и совознесшаго естество наше». Кресту предстоят Пречистая Мать и «его же любяще» Распятый. Вся громада составлена очень просто, но прекрасно из шести ярусов икон, которые суть очевидно главное, так сказать, все в иконостасе; украшения, резьба, золото, внесены сюда как будто лишь необходимостью соединить, скрепить между собою иконы; а между тем и эти украшения, вовсе не затемняя превосходным рисунком своим икон, сами составляют великолепно-изящное целое. Еще раз нельзя не отдать преимущества этого рода древним нашим иконостасам пред теми, где богатство фантазии художника, разыгравшись в орнаментах, хотя бы прекрасных, и желая блеснуть изобретательностью и изяществом, как будто с неудовольствием теснится, чтобы по необходимости только дать место здесь и там образу-картине. Два эти характера в направлении, под влиянием которого искусство производит, особенно резко выясняются именно в сооружениях этого рода. Мысль первичная всегда была, есть и будет плод многообразных внушений века.

Царские врата, орнаменты тумб, на которых воздымается вся постройка, — двенадцать витых колонн нижнего яруса из крупных переплетшихся ветвей в виде виноградных лоз, листьев и гроздей, — богатый фриз — волнистые мелкие карнизы, — стройные кронштейны, все замечательно серьезной, не мелочной композицией и чрезвычайно искусной рельефной, так называемой *раковинной* резьбой. Смелыми выступами возвышается она, дробя блестящими и полосами свет на позолоте, живописно отделяемой тенями и впадинами углубленных мест, между двенадцати

витых колонн. В нижнем ярусе дано место, кроме царских врат и дверей северных и южных, только шести огромным, почти квадратным иконам. Второй ярус составлен из выступающих кронштейнов двух различных, прекрасных рисунков попеременно; они в двойном числе против колонн нижнего, а следовательно, здесь и иконы уже в двойном числе, что продолжается до самого верха. Иконы этого яруса небольшие, в меру вышины кронштейнов, почти квадратные со скошенными верхними углами; на кронштейнах, через один, опять витые гладкие опоясанные снуром колонны, а на посредствующих кронштейнах вазы, или лучше фиалы, древней формы с цветами. Здесь икон столько же, сколько во втором ярусе. Они узки, длинны, округлены сверху и глубоко вставлены в полого-скошенных боках рам; верхние их дуги сходятся в резную подвеску и тянущуюся от нее вниз полосой образуют две рамы двух икон пролета. В ярусах четвертом и пятом порядок тот же, с сокращением размеров и разнообразием очертаний верха рам, то стрельчатого, то усеченного или скругленного в углах. В самом верхнем шестом ярусе, под распятием, образа вынесены из корпуса иконостаса и стоят на нем наклонно, под самыми сводами, в отдельных рамах того же стиля.

В вечернее время, как, например, на всенощной службе накануне праздника этого храма, когда смерклось кругом, древний собор, наполненный народом молящимся с верой и чувством, глубоко трогаящими и того, кто не умеет молиться так, при свете ряда огромных свечей в древних массивных паникадилах вдоль всего иконостаса, при открытых царских вратах просиявающего величественно сквозь клубы фимиама, в благолепии соборного служения, при ослепительной, будто от самого источника света текущей от Явленной иконы светозарности, отражаемой золотыми завесами, бриллиантами, драгоценными камнями, украшениями

лампады и ризы, переливающейся по волнам курения, расходящейся в глубь переходов и изменяющейся в выси под глубокими сводами в неопределенный сизо-золотистый туман, — в такие минуты старинный собор этот представляется необыкновенно величественным!

Вот как распределены иконы. Во втором ярусе (о нижнем мы упомянем после) помещены: Вход Спасителя в Иерусалим, — Уверение Фомы, — Вознесение Господне, — Сошествие Св. Духа, — Преображение Господне, — Успение Пресвятой Богородицы, — Лазарево Воскресение, — Благовещение Пресвятой Богородицы, — Сретение Господне, — Богоявление, — Рождество Христово, — Введение, — Рождество Пресвятой Богородицы. В третьем ярусе, по сторонам Спасителя (в середине, в чеканной, среброзолоченой ризе), направо Божия Мать, налево Предтеча, потом Архангелы Гавриил и Михаил и за ними Апостолы.

В четвертом, по сторонам Богородицы (в такой же ризе), сперва цари Соломон и Давид, потом Пророки. В пятом, пред Триипостасным, Адам и Ева, потом все Праотцы. Шестой ярус составлен из тринадцати отдельных икон, на которых изображения Страстей Господних. Кроме нижнего яруса, где все иконы в ризах, во всех других одеяны ризами позлащенными только средние, над золотыми же царскими вратами; да два образа (близ среднего) в ярусе Апостольском (Божией Матери и Предтечи); все другие иконы без риз. От этого, с умыслом или случайно, образовался из царских врат и сих икон огромный удлиненный *золотой крест*; спокойно и величаво светит он вам, когда вы, не различая еще ничего более, переступив чрез праг храма, встречаете взором и мыслью на конце длинного среднего Царского пути, благодатный символ спасения, за которым для всех блаженство, Святая Святых. Во всех ярусах лики святых поставлены неизменно в одном положении (в три четверти), все обращены лицом

и несколько склонены главами с обеих сторон к середине, к Спасителю; каждый держит в руке хартию пророчества или писания о Нем Духом внушенного. Такова эта восходящая и нисходящая лестница, в которой Он начало, конец, середина и связь всего, — по которой Им и чрез Него вознеслись все Святые и может быть вознесен по вере всяк, кому Он даровал искуплением область чадом Божиим быти.

Вот превосходный тип настоящего православного иконостаса*.

В нижнем ярусе, от царских врат до дверей северных и южных только по две огромные, почти квадратные иконы на стороне; направо икона Спасителя сидящего и Успения Божией Матери; налево икона Божией Матери Тихвинской и образ, именуемый «Предста Царица»; на нем посредине Господь Вседержитель, с правой стороны Богоматерь, а с левой Иоанн Предтеча. За дверными южными, на которых изображен Архангел Михаил, икона Святой Троицы, а на загибе южной стены преп. Александр Свирский; за северными, на которых Архангел Гавриил, образ Софии Премудрости Божией, а на загибе северной стены преп. Кирилл Белоезерский; над царскими вратами Тайная вечеря. Все иконы эти, особенно же местный Спасителя образ и Успения, в весьма древних (две из них в новых сребропозлащенных искусной чеканки ризах). Древность их письма, в некоторых подновленного, огромность размеров, уменьшающиеся измерения ярусов верхних, чистые греческого стиля очерки ликов с небольшими головами, спокойное и вместе величественное положение их с преклонением к Владыке законопоклоннику,

* Расположение это общее всем почти древним соборам нашим; то же найдете вы в Московском Успенском соборе, те же положение ликов, тот же и общий очерк всего иконостаса; но Московский Успенский в пять, а не в шесть ярусов, верх закончен иначе, стрельчатыми фестоном; там не второй и четвертый ярусы икон меньшие, а один третий; но этот иконостас несравненно богаче, стройнее и совершеннее в частностях.

неизысканность драпировки и колеров одеяния, ряд огромных древней формы паникадил, на длинных кронштейнах, перевешивающихся чрез всю ширину, возвышение перед иконостасом до железной пред ним решетки, свет, слабыми звездками там и тут блестящий на смелых рельефах сети этого громадного сооружения, несущего к подножию креста не золото лишь свое, но изображение всего истинно высокого, бывшего на земле по благодати Бога, — все настраивает душу спасительно, отрывая ее от земного, и чувством умиления наполняет сердце.

Невозможно останавливаться на рассмотрении множества малых, иногда очень древних, икон в этом соборе и в других церквях, икон, стоящих отдельно или в виде священных окладов, окружающих со всех сторон большие иконы, по столпам и стенам, и всегда с разумом и приличием подобранных. Обратимся прежде всего к главнейшему, неocenимому сокровищу не только собора и обители, но всего Отечества, к Явленной Чудотворной иконе Богоматери, пришедшей в 1383 году чудодейственно, и взглянем, чем и как умело благочестивое чувство верных в земных приношениях почтить Небесную Заступницу.

На передней стороне первого правого (от входа в собор) столпа, поставлена икона эта, как и древле в церкви Влахернской. Нельзя не пожалеть, что весь позолоченный столь же богатый, сколь красивый сам по себе кивот, устроенный для иконы Царицы Небесной, был начертан художником не уразумевшим, что на его обязанности лежало понять и сохранить в нем, изукрасив и обогатив как угодно, превосходный стиль иконостаса, а не придумывать *своего* занятого от других.

Вместо древнего стиля православного он не внес бы сюда слишком резко готицизма западноевропейского. На боковых рундуках антаблемента, тремя или четырьмя ступенями

возвышающегося от пола, поднимаются готические храмики, завершенные шпилями и стрельчатыми арками; это группы высоких, тонких с обвивной прорезью колонн (по четыре на каждой стороне), перехваченных поясами; на них покоится выступающая вперед (аршина на два) четырехугольная сень, составленная из мелких фестонов и кистей, над карнизом которых лежит широкий фриз из тонких готических столбиков, связанных такими же арками со спицами и флеронами, с непрерывной цепью херувимских под ними изображений. От сени этой, украшаемой двумя рядами богато драпированных подзоров с кистями, спускаются до помоста роскошные складки завес, пристегиваемых к колоннам и перевитых шнурками с кистями. Ризница имеет несколько перемен таких подзоров и завес, более или менее богатых, и множество пелен частью драгоценных (подвешиваемых вниз от иконы). Накануне праздника Успения, ввечеру, когда находившийся в то время при иконе достопочтенный старец Иеромонах Вениамин с молитвой заботливо украшал к завтрашнему дню сень, я был впущен им в храм. Вместо малиновых бархатных навешивали золотые с искрами богатого газета завесы; с полных складок их лилась алмазной рекой роскошная бахрома, перехватывая шнурками и кистями блестящие волны ткани. «Какое богатое убранство», — сказал я отцу Вениамину, восхищаясь игрой огня на грани золототканых завес. «Что земное, — отвечал он, — может не только быть, но и назваться богатым близ неопределимого ничем неисчерпаемого сокровища благодати? Это приношение Г. Алексея (московского купца) свидетельствует только о его усердии*». К тому же дню поспела новая пелена трудов

* Превосходна по работе им же поднесенная к этим завесам пелена; Архангел благовествует: «Радуйся, Благодатная, Господь с тобою». Головы, руки и ноги Архангела и Херувимов живописные, драпировка же, искусно сложенная рельефом из серебряной ткани; буквы и украшения высокого шитья.

Игуменьи Введенского девичьего монастыря Августы; на ярком пунцовом бархате в середине вышит греческий крест из жемчуга, с звездой из камней; по бортам широкая полоса прекрасного орнамента тоже из жемчуга; богатая пелена эта пожертвована одной из тихвинских граждан (купчихой Поздяковой). Задняя часть сени, возвышаясь и плотно прилегая к столбу, изображает резьбой подтянутую к нему драпировку; на крайней высоте или спице сени находится небольшая в сиянии икона Спасителя в золотой ризе.

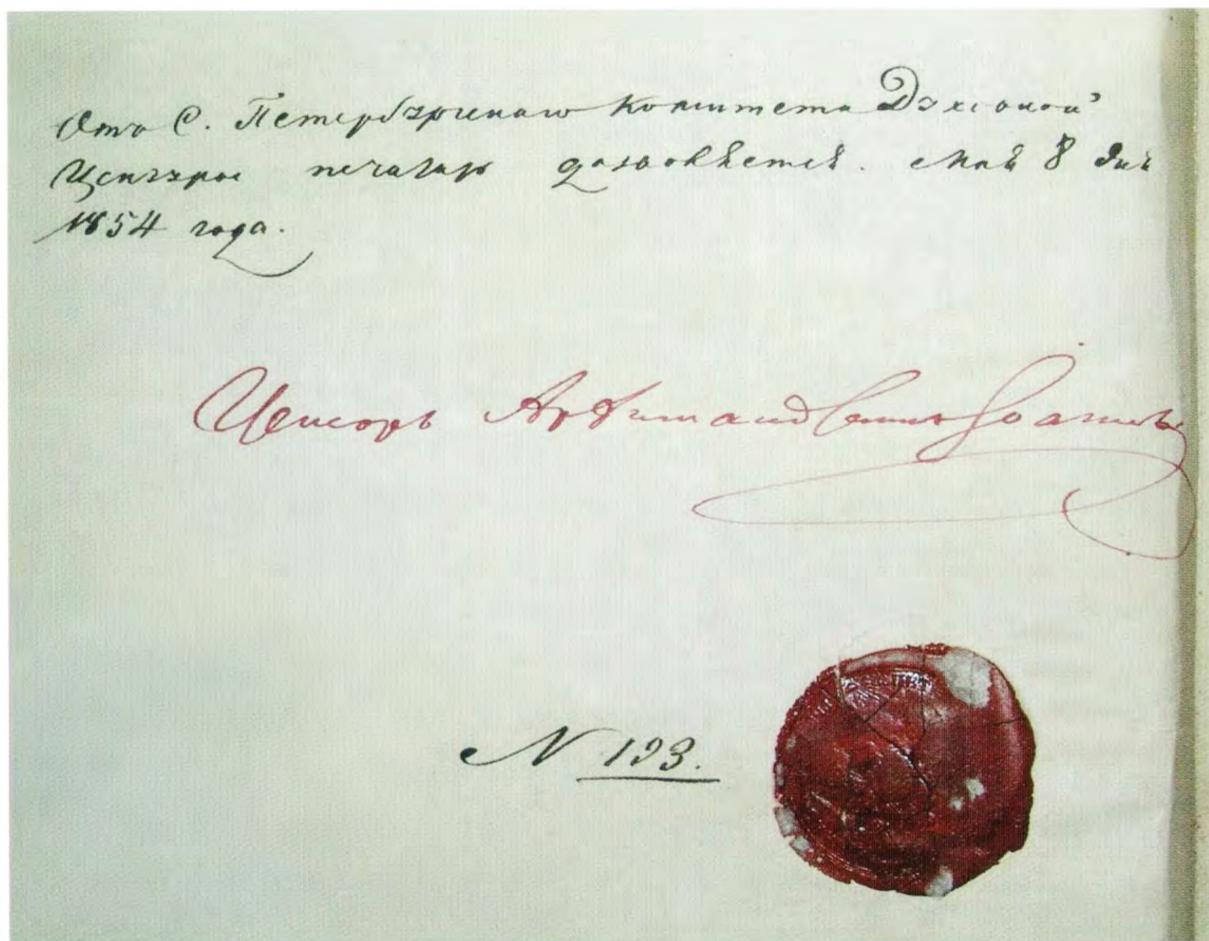
В углублении под сенью вставлен серебряный с черной работой киот с дверцами (складня), в котором покоится Чудотворная икона. Вышина иконы 1 аршин 4 вершка, ширина 14 1/2 вершка. На наружных сторонах створов изображены Божия Мать и Святитель Николай, на внутренних Архангелы Михаил и Гавриил; надписи на днищах сверху и снизу свидетельствуют о посещении обители в 1747 году Императрицей Елисаветой Петровной, а в 1798-м — Императором Павлом I, который сам перенес икону сию на это новое место из теплого Рождественского собора, как мы после скажем. В содержащем икону киоте 43 1/2 фунта серебра; он сооружен усердием тихвинского купца Максима Калашникова. Риза превосходной, во всех отношениях художественной работы, в ней 21 фунт чистого золота, она укреплена на сребропозлащенной раме в 14 фунтов, украшенной ветхозаконными и новоблагодатными изображениями. Дары эти уже весьма богаты, но вера выразилась здесь приношениями еще несравненно драгоценнейшими; на ризе множество бриллиантов, жемчуга, цветных камней, которыми она убрана с большим вкусом. Невозможно перечислить все подробно, но необходимо упомянуть по крайней мере о самых замечательных и представить хотя итог других. Императрица Анна Иоанновна пожаловала в 1734 году редкий изумруд, вдвойне замечательный

по огромности и резьбе, которой изображены на нем распятие с предстоящими кресту Богоматерью и Иоанном Богословом; он вставлен в верх оклада в правом углу, вровень с ним, в левом, вставлен писанный на финифти образом Николая Чудотворца, оба в чеканных днищах, между ними изображено накладными буквами: «Владычице приими молитвы раб твоих». Великая Княгиня Екатерина Павловна, посетив обитель с супругом своим в 1809 году, положила к иконе превосходный бразильский топаз в 66 $\frac{1}{2}$ карат и дорогие бриллианты; ею же были привезены от Императрицы Марии Феодоровны бриллианты и голубой сапфир в 80 карат. Вообще на ризе сей 4804 бриллианта (368 карат), роз бриллиантовых 594, изумрудов 4, алмазов 141 (42 карата); яхонтов 5, топаз 1, сапфир 1, рубин 1, восточного жемчуга 5962 штуки (412 золотников). По самой дешевой оценке все это полагается в 62 600 рублей, да за работу заплачено около 3600 рублей; прибавьте звезду из двух бесподобных бриллиантовых груш и пяти бриллиантов на ризе Предвечного Младенца, да цену золота, серебра и работы киота, ризы и сени. Пред сенью висит на четырех золотых цепях большая, золотая же лампада кубической формы с выпуклым дном, оканчивающимся грушей, с головками херувимов по углам и с поясами прекрасных арабесков кругом. Она оригинальная по рисунку, изящно-художественна по работе и чрезвычайно богата; все узоры выведены из драгоценных камней. На этом приношении Графа Николая Петровича Шереметева надписано: «Приими Всеблагая, Пречистая Госпоже Владычица Богородице, честный дар сей, Тебе единой благоговейно от меня недостойного раба Твоего приносимый. Начат по кончине супруги своея, Графини Параскевы Ивановны, а по рождении сына своего Графа Дмитрия Николаевича в 1803 году, посвящен храму Богоматери в Тихвинской обители в вечность».

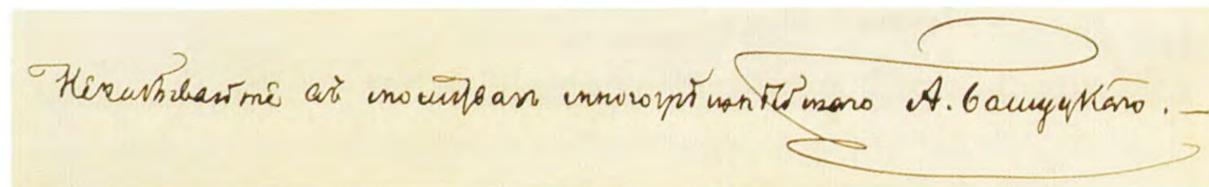

*Изображение Тихвинскаго Монастыря.
Усердием Архимандрита Илариона съ Братією 1805го.*

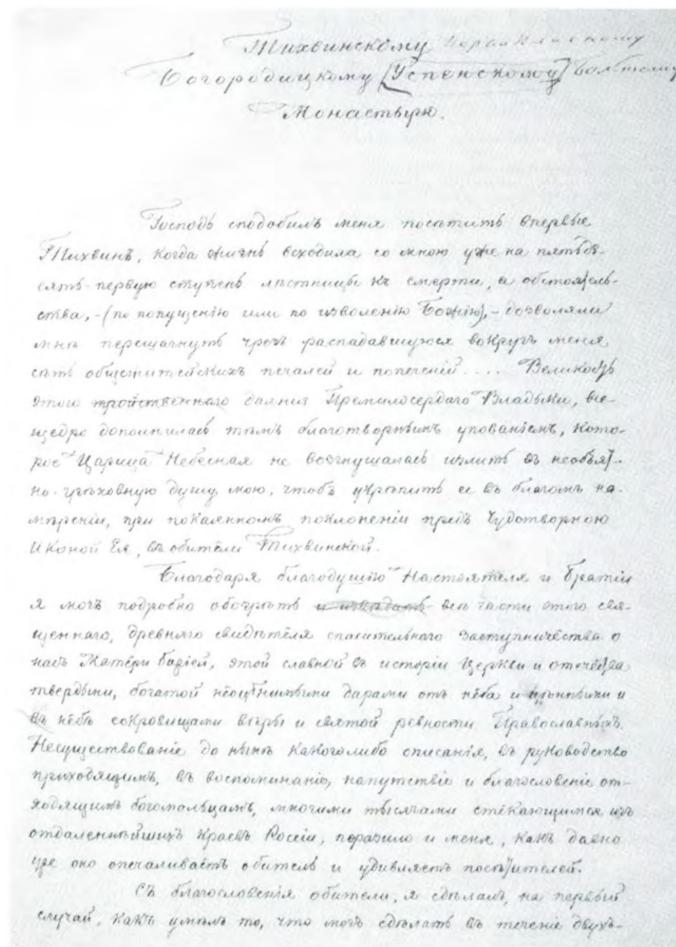
Вид Тихвинского Богородицкого Успенского монастыря
в годы настоятельства архимандрита Илариона (Кириллова).
Гравюра 1825 г.

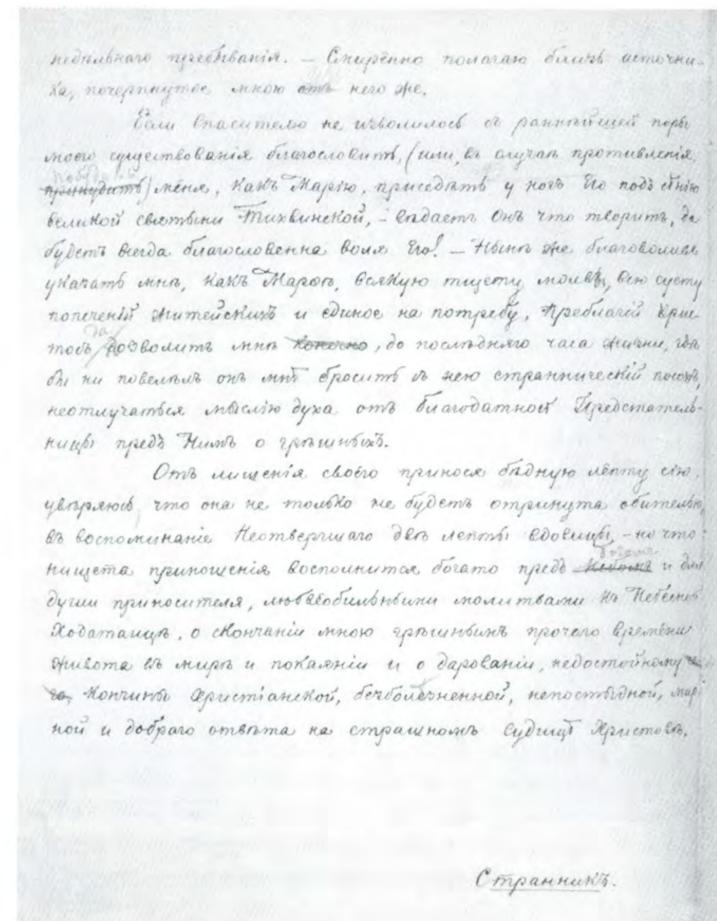
Разрешение духовной цензуры на печатание книги А. П. Башуцкого «Тихвинские монастыри», полученное 8 мая 1854 г. Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 5. Д. 34. Л. 1-а об.

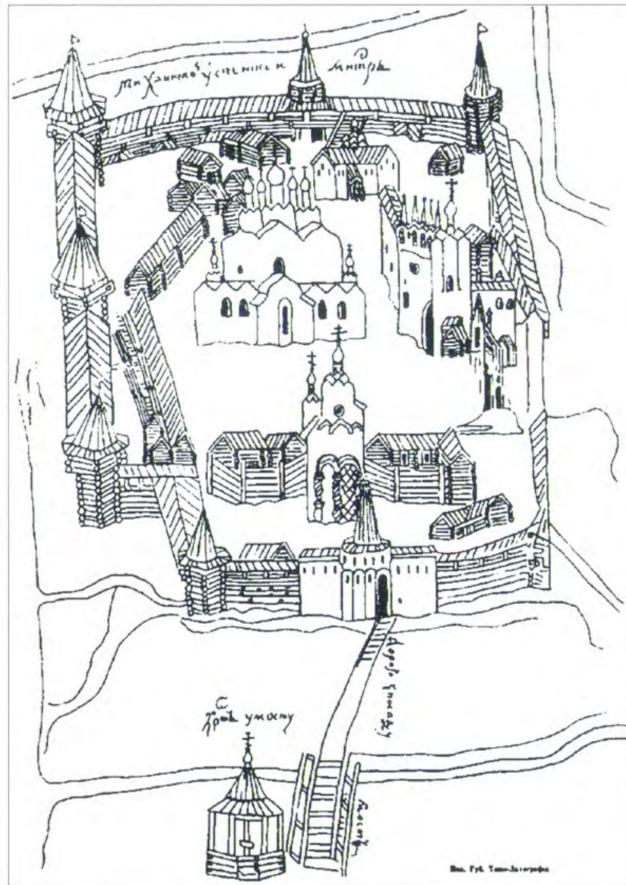
«Поминайте в молитвах многогрешнейшего А. Башуцкого». Автограф писателя, 1856 г.

Посвящение книги «Тихвинские монастыри» Тихвинскому Богородицкому Успенскому монастырю. Автограф А. П. Башуцкого. Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 5. Д. 34. Л. 2 - 2об.

ТИХВИНСКИЙ БОГОРОДИЦКИЙ УСПЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Вид Тихвинского монастыря в XVII в.
Фрагмент плана 1678 г. И. Зеленина и П. Евстафьева

Вид на Тихвинский Успенский монастырь
с северо-западной части со стороны реки Тихвинки.
Фото 1865 г.

Северо-восточная башня монастыря.
Фото 1865 г.

Вид монастыря с северной стороны.
Современное фото

Церковь во имя Тихвинской иконы Божией Матери «Крылечко».
Фото 1865 г.

Церковь «Крылечко».
Современные фото

Тихвинская икона Божией Матери в церкви «Крылечко»

Св. врата монастыря с надвратной церковью Вознесения Господня и приделом Св. Феодора Стратилата (1591–1593). Фото начала XX в.

Иконостас Вознесенской церкви.
Фото начала XX в.

Братия и паломники монастыря у Святых ворот зимой и летом.
Фото и почтовая открытка начала XX в.

Звонница (1600 г.). Вид зимой.
Фото начала XX в.

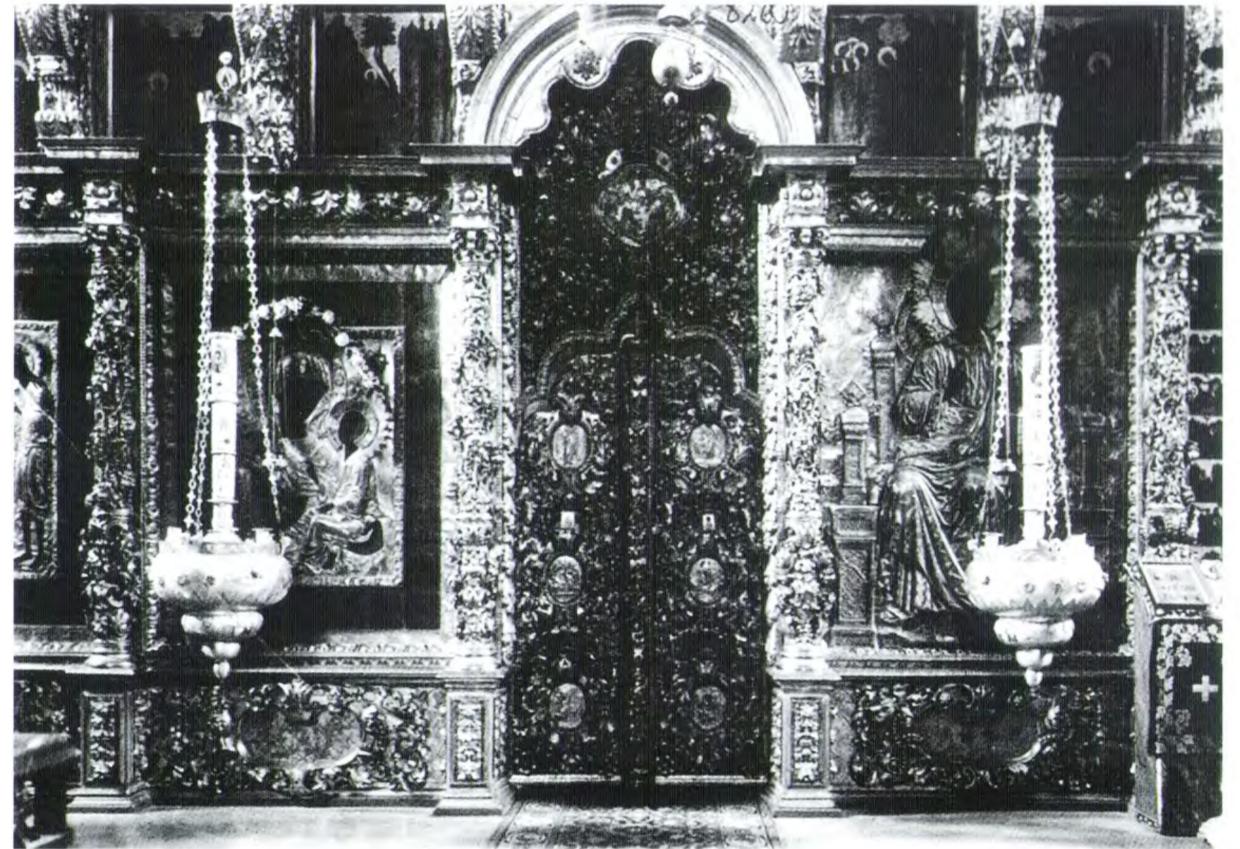
Звонница (1600 г.). Вид летом.
Фото начала XX в.

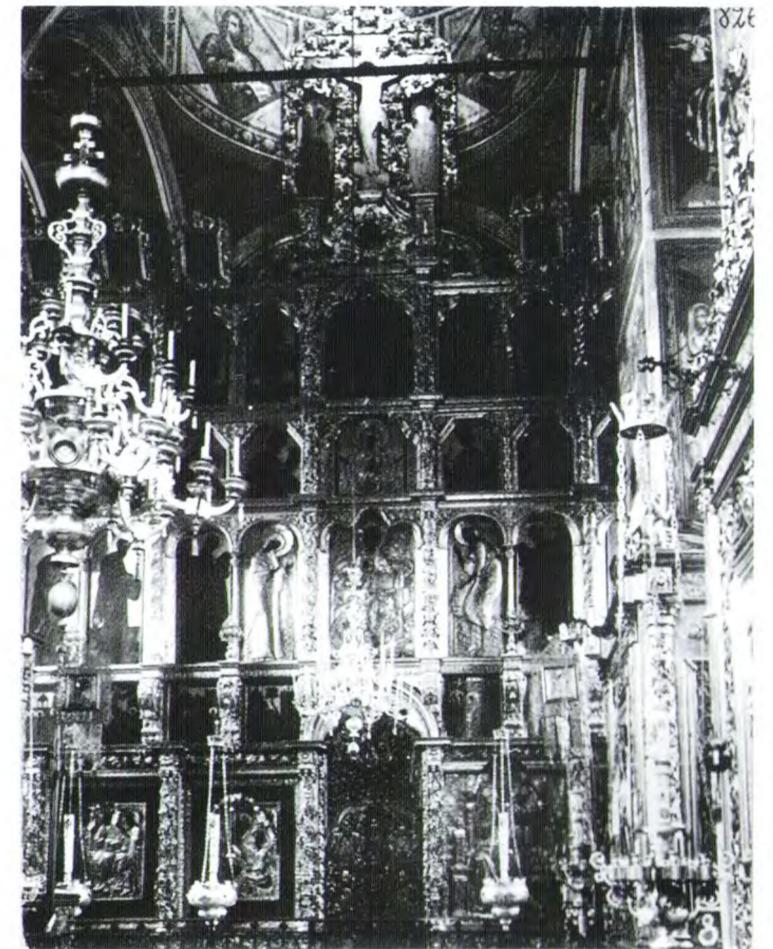
Звонница зимой.
Современное фото

**Некрополь Тихвинского
Большого монастыря
на фоне Успенского собора.**
Фото начала XX в.

Иконостас Успенского собора.
Фото начала XX в.

Успенский собор. Вид со стороны алтаря.
Современное фото

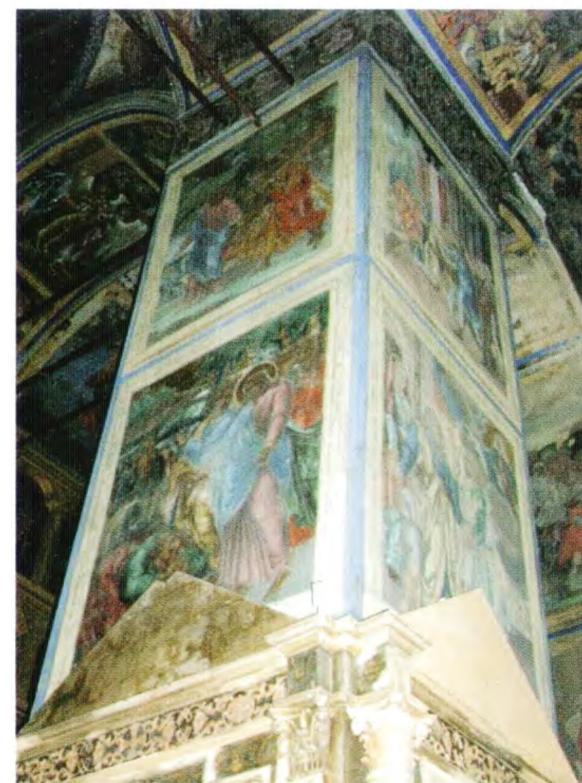
Иконостас Успенского собора.
Современное фото

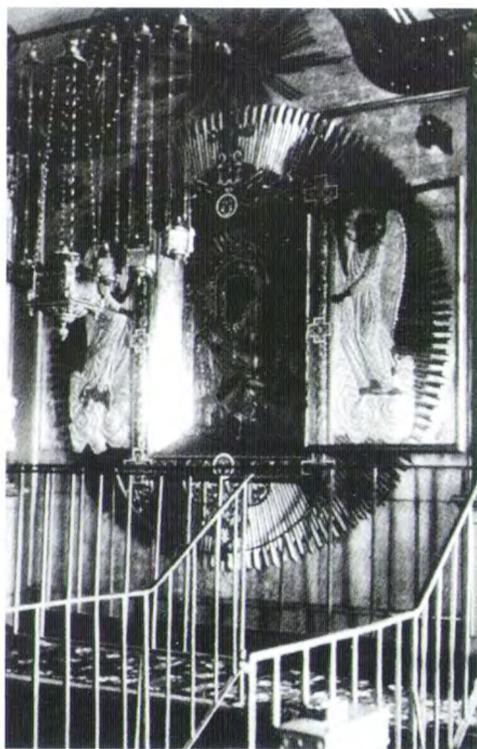
Тихвинская Чудотворная Явленная икона Божией Матери в драгоценном окладе.
Современное фото

Перенесение Тихвинской иконы Божией матери из церкви Рождества Богородицы в Успенский собор в Тихвине 9 июня 1798 года.
Худ. В. Истомина. 1801 г.

Своды и настенная роспись Успенского собора.
Современные фото

Место пребывания Тихвинской
Чудотворной иконы в теплой
Покровской церкви.
Фото начала XX в.

Иконостас Покровской церкви.
Фото начала XX в.

Современный вид южной стены Тихвинского Успенского монастыря

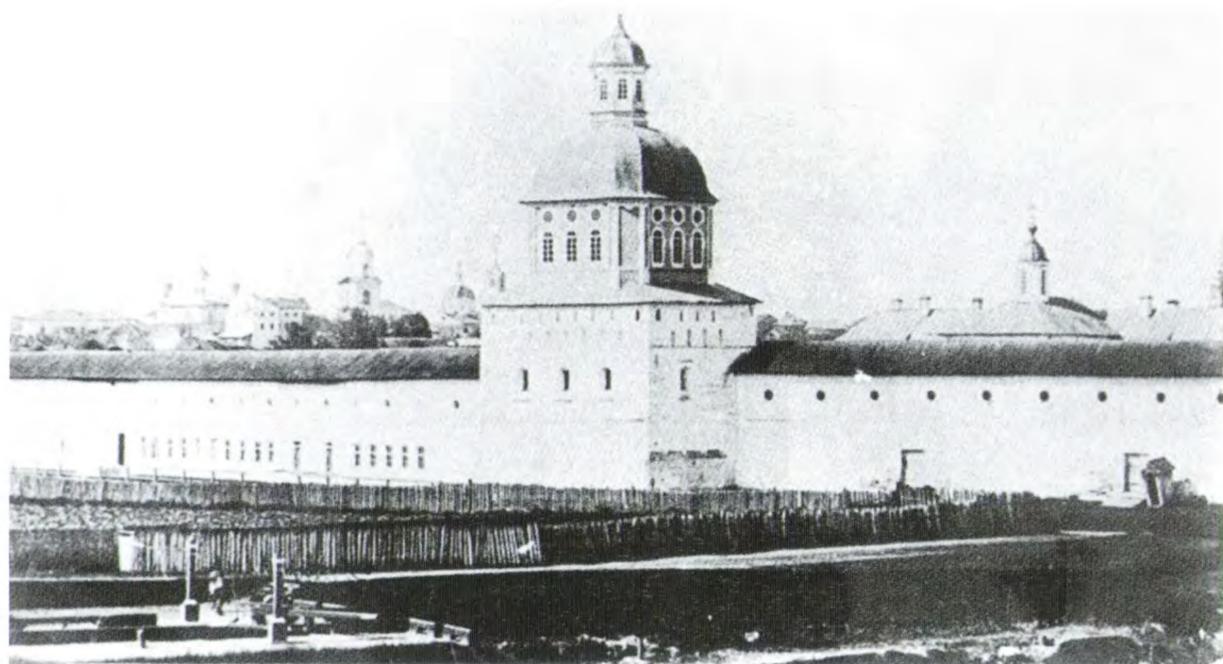
Покровская церковь с трапезною (до 1870 г. – церковь Рождества Христова).
Фото начала XX в.

Вензель императора
Павла I на Павловской
башне (1799–1800)

Тихвинский Богородицкий монастырь.
Гравюра. Худ. Мочиллов. 1844 г.

Восточная стена Успенского монастыря.
Фото 1865 г.

Интерьер Вознесенской церкви
с приделом Феодора Стратилата.
Фото начала XX в.

Вид на северо-западную угловую башню монастыря со стороны Водной горки.
Фото 1865 г.

Вид Тихвинского Успенского монастыря с изображением Тихвинской иконы Божией Матери и предстоящими святыми Антонием Дымским и Мартирием Зеленецким.

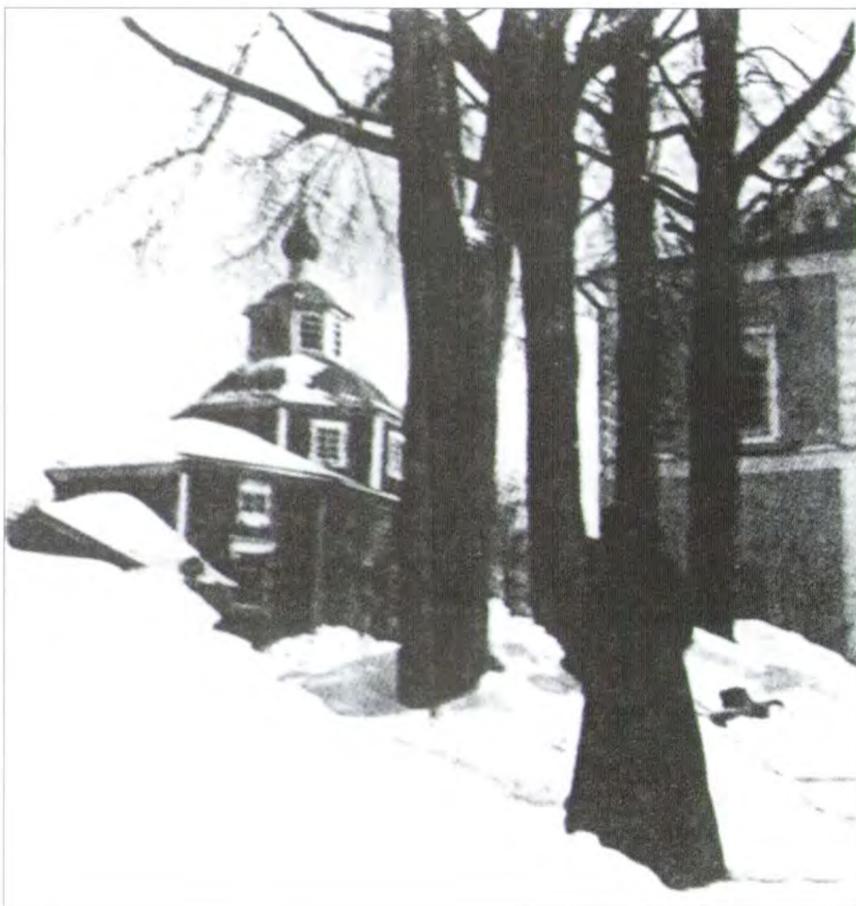
Гравюра середины XVIII в.

Икона преподобного Антония Дымского

Вид Антониево-Дымского монастыря.
Гравюра XIX в.

Деревянная церковь
св. Иоанна Предтечи.
Фото начала XX в.

Колокольня Троицкого собора Антониево-Дымского монастыря.
Современный вид

НИКОЛАЕВСКИЙ БЕСЕДНЫЙ МОНАСТЫРЬ

Икона явления Божией Матери и святителя Николая Чудотворца пономарю Георгию (Юрышу)

Часовня и колодец при въезде в Николаевский Беседный монастырь.
Фото начала XX в.

г. Тихвинь. Гостиница Николо-Беседного монастыря.

Гостиница Николо-Беседного монастыря.
Почтовая открытка начала XX в.

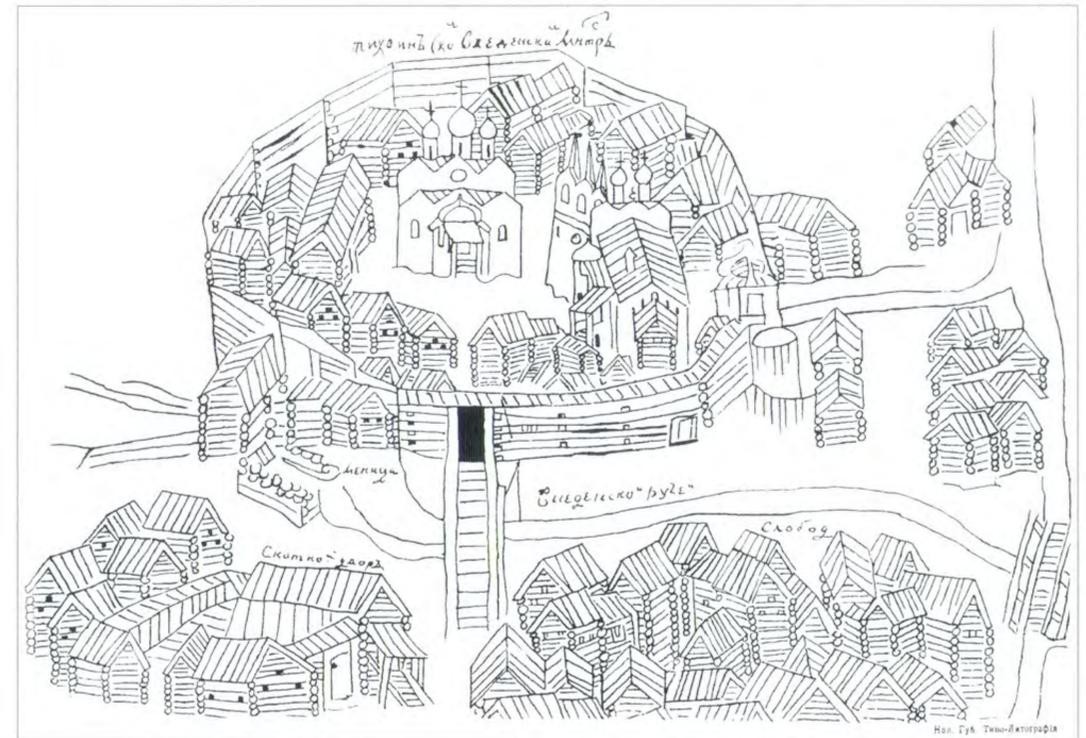

Часовня Николо-Беседного монастыря.
 (Деревянное здание справа — гостиница Николо-Беседного монастыря)
 Почтовая открытка начала XX в.

Николо-Беседный монастырь. Вид на святыя ворота и Никольский собор.
 Почтовая открытка начала XX в.

ВВЕДЕНСКИЙ ЖЕНСКИЙ (ДЕВИЧИЙ) МОНАСТЫРЬ

Вид Введенского монастыря в XVII в.
 Фрагмент плана 1678 г. И. Зеленина и П. Евстафьева

Вид Тихвинского Введенского монастыря со стороны реки Тихвинки.
 Фото 1865 г.

№ 18. Тихвинъ. Введенскій монастырь.

Вид Тихвинского Введенского монастыря со стороны реки Тихвинки.
Почтовая открытка начала XX в.

г. Тихвинъ. Колокольня Введенскаго женскаго монастыря.

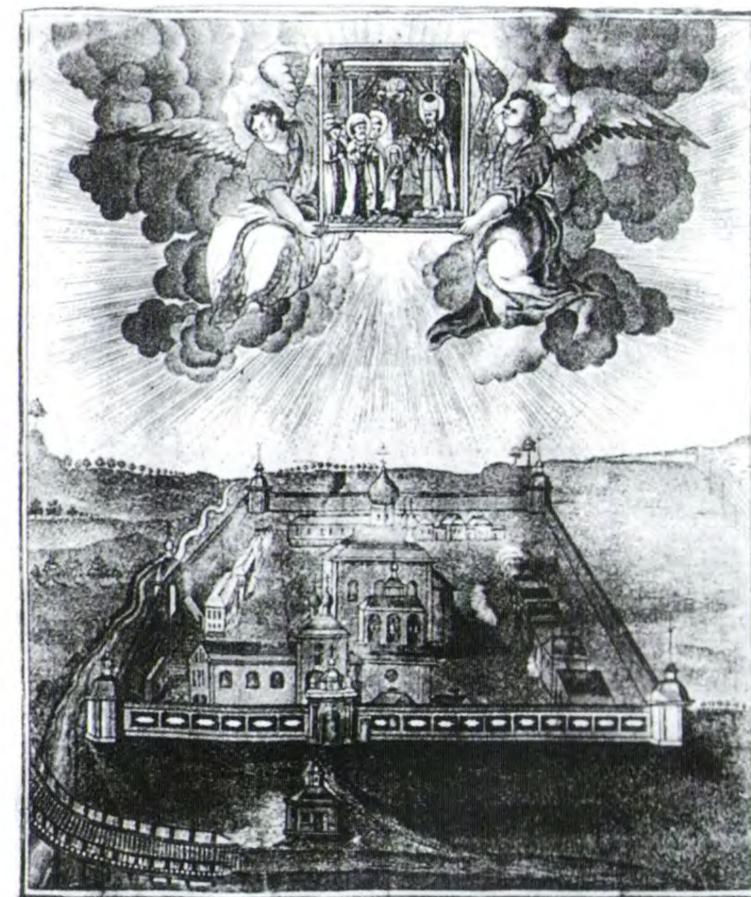

Колокольня Введенского монастыря со святыми воротами
и надвратной церковью св. Екатерины.
Почтовые открытки начала XX в.

г. Тихвинъ. Введенскій монастырь.

Въезд в Тихвинский Введенский монастырь.
Почтовая открытка начала XX в.

Вид Тихвинского
Введенского девичьего
монастыря.
Гравюра 1809 г.

Введенский собор монастыря.
Фото начала XX в.

Часовня и пещера инокини-царицы Дарии.
Фото из журнальной публикации начала XX в.

**Иконостас
Екатерининской церкви.**
Фото начала XX в.

**Гробница царицы Анны
Алексеевны Колтовской,
в иночестве Дарии.**
Фото начала XX в.

Игуменский корпус Введенского монастыря.
Почтовая открытка начала XX в.

Сироты — воспитанницы
монастырского приюта
на аллее.

Почтовая открытка начала XX в.

На лампаде (120 карат) восточных рубинов; 1550 бриллиантов (328 карат); 221 роза; золота до 16 фунт. Эта прекрасная вещь ценится свыше 42 000 рублей*. Впереди стоит громадный подсвечник о пяти больших и большом числе разного размера свечах; он весь серебряный в 3 пуда и 1 1/4 фунта; вышина его 2 аршина 3 1/2 вершка. Это приношение сына (Графа Дмитрия Николаевича Шереметева) близ приношения отца уступает в богатстве, но прекрасно в частях по совершенству отделки; не менее того общий контур, по смешанному стилю, мне показался не совсем удачным.

В западной стене, против самой Чудотворной иконы, пробито огромное окно (в паперть), загражденное двойной железной позлащенной решеткой, так что даже в те часы, когда храм заперт, богомольцы могут воссылать молитвы перед Явленным изображением Царицы Небесной, прославленным чудесами не древними лишь, но и постоянно даруемыми тем, в душе которых, по благодати Божией, не иссяк источник веры истинной. Никогда не бывает пуста паперть эта; немалое число молящихся всякого звания и состояния нередко остаются тут всю ночь в совершении молитв Божией Матери. В соборе же молебны поются всегда с акафистом, почти непрерывно.

Все четыре столпа собора, в нижней части их, одеты столярными щитами на вышине, может быть, 5–6 аршин; нижняя часть недурна, верхняя неудачна; ее полуготические вырезки уже неприятно противоречат общему стилю и ризам икон тут находящихся; окраска же ярью между золотых некрасивых пилястр и в фестолах еще более портит дело. В Петербурге теперь есть отличные мастера, раскрашивающие превосходно под цветной мрамор, обитель должна бы

* В соответствии этой лампаде устроена точно такая по форме, конечно, без драгоценных камней, из серебра (12 фунтов) золоченая, висящая против иконы Николая Чудотворца, на первом же левом столпе.

воспользоваться этим, такому художнику нашлось бы в ней довольно работы не на одних этих щитах, безобразящих собор.

Перечислять все иконы невозможно, как уже мы сказали, — обратим же внимание на особенно замечательные, не только в этом соборе, но и в других церквах.

Икона распятия Господня с предстоящими Богоматерью и Иоанном Богословом (в приделе св. Пророка Илии) есть одна из величайших святых драгоценностей: посередине иконы сей, под распятием, находится часть Ризы Христовой. Несмотря на старания, я не мог узнать ни в делах обители, ни по устным преданиям, откуда именно доставлена на Тихвин эта святыня.

Копия точная с Чудотворной иконы (тоже на задней стороне второго столпа от входа, т. е. первого столпа от иконостаса, почти против южных дверей, у передней же стороны этого столпа находится правый клирос), вставленная в резной киот, внутри обитый бархатом и украшенный газом и бахромами, одета в богатую ризу, украшенную алмазами и аквамаринами, гранатами и изумрудами, а рукавья и ожерелье 476-ю бирюзами, по усердию Г. Колесова (московского купца). Образ этот всегда поднимается для крестных ходов и к тем из жителей, которые или не могут сами по болезни прибегать с молитвой к святыне сей в храме, или желают благодатным посещением ее освятить дом свой. На первом от входа столпе налево вровень с Чудотворной иконой образ Николая Чудотворца, сильного заступника нашего, чествуемый множеством богомольцев; насупротив него, на западной стене, небольшой на самой штукатурке писанный образ Пресвятой Богородицы Иерусалимской, в народе именуемой «Всею скорбящим утешение». Здесь возобновилось древнее чудо иконы Матери Божией, на столпе церкви, по преданию, сооруженной в Лиде Апостолами Петром и Иоанном; там, когда по повелению

Иулиана-отступника рабочие сечивами и оскордами хотели выбить краски образа, они все более и более углублялись в камень; здесь, говорит местное предание, когда при обновлении храма удобно счищали везде остатки перетлевшего стенного писания, все усилия счистить этот образ оставались тщетными; его не могли даже подскоблить, и потому несколько подновили по старым краскам. К иконе этой прибегают с великой верой, и тысячи прибегавших испытали на себе благодать Царицы Небесной. Замечательна древняя Старорусская икона Богородицы, украшенная венцом с гризелетами, крупным жемчугом, топазами, аметистами и мелким жемчугом, до 150 золотников. На иконе Божией Матери Цареградской (празднуемой 31 сентября), в приделе св. Иоанна Богослова, риза, устроенная Г. Колесовым, богато и со вкусом убрана стразами и аметистами. В приделе св. Пророка Илии заслуживает внимания риза на иконе Тихвинской Божией Матери, пожертвованная Г. Калашниковым, вся низанная из жемчуга и убранный яхонтами, алмазами и аквамаринами. В иконописном отношении замечательны еще на стенах паперти, по идее и характеру исполнения, влево, в углу пред собором, изображение Страшного Суда; а пред приделом Илии Пророка изображения: *Темницы* из книги Лествичника; икона о почитании святых икон; образ именуемый «Отрыгну сердце мое слово благо»; и преподобный Нифонт с чудесами и видениями. По золотому полю всех сих изображений начертаны кинноварью тексты; я не мог признать их особенно древними, замечательными по письму.

Особенно богатых лампад, кадил, подсвечников, кроме упомянутых, нет; но церкви снабжены ими изобильно, и во множестве есть и хорошие. В ризнице сохраняется ныне не употребляемый прежде стоявший пред Чудотворной иконой огромный подсвечник, поднесенный, как видно из надписи,

в 1638 году при Игумене Герасиме от Князя Иоанна Шуйского, в иноцех Ионы.

Из собора Успения Пресвятой Богородицы пройдем в прилежащую ризницу, которая помещается очень удобно и содержится в чистоте и отличном порядке, под наблюдением достопочтенного отца Иеромонаха Варнавы.

Прежде всего взглянем на священные сосуды; их более двенадцати разных времен, стилей и цен. Хороши и богаты новейшие; но древние более привлекают внимание; из них первое место заслуживает потир, неизвестно как и когда пришедший в эту обитель из Новгородского Отня монастыря, в который он внесен царем Иоанном Васильевичем в 1574 году; другой потир надписан пожалованным от Бориса Ивановича Романова, в 1592 году*. По оригинальности формы и по многочисленности надписей, затейливой и прекрасной вязью выполненных на полукруглых выступках подстава, обращает на себя внимание сосуд времен Анны Иоанновны.

Весьма богаты и изящны серебряные ковчеги для запасных даров, находящиеся в обоих соборах; один в 26 ¹/₂ фунта, особенно же больший, изображающий прекрасного рисунка двухъярусный храм с трехколонными по углам куппами и с ликами Евангелистов и Ангелов, в нем фунт серебра; работа художественна. Весьма хорош, по изяществу рисунка и совершенству отделки, сосуд для благословения хлебов. Тяжеловесная водосвятная чаша, трикирий и дикирий, и некоторые другие вещи заслуживают внимания.

В числе напрестольных крестов, двенадцати крестов наперсных и осьмнадцати панагий, есть весьма хорошие, но особенно замечательного и драгоценного я между ними

* Замечателен сосуд, тоже неизвестно когда и по какому случаю попавший сюда, Латинский, с надписанием имени польского Папы «Иоанна Бикша 1658 года, Марта 28 дня».

не видел. Евангелий, если не ошибаюсь, осьмнадцать; они составляют очень любопытное собрание образцов искусства нашего церковного книгопечатания разных эпох; есть богатое Евангелие 1637 года, малое Евангелие 1651 года. Другие 1658, 1681, 1688 и 1689 годов огромные, весьма богатые по дорогому окладу и древней высокого рельефа работе; Евангелия 1735, 1744, 1746 и 1759 годов — Малое с Деяниями: 1763, 1774, 1796, 1800, 1809 и 1836 годов. Три последние богаты и украшены уже в новейшем вкусе, с финифтяными изображениями, стразовыми сияниями и т. п. Особенно хорошо предпоследнее, по изяществу отделки; на нем до 18 фунтов серебра. Самые замечательные из этого собрания суть три напрестольные Евангелия рукописные, одно небольшого формата, писанное не совсем красивым уставом, в первой половине XVI века, начинается с Иоанна; другие два, в лист, того же времени, и в большой лист (1522) в два столбца, с богатыми заглавными украшениями, заставками, заглавным на золотом поле изображением Спасителя и с рисунками Евангелистов, окруженными орнаментами того времени; оно расположено по дням, тоже начиная с Евангелиста Иоанна, и писано красивым крупным уставом. На последней странице одного из сих Евангелий надпись «лета 7030 (1522) положил в дом Пречистой Евангелие сие священноиерей с Рогатицы*». Из приписки на другом Евангелии видно, что оно было «внесено к Михаилу Архангелу на Узе, рабом Божиим Федором Васильевым с своими детьми с Иваном да Ларионом 7189 (1681), в день Рождества Христова. Демянского монастыря Игумен Ларион с братиею собрав сию книгу ветхую, Евангелие ветхое, дали из казны за преплети и починку денег рубли». И подпись Игумена Илариона.

* Так издревле именовалась одна из улиц в Новгороде.

Коснувшись рукописей, упомянем о наиболее любопытных, найденных в ризничной библиотеке. Замечательнее всех *хронограф*, описанный в XVI веке, в лист, средним полууставом. Г. Бередников (в №19 «Журнала министерства народного просвещения»), описав его, говорит, что он сходен с рукописью Румянцевского музея, но менее наполнен вставками, уцелел в исправном списке и представляет редакцию, подходящую к первоначальным подлинникам этого рода рукописей. Любопытна прочитанная нами рукопись (из которой мы извлекли весьма многое), в лист на глянцовой бумаге, писанная очень хорошим уставом, с заглавками прекрасной вязи, с киноварью и украшениями. Она содержит в себе службу Богородицы Одигитрии; далее следует «Повесть чудна и зело полезна, сложена от древняго списания о иконном изображении, како и когда зачатся иконное изображение и о написании иконы (копии)* Пречистыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии, честнаго Ея Одигитрия и о чудесах Ея иже во царствующем Константине, и о еже како уставися праздновати честный праздник Ея Одигитрия». Далее, повествование о явлении иконы, построении храмов и основании обители, и о чудесах от иконы явленных. Под столбцами списыватель

* С каким чувством древле производилось иконописание и списывались копии с явленных и чудотворных икон, как эта, любопытно читать современные известия. Так, например, для совершения копии с славной чудотворениями иконы Иверского монастыря на Афоне (копия эта находится в Валдайском Иверском монастыре, а не в Московской Иверской часовне, как полагают некоторые), братство Афонское писало, посылая в Россию копию сию, что «собрал всю братию 365 братьев, сотворили есма великое молебное пение, с вечера и до света и святили есма воду со св. мощами, и св. водою обливали чудотворную икону и собрав паки обливали новую цку; и опять собирали ту св. воду, и потом служили святую и божественную литургию с великим дерзновением; и после литургии дали ту св. воду и св. мощи иконописцу, отцу господину Иамвлиху Романову, чтобы ему смешать св. воду и св. мощи с красками, написати икону». Иконописец только в субботу и в воскресенье употреблял пищу, а братья по дважды в неделю совершали всенощные, литургии и пр., молясь о благословении начатого труда.

написал киноварью на каждом листе: «многого — в милости — всещедраго Господа — Бога — и Спаса — нашего — Иисуса — Христа — великою — милостию — и его — пречистыя Матери — крепкия нашея — помощницы — Пресвятыя Владычицы — Богородицы — написана — бысть — книга сия в пречестней — обители в пресвятом — доме Пречистыя Богородицы — Честнаго — и славнаго Ея Успения и многочюдеснаго». Тут некоторые листы переписаны и надписания эти прерваны. Далее: — «иконы — иже на Тихвине — лета 7166 (1658) — и положена впрежде реченный пресвятыи — дом Богоматере — впречистую и соборную апостольскую церковь — честнаго и славнаго (и пр. чрез всю книгу) тояже обители многогрешным и недостойным рабом, тем же преждереченным работником, понужди иконником — Родионом Сергиевым, по его многогрешной души в вечное поминание».

Занимательна малая в продолговатую 12-ю долю листа книга, писанная с печатанной повелением Царя Феодора Алексеевича в 7188 (1680), в Москве, в *типографии Верхней*, самым мелким и красивым уставом, с киноварью, вязными украшенными заглавиями и множеством нот для пения, это: «Псалтирь Царя и Пророка Давида, художеством рифмоторным равномерно слоги согласноконечно по различным стихов родом преложенная. Стихотворил Иеромонах Симеон Полоцкий. А ноты по рифме положены повелением Иоанна и Петра Алексеевичей, чрез композыцию, сиречь чрез творение, их церковнаго Пресветлаго Величества певчаго, дьяка Василия Титова».

Еще замечательнее в числе этих палеографических редкостей, книга Иоанна Златоустаго «*Маргарит*», писанная в 1562 году, и 532-летний календарь, с любопытным индизнавательным введением наименованный «*Круг миротворный*», писанный в 1540 году. В ней приписано: «Переводивый

толкованием сей круг миротворный в Великом Нове-Граде, соборная великия церкви св. Софии Премудрости Божией и того же собора святых Великомученик и Исповедник Гурья, Саммона и Авива, многогрешный поп Агафонище Христа ради». В книге находятся числительные таблицы и златые чертежи с подвижными на них прорезанными кругами лунного обращения.

Скажем несколько слов о монастырской библиотеке вообще, после чего осмотрим остальные части ризницы. Библиотека, довольно смешанная по предметам, не заключает в себе ни редких книг, ни рукописей, кроме поименованных; все большею частью общее и известно. Не менее того, независимо от необходимых книг служебных, каждый из братии может найти обильную пищу в собранных здесь творениях отеческих, патериках, трудах, относящихся к истории Христианства и Церкви вообще и к истории Православия в особенности, также в некоторых духовно-философских, нравственных, ученых и учебных сочинениях и в собрании духовных периодических изданий и трудов новейших наших церковных витий. Библиотека по временам пополняется; и заметил по каталогу, что к 970 томам, бывшим в 1836 году, через два года прибыло до 150.

Запас завес и пелен к Чудотворной иконе чрезвычайно богат, как и собрание одежд престольных, жертвенниц, воздухов, разных принадлежностей облачения и самых священнических риз; тут есть все возможные роды тканья, разного вкуса узоров и украшений, свидетельства о понятии относительно богатого и изящного нескольких веков и поколений. Описывать предметы, все достоинство которых заключается в способе их производства или в искусстве рукоделия, невозможно, довольно того, что многочисленность и богатство свидетельствуют о постоянном усердии и вере всех сословий к дому Царицы Небесной. Это чувство было

всегда близко к сердцу Монархов наших; мы упомянули уже о некоторых приношениях; Царем Иоанном Васильевичем пожалованы сосуды; Феодором Иоанновичем колокол в 300 пудов; на Чудотворную икону возложены драгоценности Императрицами Анной Иоанновной, Марией Феодоровной, Великой Княгиней Екатериной Павловной. Неоднократно обитель была награждаема денежными подарками; в ризницу же посылались богатые парчи, газеты, материи, приборы. Есть многие превосходные одежды, особенно хороши ризы с красиво рисованными по бархау цветами, если не ошибаюсь, времени Императора Павла I. Замечательны пелены, пожалованные Императрицами Елизаветой Петровной и Анной Иоанновной и пр. Все это сопровождалось рескриптами, которых тщательно сохраняется в обители множество от всех Царственных особ. Приведем один из них в пример общей им всем высокой простоты выражения, вполне соответствующей святыне.

«Отец Архимандрит Феодосий! При сем посылаем к образу Пресвятыя Богородицы Тихвинския пелену, которую к нему приложите и чтоб никогда она от него не отнималась; да на весь монастырь в милостыню, пятьсот рублей денег, и как оные получите, то отпразднуйте Богородицы и отпойте всенощное и молебен; при том же послано 200 рублей; которые отдай Введенский девич монастырь, также в милостыню Игуменьи с Сестрами, а сержанту в приеме Пелены и денег дайте росписку. Анна. Санкт-Петербург. Февраля 13-го 1739-го».

Есть несколько риз и стихарей, оплечья которых шиты прекрасно жемчугом по местам с камнями; к сожалению, парча разная, но, собрав и употребив все эти оплечья, можно бы было устроить одну из богатейших в России ризниц. Есть также несколько полных, весьма хороших для соборного служения.

В довольно многочисленном и разнообразном собрании митр замечательна по форме и характеру украшений из жемчуга и золота митра, подаренная Архимандриту Самуилу в Царьграде, в бытность его там с Миссией. В числе посохов прекрасен в то же время там же поднесенный ему; он весь выложен красиво и искусно из черепахи и перламутра. Из новейших митр по вкусу и богатству две привлекают внимание: одна весьма хорошего рисунка и работы, трудов нынешней Игуменьи Тихвинского Введенского девичьего монастыря, *Августы*; митра эта устроена в 1846 году, она ценится в 2000 рублей, на ней более 60 золотников восточного чистого жемчуга с перемешкой бриллиантов, аметистов, изумрудов и рубинов; другая — несравненно богаче, трудов бывшей Новгородской Духова монастыря Игуменьи Максимилы (Шишкиной), ценится в 10 тысяч рублей серебром. Особенное внимание мое привлек сохраняемый в ризнице гладкий зеленый бархатный покров на гробе; по борту его кругом с необыкновенным искусством и точностью нашита из тонкого галуна, будто напечатанная, бесконечная надпись узкими, почти пятивершковыми буквами в красивую вязь; на прочтение всей этой надписи нужно было недели две усиленного труда. Все, что можно было узнать из нее, заключается в том, что покров этот устроен Князьями Иваном и Петром большим Симеоновичами Прозоровскими (около 1662 года), детьми боярина Князя Симеона Васильевича Прозоровского, во иноцех схимника Сергия, который здесь спасался, умер и погребен в 1660 году. Этот Князь Симеон Прозоровский есть тот самый воевода, который защищал с присланным от Царя войском обитель Тихвинскую (как мы видели выше). Он был очевидцем совершенных здесь Божией Матерью чудес, и, пораженный ими, бросив высокий сан и блестящее поприще светской жизни, — «моря, воздвигаемого напастей бурями», — притек

к этому тихому пристанищу. Вельможа, воин, потом монах, наконец схимник, имя которого исчезло и самая могила* миру неизвестна! Что ему в том? — он может быть достиг молитвой цели, живот его может быть возведен от тли Многомилостивым. Вот одна сторона; но вот и другая: дети его, не почтя нужным притечь к тому же пристанищу, которое, вероятно, считали, как обычно в свете делается, не необходимым и для отца их, не имея возможности отвлечь от такого шага живого боярина, Князя, Воеводу, отказавшегося от всех почестей и соблазнов века, возомнили, как будто спасти хотя память его, возвесть его, уже давно мертвого, инока и схимонаха, в прежнее достоинство, устроив с сей целью на давно истлевший гроб покров их лоскута бархата и нескольких аршин галуна!.. О суета сует! О гордость плоти и крови!.. Эта тряпица на гроб схимника сделана два года после его смерти!.. При пробуждениях иных дети нашли бы средства почтить память отца своего иначе, нежели объявлением бывших званий, сана и отличий того, кто чтит это в мире, но вменил все «за умет» для предания себя всецело Господу.

При входе в ризницу вам напоминают грозную годину отечества, страданий страны и обители, и в то же время, дивную благодать Царицы Небесной и непрестанное предстательство Ее, сохранившиеся здесь до двадцати из

* О нахождении ее здесь свидетельствует доска, в западной стене с надписью: «Лета 7168 (1660) Сентября в 14 день, на праздник воздвижения честного и животворящего Креста Господня, преставися раб Божий, боярин Князь Симеон Васильевич Прозоровский, во иноцех схимник Сергий». Должно полагать, что умер в глубокой старости, ибо во время военных действий под Тихвином за 46–47 лет до смерти своей, воевода и начальник отдельного отряда войск Царевых — Князь Прозоровский не мог уже быть весьма молод. Замечательно, конечно, не случайное, а по смотрению Божию наведенное сближение: Схимник Сергий помер на день Воздвижения, т. е. в тот самый день, когда Господь освободил Тихвин от обдержания вражеского, Ему угодно было окончательно освободить и душу Прозоровского от обдержания злого врага плоти, чтобы даровать ей свободу небесную.

отнятых у неприятеля фузей и пищалей, одно знамя, восемь копий, три кольчуги, груды ядер, железных пуль и ящик шотрапов. Мы осмотрели наружность монастыря, стены его, замок внутренних зданий, церкви и ризницу с ее богатствами, — остается видеть зимний собор Рождества Пресвятыя Богородицы.

К собору этому ведет, как мы сказали, с наружного во дворе крыльца, весьма широкая вдоль его северной стены поднимающаяся и потом заворачивающая вправо крытая лестница каменная. С нее вы входите в очень пространные, по длине всего церковного притвора, сени; в правом конце их малая дверь в трапезу, а прямо железная решетчатая дверь — в церковный притвор. Он составляет огромный десятисаженный квадрат; против вас, в южной стене сквозь толстую в сажень стену пробиты пять широких, низких окон, посредине притвора один массивный четырехгранный столп, с которого, как в Грановитой палате в Москве, своды широко перелегли на все стороны. На южной стене, но не посредине, а несколько ближе к окнам, решетчатая железная дверь в трапезу. В середине восточной стены не очень большая арка с деревянной резной с позолотой решеткой, это вход в самую церковь. В притворе направо от упомянутой арки в широком, около пяти аршин простенке стоит в золоченом с колоннами киоте от полу до потолка громадная поясная Старорусская икона (в три и более величины против натуры) *Божией Матери*. Святыня эта весьма древней иконописи, она глубоко уважается, и по благочестивой ревности жителей страны делалась даже предметом жарких тяжб между Тихвином и Старой Руссой, возобновлявшихся в течение более 200 лет.

Я сам не читал этого двухвекового дела, несколько раз утихавшего, возобновлявшегося и года три тому назад решенного высшим Духовным начальством окончательно,

в пользу тихвинцев; но вот вкратце повод и содержание тяжбы, ибо поводом все же были благочестие и вера. Старорусская икона Божией Матери изображена как и Тихвинская, различие лишь в размере; с которого времени находилась эта икона в Старой Руссе, где устроена и откуда принесена, — достоверное о том известие, конечно, было утрачено; но староруссцы привыкли питать с древнейших времен глубокую веру к святыне этой, которую они считали своей собственностью, своей оградой и защитой. Во время свирепствования в Старой Руссе губительной эпидемии, против которой тщетно предпринимались все возможные средства, староруссцы, как утверждали они, должны были расстаться с той святыней, на помоществование которой возлагали все свои надежды. Икона была отнесена в Тихвин; моровое поветрие в Старой Руссе прекратилось. Много лет спустя Старая Русса начала требовать обратно икону как свою собственную. В этом споре одна из сторон силилась доказать, что икона принадлежала ей *всегда*, но что только по воле самой Божией Матери, Ею обнаруженной, была изнесена из Старой Руссы на Тихвин лишь во время эпидемии. Другая, напротив, утверждала, что икона эта была всегда ее достоянием и лишь по милосердию Царицы Небесной была носима по временам в Старую Руссу, откуда во время эпидемии *возвращена*, вследствие веления самой Пречистой. Высшее начальство Духовное не без основания отдало икону Тихвинскому монастырю. Возвратимся к описанию притвора.

Близ этой иконы остальная часть стены с окном и одно окно от смежной стены, южной, заняты выступающим в притвор малым приделом в честь Старорусской иконы Божией Матери. На левой стороне арки, в ответственность этой стороне, находится такой же величины изображение Христа распятого, с предстоящими Божиею Материю и Иоанном Богословом; этот образ гораздо новее, составляет нечто

среднее между живописью и иконным писанием; но писан неискусно ни в том, ни в другом роде. Здесь точно такой же придел честнаго Креста. По стенам три, четыре иконы, в числе которых древняя Коневская икона Божией Матери. На среднем столпе южной стороны точная копия с иконы, именуемой Феодоровскою, в киоте, устроенном усердием купца Борисова; на северной, в соответствии этой, — Воскресение и Вознесение Христа Спасителя, а на западной изображены на одной доске: Рождество Пресвятыя Богородицы, под ним Введение во храм, а по сторонам Иаков, брат Божий, Иоанн Богослов, Григорий Двоеслов и Василий Великий. Мы поименовали небольшое число икон этого притвора потому, что по древности письма они все, особенно же последняя, заслуживают внимания.

Расположение приделов по обе стороны арки, описанное выше, уже доказывает, что самая церковь суживается против притвора на одно окно с каждой стороны; эти окна находятся в уступах восточной стены притвора и следов за самыми престолами приделов. Церковь полукруглая, накрытая глухим куполом; четырехъярусный иконостас ее есть подражание очертанием и расположением икон иконостасу холодного Успенского собора; он окрашен темно-голубой краской с позолотной резьбой. Возле местной Тихвинской иконы Божией Матери, на которой находится древняя риза, бывшая прежде на иконе Чудотворной, отличающаяся весьма редким пепельного цвета жемчугом, образ Сретения; с другой же стороны близ сидящего Спасителя — изображение Рождества Богородицы, которому празднует собор, — в богатых серебро-позлащенных ризах. Возвышенный одной ступенью помост для алтаря, с клиросами по бокам, выступающий полукругом, занимает почти половину церкви. В южной ее стене два окна, между коими икона Тихвинская, бывшая здесь прежде местной; в северной же стене одно окно,

другое заложено, и вся эта часть занята пятиаршинной картиной, изображающей перенесение Императором Павлом I Чудотворной иконы из этого собора в Успенский. Картина эта, конечно, не может выдержать суда строжайшего, основанного на требованиях вкуса нынешнего времени; не менее того должно признать ее вообще очень хорошей; при побеждении многих трудностей некоторые части ее очень удачны и вся писана мягко.

На заднем плане картины изображено крыльцо собора, с которого еще спускаются и теряются в тени множество лиц; на втором плане в середине картины Император (с правой стороны) и Великий Князь Александр Павлович (с левой) несут сами Чудотворную икону, осеняемую рипидами; за первым шествует Императрица Мария Феодоровна, за вторым Великий Князь Константин Павлович; кругом несколько придворных дам и кавалеров. Еще ближе — духовенство уже поворачивает к холодному собору. Фигура и лицо Архимандрита, богатая митра и облачение с оплечьями, шитыми жемчугом, очень удачны. Занимательны мундиры, одежды гражданские, наряды и головные уборы дам. Все лица — портреты и, сколько можно судить по известным, весьма похожие, а тут, конечно, до ста голов. Направо впереди группы граждан, чиновников и между ними сам художник; он держит в руке сверток, на котором написано: «Василий Истомина, писал с 20 Мая по 2 Ноября 1801 года».

Нельзя не пожалеть, что купол церкви и своды этого массивного, сумрачного, истинно монастырского притвора испещрены безвкусной, яркочерной манерой начала нынешнего века, не вяжущимися с оригинальностью и назначением строения коробками, алагреками, порезками и розетами. При расписании их в приличном характере, под руководством понимающего дело художника, они могут быть прекрасны.

Трапеза есть, так сказать, повторение притвора, в виде несколько меньшем, а потому, не имея надобности в среднем столпе, она вся накрыта одним сводом. Составляя юго-западный угол здания, она имеет окна в двух смежных стенах, вдоль которых и стоят столы в виде глаголя; изображение Святой Троицы на стене, за настоятельским местом, благословляет стол, остальной угол здания (северо-западный) занят буфетом и отрезанной по длине его прихожей, в которую и ведет из сеней перед притвором церковным малая дверь, упомянутая выше.

Мы осмотрели в монастыре все с подробностью, в которой я не смел отказать этому святому, исторически замечательному месту. Выйдем сперва из внутреннего замка низменными воротами, находящимися между церковью бывшей больничной (*Двенадцати Апостолов*) и приписываемой Варлааму Ванатовичу (*Покрова Пресвятой Богородицы*), а потом и за наружные стены под Николаевскую, крайнюю юго-восточную башню.

За первыми их этих ворот вы находитесь в треугольном обширном отрезке, лежащем между замками внутренним и наружным; тут, вокруг зданий первого, между ним и занявшими место направо до наружной стены огородами, огибает внутреннее строение целой половины монастыря проездная дорога, — так как во внутренний двор въезжать нельзя иначе, как в Святые врата, которые отпираются лишь для особенных случаев; — вот еще один из умных распоряжений дедов наших. Налево, в том же пространстве, за забором находятся запасы дров, а в наружной стене — старинные пустые магазины. Вы у крайней юго-восточной башни, посиделой, почтенной своей древностью и связанными с ней воспоминаниями. Над низменными косыми ее воротами с этой стороны — икона Святителя Николая, а с той — Нерукотворенный с неугасимой над ним лампадой образ, под которым

повторена надпись, на подлинном нерукотворенном образе, Спасителем Князю Едесскому данном, изображенная сим Князем по принятии крещения от св. Апостола Фаддея: «Христе Боже наш, всяк надейся на Тя не постыдится». Поворотив влево из-под башни, вы находитесь на берегу Тихвины, близ шлюзов, почти против больницы: об этом месте мы уже говорили в самом начале. Вправо же нижняя часть стены до второй башни юго-восточного фаса обращена в гостинные кельи для богомольцев. Четыре подъезда, каждый с двумя дверями, вводят в восемь отделений; прихожая с кухонькой и две комнаты в два и три окна составляют помещение, в котором могут удобно расположиться или столкнувшиеся в пути, или прибывшие целым семейством богомольцы. Кельи эти летом и в посты безвыводно заняты, только по временам соседы ваши изменяются, но сосед всегда есть — одни уезжают, другие занимают их место. Вы найдете тут кровать с тюфяком, древний диван, несколько стульев, стол, может быть и другой; на стене зеркальце, — более ничего и не нужно, если вы приехали молиться. Добрый гостинник и помощник его снабдят вас самоваром, простой пищей от трапезы братской, квасом или бесподобной ключевой водой, текущей в песчаном противоположном берегу близ шлюзов, а проходящие под окнами горожане-промышленники каждое утро принесут свежий хлеб, прекрасные сайки и крендели, иногда же пироги, грибы, яйца, молоко, зелень, ягоды — смотря по времени года — и мелкую рыбу; хорошей рыбы в Тихвине иметь трудно.

Против гостиницы земля монастырская простирается еще на дальнее расстояние и все возвышаясь наконец образует обширный холм, довольно значительной высоты, скрывающий за собой даль. Эта сторона обители была самая опасная и слабая, на нее-то, как мы видели, неоднократно устремлялась вся ярость войск Делагарди; отсюда, с построенных на

высоте военных хитростей, они громили не стены, но существовавший здесь тогда тын; под этой боевой башней падали они толпами, поражаемые не столько горстью защитников, сколько рукой свыше. Новейшие строители разумно не коснулись достопочтенной старины, наверху поставлена осьмигранная деревянная башня с шапкой и главой с куполом. Толстые кирпичные стены четырехугольной башни этой, в шесть и семь сажений в боку, поднимаясь сажением на девять или около в вышину, делятся на четыре широких пояса, наружной выступкой кирпичей, два нижних заняты воротами и сводом, готовым выдержать удар ядра; под ним широкие (теперь заложенные в устьях) амбразуры свидетельствуют, что к защите этой стороны были приняты все меры. В третьем поясе — низкий ложемент с окнами, здесь устроена самая малая в углу церковь Николая Чудотворца. Верхний, четвертый пояс, вероятно, был накрыт какой-либо шапкой, уничтоженной для надстройки деревянной башни, тут кругом, в толще стены ряд частых остро-скошенных книзу *слухов*, из которых в последние дни частых, продолжительных, отчаянных с обеих сторон усилий лилась на ломившихся с остервенением в ворота и бросавшихся на приступ врагов, кипящая вода, смола, масло и сыпались бойкие удары, поражающая неприятеля у самой подошвы башни; над ними другой ряд узких, длинных бойниц, тоже скошенных для удобного действия и на близкое расстояние; широкая прорезь в арке выходных ворот, доказывает, что из нее спускалась тяжелая железная герза. «Христе Боже наш! Всяк надейся на Тя не постыдится». Если монастырь устоял, одолел, спас всю область, — то, конечно, лишь по истинной истине слов сих, начертанных на ликом Того, Кому работна вся тварь и Кто «идеже хочет побеждает естества чин».

На холме саженьях в 70 от гостиных келий, за частоколом, окружающим огромной огород, построен Архимандритом

Самуилом обширный (саженей 15 и 20) двухэтажный каменный корпус о двух воротах; к нему примыкает четвероугольный двор, заключающий в себе вокруг конюшни, сараи и службы, выстроенный покойным Архимандритом Иларионом. Если бы дом этот был прилично и с необходимыми удобствами отделан внутри, то по совершенной отдельности своей от монастыря и вместе по близости и прекрасному положению он был бы одной из превосходнейших монастырских гостиниц для многочисленных посетителей всех состояний.

Вот эта почти пятивековая обитель, в высшей степени замечательная благодатным поводом к основанию ее, — Великой Святыней в ней заключающейся, — ее мощным заступничеством и неисчислимыми чудесами, — исторически важными для страны событиями, — военными бурями, — верностью ее защитников вере и долгу, — горячей к ней ревностью Царей и народа, — превосходным положением, — устройством, ставящим ее в ряд первейших монастырей русских, — богатством церковным и притоком в нее со всех концов необъятной земли родной богомольцев, «труждающихся и обремененных», с неизменной верой к никогда не оскудеваемому Источнику милости, к Предстательнице Христиан непостыдной и непреложной о нас пред Христом Ходатаице!

Иждивением Великого Князя Московского Василия Иоанновича на необитаемом месте явления иконы, Архиепископом Новгородским Алексием сооружена, а Преосвященным Серапионом освящена (15 августа 1515 года) каменная в празднование Успения Пресвятыя Богородицы церковь, к которой определен священник с причтом; Великий Князь Василий Иоаннович посетил ее в 1526 году; Царь Иоанн Васильевич — в 1545-м и последующих годах; путешествуя для богомолья в северных странах, в монастырях

Кириллове-Белоезерском, Ферапонтове и Вологодских: Прилуцком, Корнилиево, Павлове-Борисоглебском — на устье, в январе 1547 года он прибыл на Тихвин; он имел к Явленной иконе Божией Матери великую веру, и монастырь был основан на месте церкви, в которой 177 лет служение совершалось мирскими священниками.

Вскоре отечество начали раздирать ужасы междоусобия, брани Литвы и изменническое нападение призванного русскими для вспомоществования вождя шведов; но благодать Божия испытав, наказав нас «грех наших ради», разогнала грозы. Обитель начала отдыхать от бурь, очищенная кровью и огнем. Она росла, крепла, посещаемая народом со всех концов России, и никогда не была забываема заботливой ревностью Царей, которые одаряли и наделяли ее щедро. Василий Иоаннович Шуйский, грамотой 1607 года, подтвержденной Царями: Михаилом Феодоровичем, Иоанном и Петром Алексеевичами, наградил ее в Обонежской Пятине, в разных погостах деревнями и сборами, в Тихвинском посаде таможенными, конскими и другими. Царь Михаил Феодорович, грамотами 1621, 1628, 1634, 1644 годов жаловал ей в Обонежских и Заонежских пятинах вотчины, пустоши и новые на Тихвине сборы, на фимиах даровал безоброчно рыбные ловли. Царь Алексей Михайлович в 1663 и 1672 годах приписал к ней монастыри с угодьями и землями. Царь Феодор Алексеевич в 1676, 1678, 1680 годах даровал ей рыбные ловли, вотчины, подводы и другие статьи безоброчно. Так что к 1764 году (когда монастырь сей положен во 2 классе, степенью 15) за ним числилось крестьян 4312, пахотной земли 4481 десятина, четыре приписных монастыря и две пустыни, именно монастыри Николаевский — Боровинский, Николаевский — Мостицкий, Троицкий — Ругойский и Сарожский, да пустыни Рекомская и Лепрудская.

Кроме посещений древних Царей, о которых мы уже упомянули, здесь были император Петр I в 1717 году, когда он осматривал Тихвину, Сомину, в намерении соединить их каналом; Елисавета Петровна в 1747 году с Наследником Великим Князем Петром Феодоровичем и его супругой Екатериной Алексеевной; Павел I в 1798 году с супругой и Великими Князьями Александром и Константином; Великая Княгиня Екатерина Павловна с супругом, а в последнее время Великие Князья, Сыны ныне благополучно царствующего Императора.

Вместе с уширением страны и возвышением благосостояния обители сей дарованы ей и отличия в священнослужении; первоначальное настоятельство Игуменское продолжалось только до половины XVII столетия, именно в 1651 году учреждена Архимандрия, в ризнице находятся замечательные, древние рипиды, на которых начертано: «Лета 7164 (1656) месяца Мая в 10 день, сотворены сии Рипиды в дом Успения Пресвятыя Богородицы и Чудотворнаго Ея образа Одигитрии, Тихвинский монастырь, из казны домовья при Государе Царе Алексие Михайловиче всея Великия и Малыя и Белья России Самодержце, и при Благоверной Царице и Великой Княгине Марии Ильиничне и при Благоверном Царевиче и Великом Князе Алексие Алексеевиче и при Великом Государе Святейшем Никоне Патриархе Московском и всея России и при великом Господине Преосвященном Макарии Митрополите Нова-града и Великих Лук и при пастырстве духовнаго настоятеля сея честныя обители, при Архимандрите Иосифе с братиею». В 1727 году июня 21 определением Преосвященного Феофана, Архиепископа Новгородского, дозволено (Преосвященным Димитрием) носить мантию с скрижалями и посох с яблоками, на что и дана настольная грамота. В 1805-м октября 2-го Архимандриту Герасиму и будущим по нем

настоятелям дозволено, определением Святейшего Синода, иметь в священнослужении все отличия, употребляемые Архимандритами Кирилло-Белоезерского монастыря, в 1806 году марта 26-го Император Александр I дозволил, по представлению Митрополита Амвросия, Архимандритам Тихвинским иметь на скрижалях мантии изображения: на правой Благовещения Пресвятыя Богородицы, а на левой — иконы Тихвинския Божией Матери и все преимущества дарованные Полтавскому Крестовоздвиженскому монастырю, заключающиеся в следующем. Архимандриты отправляют священнослужение с отверстыми царскими вратами, с посохом, с сулком, с рипидами; во время входа с Евангелием осеняют трикирием и дикирием с пением посреди церкви и в алтаре: «Приидите, поклонимся» и проч., с каждением и с пением: «Святой Боже», с провозглашением к народу: «Призри с небес Боже и виждь, и посети виноград сей» и проч.; на великий же выход, с прочими не выходят, а принимают дары в царских вратах, с провозглашением имен Августейшего Дома и проч. По *достойне* перводиакон возглашает, зря к народу: «Святейший Правительствующий Синод» и проч.

Так постепенно пользовались Настоятели Тихвинской обители в служении все новыми преимуществами, и нынешний Архимандрит Петр, поступивший по указу 7 мая 1851 года из Валдайского первоклассного Иверского Богородицкого монастыря, совершает служение (с осенением трикириями и дикириями с пением: «Приидите поклонимся» и «Святой Боже» в алтаре, и с принятием даров в царских вратах). Наконец в 1853 году, января 24-го, монастырь сей возведен в первый класс, с тем чтобы дополнительное число братий оставалось на содержании обители, без расходов от казны.

Устав общежительный принят в этой обители с 1798 года.

В ряду Настоятелей и Архимандритов* было много людей, замечательных личными достоинствами и строгостью жизни; *Онуфрий* и *Макарий*, — свидетели и действователи в великой борьбе; *Герасим*, в 1640 году Архиепископ Сибирский; *Иосиф*, строитель Святых врат и части келий, постриженец Зеленецкой обители из поместных бояр Московских; *Корнилий*, из Архимандритов Тлавина монастыря, возведенный в 1673 году на Митрополию Казанскую, а через год на Новгородскую**; известный *Варлаам Ванатович*, хиротонисанный в 1722 году в Архиепископа Киевского, лишенный сана в 1740 году, по возвращении сана при Императрице Елисавете Петровне, переехавший сюда из Кирилло-Белоезерского монастыря, в схиме наименованный Архисхимомонахом *Василием*, здесь имевший пребывание, скончавшийся в 1751 году и погребенный; *Павел*, впоследствии Епископ Владимирский; *Самуил*, отличенный в Константинополе, во время нахождения его там при Миссии нашей***; наконец покойный Иларион, оставивший

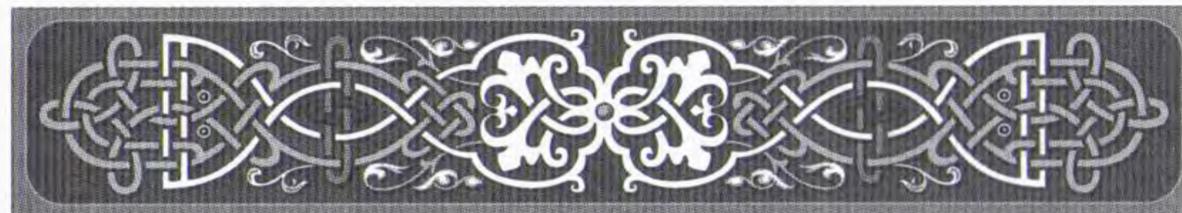
* Вот наименования их по порядку. Кирилл, Иосиф (1607); Онуфрий, Макарий (по 1616); Александр (1621); Вассиан (1628); Герасим Кремлев (1658); Сергей (1644); *Архимандриты*: Пимен, Иосиф, Никон, Иаков, Иосиф, Корнилий (по 1673); Иона, Ефрем (по 1676); Варсонофий, Макарий, Евфимий (1693); Боголеп, Павел, Рувим (1718); Варлаам Ванатович (1719); Павел II; Феодосий, Адриан, Сильвестр, Леонид, Павел III, Наркисс (по 1764), Евфимий II; Игнатий, Герасим II Князев (1795); Самуил (1810); Иларион с 1823 и настоящий Архимандрит Петр с 7 мая 1851 года.

** По «Истории Российской Иерархии» он был хиротонисан в Митрополита Казанского 16 марта 1673 г. и, не быв в Казани, переведен в Новгород августа 6-го 1674 г. Но по надписям и летописям Зеленецкой обители, которая столь много обязана этому Архипастырю, подражателю Преподобного Мартирия, питавшему великую любовь и к памяти сего святого, и к монастырю, им основанному, — Корнилий был призван на Митрополию Казанскую в 1676 г., а переведен в Новгородскую августа 7-го 1677 г.

*** В паперти собора, перед приделом св. Пророка Илии, в западной стене врезана медная доска, на которой начертано: «Здесь погребено тело Архимандрита Самуила, он произведен в сей сан в Царь-граде, при Русской Миссии в 1810 году; здесь был настоятелем с 16 Февраля 1810 по 29 Сентября 1823; был на покое пять лет, скончался 9 Октября 1828 на 61 году».

по себе много полезного, трудолюбивый, образованный и строгий инок.

Из монашествовавших здесь многие поступили в Строительские и Игуменские должности других обителей, и некоторые поныне продолжают с пользой послушания сии.

ДЫМСКИЙ АНТОНИЕВ МОНАСТЫРЬ

Кто находится для богомолья в Тихвине, не может не посетить трех смежных с Большим монастырем святынь: монастырей *Беседного-Тихвинского-Николаевского*, *Дымского-Антониева* и *девичьего Введенского*. Первый расположен в четырех, а другой в пятнадцати верстах за городом; Введенский же, как уже было сказано, при самом въезде в Тихвин, не более четверти версты пред большой обителью. Посещения эти входят в состав самой поездки в Тихвин.

Неприветлива бульжная мостовая с откосами грязи, сумрачны черные, ветхие дома той части города, по которой вы из него выезжаете, а за городской чертой отдых на шоссе тешит путника не надолго; шоссе, вскоре прерываясь, заменяется глубоким, сыпучим песком, тем более утомительным, что дорога идет все в гору, беспрестанно извиваясь то вправо, то влево. Природа здесь наша, северная; растительность тоща, местность, хотя и возвышающаяся, плоска, однообразна; там-сям букеты кустарника несколько пестрят шахматную доску посевов и лугов, отороченных частоколами. На четверной версте, вправо близ дороги, выказывается из-за дерева белая колокольня, потом церковные главы, шпили угловых башенок, а наконец и темные крыши келий... Это *Беседный-Тихвинский-Николаевский* монастырь, тихий оазис отшельнической жизни. Красивая часовенка его, при самой дороге, манит повернуть в недлинную аллею, ведущую

к Святым вратам обители; но вы торопитесь в Дымский к обедне и, по обычаю, остановитесь здесь, чтоб отслужить молебное пение Царице Небесной и Святителю Николаю, великому защитнику и ходатаю нашему.

Дорога уклоняется влево от монастыря, как будто для того, чтоб путник мог удобнее видеть символ спасения, издали охраняющий его; местность начинает становиться несколько игривее. Перелески сосны довольно мелкой и можжевельника густеют, но частые лесные пожары, выхватывая огромные части, оставляют груды золы от мелкого и обгорелые пни от лучшего леса; не заметив того, вы въехали на высшую точку этого места, глаз ищет картины, — но вся даль задвинута синью леса. На осьмой версте спуск с горы и довольно крутой поворот влево, на мост чрез ручей, потом дорога опять в гору; не забудьте остановиться здесь и оборотитесь, потому что это место чрезвычайно красиво. Вы вовсе неожиданно встретились с Тихвиной; закрывшись высотой берега и кустарником, она украдкой следила вас, с левой стороны, во всю дорогу и тут появилась так же внезапно, как живописно. Под высокими, крутыми, красно-песчаными обрывами, по осыпи которых картинно клонятся старые сосны, река дотекла до самого моста и пропустила под него украсившийся кувшинчиками ручей. Дав жизнь этому сыну, доведя его до точки, с которой ему определено уже одному начать далекое, неизвестное странствование среди усеянных препятствиями пустынь, она быстро оторвалась от него, как сетующая мать, будто в желании скрыть свою грусть, отворотилась, загнула назад широкой дугой и побежала в путь ей предначертанный... Так не человек лишь, но все в природе исполняет predetermined Премудрым Строителем! Изгиб Тихвины образует на этом месте прекрасный мыс, который под Петербургом не был бы никак упущен для построения семиготического замка, английского коттеджа или

итальянской виллы. Тут картина иного рода: по пояс в воде реки, с звонким криком погонщик нудит скрывшуюся в нее по грудь пару лошадок, сильно наваливших на бичеву, которая тянет лодку (тихвинку), змеисто развивающую ярко-красную свою флюгарку по синеве неба и будто глядящую своими двумя белыми окнами из зеленой кормы. Проехав казенное селение, начинающееся за самым мостом, вы поворачиваете вправо в узкий проселок, по указанию столба: «*дорога в Дымский монастырь*». Это на девятой версте; можно ехать большой дорогой еще около пяти верст и там, близ часовни монастыря, повернуть на новую, трехверстную к нему дорогу*; но возникший мой, человек положительный и молчаливый, Василий, здесь, несколько оборотясь ко мне с облучка, произнес следующее краткое рассуждение: «Сюлишным проселком пять верст, тотошной ездой, по большой дороге пять до часовни, да оттоль дорогой к монастырю три; пять да три — оно выходит восемь; а дорога где хошь все дорога; только та, вишь, нова — не кончена, а эта стара — испорчена: на одно ладит. Выходит — для нас равно, а для лошадок-то три версты с плеч». Тут он оборотился сам и поворотил в проселок.

Не раз на этом пути математика Василья приходилась мне крайне не по сердцу; с самого начала было невесело ехать среди валящихся частоколов и изгородей, по заду деревни, между грудой сгнивших, кое-как подпертых амбаров, кочек и целых курганов навоза; потом по болотным местам сделалось еще несноснее на устланной неровными жердями мостовой, — а все же окончательно я примирился с решением Василия. Этого узкого проселка местами нельзя променять ни на какую широкую дорогу, особенно в жаркий день. Будто искусно нарисованная дорожка английского парка,

* Теперь, без сомнения, оконченную.

он временем легко извивается между букетами стройных молодых сосен, массивами свежих берез и кудрявого, превосходного смерчия (можжевельника), которым в древности страна была так богата. В пролесках являлись большие запасы нарубленных для зимней вывозки дров и жердей, со всеми истинно отличительными свидетельствами разрушительной деятельности русского топора, неутомимого, ничем не умолимого губителя родных лесов и собственной пользы; лесов, страшно уничтожающихся повсеместно и далеко не так легко охраняемых в натуре, как в теории. Там, около одной вырубленной оглобли валяются полдюжины изрубленных деревьев; здесь — для одного кола известной меры окарнано и испорчено превосходное дерево; далее — глубоко зарублено и иссыхает другое, чтоб назначить высоту сажени!.. Но вот вправо открывается поляна, налево массивный, деревянный крест благословляет узкую дорожку в расположенную неподалеку деревню *Островок*; мостик переносит вас через темную, под навесами зелени речку *Дымку*, выбегающую из *Дымского* озера, и тотчас же, за леском открываются главы и шпили монастыря, покоящегося на пологой возвышенности.

Граница монастырской земли обнесена деревенской оградой; близ сельских простых ворот стоит под навесом деревянный крест; остается переехать через занятую посевом поляну, по которой дорога к обители изогнулась легкой дугой.

Когда великий ученик знаменитого Варлаама Хутынского, Антоний, проименованный впоследствии Дымским, совершая в 1243 году то, что обыкновенно начертывают в святых его изображениях на держимой им в руке хартии: «Се удалихся бегая и водворихся в пустыни, чая Бога спасающего мя» и проч., — когда в высоком, благодатном настроении сем, движимый Духом; скитаясь по лесной пустыне, он вышел на эту поляну, взошел на возвышающуюся холмом

середины ее, и взором, просветленным от света внутреннего, взглянул кругом на необозримую глубину бегущих во все стороны лесов, как бы соединяющихся на горизонте с небом; на спокойно улегшуюся в этом безлюдном месте высоту поляны, пологий откос которой ласкают тихо плещущиеся о него воды пустынного, темного, спокойного озера, отражающего в себе лишь тот же лес с тем же куполом неба; когда Антоний слышал эту тишь, не нарушаемую никаким гулом человеческих забот, он не мог не избрать этого места, превосходно отделенного своим положением и природой от всякой молвы, попечений и «печалей» века. Оно создано как бы нарочно для пустынных, одним Богом оцениваемых, непонятных и недоступных миру подвигов дивного, святого, духовного созерцания.

Монастырь представляется чрезвычайно живописно, линией своей северной стороны, — главный въезд в него с противоположной, южной. На площади, озолоченной дозревающим овсом, возвышается чистый, белый квадрат замка обители, состоящий из невысокой стены (в 50 саж. по каждому фасу) с четырьмя по углам красивыми двухъярусными башнями, с фронтонами, зелеными куполками и стройными шпилями из белого железа. Под самой стеной опять тянется простая сельская изгородь, за нею темные фестоны кустов ярко вырезаются на белой ограде; у правой оконечности, близ угловой северо-западной башни, красиво заканчивающей этот план пейзажа, простые же ворота, чрез которые глаз, скользя вдаль по блестящей под солнцем изумрудными огнями зелени лежащего ниже луга (усеянного букетами рассыпавшихся купп древесных и кустарника, вправо теснящихся все более и более, и наконец сливающихся в гущу леса), отдыхает на продолговато-округленном зеркале озера, необыкновенно спокойного и унылого. На дальнем плане стальной его поверхности ярко обрисовываются очертания

двух, трех пустынных сельских крыш, а сзади и кругом, как пуховая рама, кудри леса и леса, лентой, все бледнеющей по мере отдаления, разлегшегося в ненарушимом мире до крайних пределов кругозора!

От этой картины, в которой нет и малейшего признака какого-либо смутного движения, столько утомляющего жизнь, — движения признаваемого в мире силой, тогда как всякая сила *истинная* внедрена в спокойствие, — веет на душу необыкновенной, грустной, но святой отрадой! Вы огибаете угол за башней и несколько далее, против южной стены находите у деревянной, простой, но чистенькой для богомольцев гостиницы, одноэтажной о 12 окнах; она расположена почти против самых Святых врат обители. Святые врата довольно массивны, хотя не совсем красивы; на четырех колоннах, между коими расположены калитки, лежит фронтоном с изображением Пресвятыя Троицы; выше идут уступы, заканчиваемые низменным шпилем с крестом. Над калитками изображения учителя и ученика, Варлаама Хутынского и Антония Дымского; в двойном фризе под фронтоном надписи: «Трие суть свидетельствующие на небеси, и Сии три едино суть». А ниже: «Отверзите мне врата правды, вшед в ня исповемся Господеви. Сия врата Господня, праведная внидут в ня». По сторонам калиток две низменные пристроек с колонками, фронтонами и остроконечными зелеными крышами — это часовня и сторожка. Вправо от последней, до юго-западной башни, в стене устроены лавки для бывающей тут ярмарки. Все чрезвычайно свежо, опрятно; монастырь и с этой стороны, как с западной, красиво смотрится через стену своими главами и вершинами нескольких сохранных во дворе деревьев.

Двор подымается к середине и на самом высоком месте его стоит небольшой, каменный, двухъярусный собор. Этот стародавний храм, с пятью деревянными главами и с коло-

кольной над папертью, как и все без изъятия части обители, обязан поддержанием, украшением и приведением в настоящий порядок начально предшественнику*, а особенно нынешнему Строителю отцу Иларию, управляющему сим монастырем уже 12 лет**. Вправо, задом к южной стене, подымается белый, очень хороший двухэтажный корпус; в верхнем ярусе его помещены настоятельские кельи, а в нижнем трапеза, кухня, пекарня и рабочие людские. Налево, задом к стене северной, выставляясь в самую стену, одноэтажный корпус, в котором до 20 келий братских; сзади, к стене восточной, лежащей несколько ниже по скату двора, еще до 30 братских келий в одноэтажном же корпусе; между сим последним и настоятельским, на одной с ним стороне, новые амбары, кладовые, баня, теперь конечно уже отстроенные. Во дворе монастырском осталось из прежнего деревянного строения только одна древняя церковь, во имя Св. Предтечи Христова, давно уже назначенная по ветхости в сломку, но благодаря стараниям Строителя, она поддержана, скреплена, исправлена очень хорошо, покрыта новой железной крышей и простоит еще весьма долго при разумном поддержании; она находится между собором и северной стеной (См. описание на с. 96. — *Прим. ред.*). Последнее деревянное строение было близ стены западной — настоятельская келья. По постройке нынешней каменной она снесена; часть здорового еще леса употреблена на увеличение за стеной гостиного дома, а здесь двор украшен разведением на очистившемся месте небольшого садика. Так, экономически, по мере возможности небогатых приношений и довольно скудных доходов, о. Иларий успел и сумел, неусыпной заботливостью, привести этот небольшой монастырь в самое удовлетворительное положение.

* Достопочтенному нынешнему Игумену Коневскому, о. Амфилохию.

** По окончании мной обозрения обители этой он получил другое назначение: Игуменом в Новгородский Олень монастырь.

В «Истории Российской Иерархии» упоминается в этом монастыре только одна соборная «*посреди монастыря стоящая*» церковь, о другой же деревянной не сказано ничего; не менее того она очевидно принадлежит не только прошедшему веку, но и не концу его. «Эта соборная церковь, — говорится там, — построена в половине XVIII-го столетия и тогда же освящены два нижние храма ея». Тут не может не быть ошибкой. Построение церкви, по характеру сводов, стены восточной, окон и пр. несомненно должно быть отнесено к времени несравненно отдаленнейшему; нельзя ли разъяснить этого? В алтаре одного из нижних храмов мы видели чрезвычайно ветхий, небольшой деревянный дубовый крест, в полуистлевшей надписи которого читается довольно ясно: «что церковь эта освятилась при Царе Алексие Михайловиче, при Патриархе Никоне, во время игуменства Филарета». Никон хиротонисан в Патриарха в 1652 году, и сам оставил престол в 1658-м; Игумен же Филарет был второй из тех игуменов, имена которых с великим трудом и усилением разысканы нынешним Строителем обители, и о предшественниках коих никаких известий нельзя было найти. И точно, Филарет поступил на игуменство в 1655 году; годы сходятся, следовательно, надпись на кресте верна, а крест принадлежит этой обители, как и Филарет был игуменом в ней; из чего выводится что собор построен не в половине XVIII века, но веком ранее. Другое обстоятельство ведет, по мнению моему, к объяснению и самого повода этой ошибки. Из известий о чудесах Св. Антония Дымского, тоже с чрезвычайным трудом разысканных, открывается, что санкт-петербургский купец *Калитин*, долговременно страдавший неисцелимой ничем болезнью, с верой притек к св. мощам Угодника в 1744 году и был совершенно исцелен. Подвигнутый усердием и благодарностью, он пожертвовал этой «*отстраивавшейся в то же лето церкви*», — как сказано в этом современном известии, — «иконостас и раку и поныне над мощами стоящую». Очевидно, что церковь тогда перестраивалась, возобновлялась (во 2-й половине XVIII века) именно по причине ветхости, но что она существовала веком ранее; Калитин устроил раку над мощами, находившимися хотя и под спудом, но все же в церкви. Должно прибавить еще,

что на месте этом (а не на другом, потому что оно центральное, высокое, удобнее в замке монастырском), конечно, была и еще древнейшая церковь, может быть уничтоженная шведами. Антоний перешел сюда в 1245 году (он родился в 1206 году и при жизни Варлаама, принявшего Игуменство Хутынского монастыря в 1193 году управлял этой обителью до его кончины в 1243 году), время кончины его не известно, но известно, что мощи его находились на вскрытии около 90 лет и положены под спуд иноками, лишь по боязни, при разгромах шведских, начавшихся с 1611 года. Тихвин был осажден шведами в 1613-м, в эту эпоху сожжен ими на Тихвине монастырь девичий Введенский, оскорблены все святыни в стране и мог быть уничтожен храм в Дымской обители. Монастыри стали возникать мало-помалу после Столбовского мира (в 1617 году).

В соборе им же сделано все вновь. Верх первоначально заключал кладовую, почти без потолка под крышей, снизу упирались под нее два каменных столба, разделявших здание по его длине на две половины, и боковые стены верхнего яруса были сближены к середине, стоя на сводах нижнего, — так что верх здания был гораздо уже низа; он расширен вровень с низом и устроены два престола, чему способствовало деление церкви на две половины средними столбами. Правый престол Живоначальных Троицы, левый — Антония Дымского; иконостас, голубой с золотой резьбой, недурен (хотя цвет этот, введенный в употребление в начале нынешнего века, вообще тяжел и мало соответствен золоту, блеск которого потемняет); образа — иконного дела, приличны. Внизу под тяжелыми, низменными старинными сводами тоже два престола, вправо Антония Великого, соименника и образца Дымского, память которого празднуется с ним в один день; влево — Казанския Божия Матери; оба отделаны в два последние года. Здесь иконостасы особенно хороши; они не бросаются в глаза вычурностью, богатством

или изысканностью, но удачны по рисунку, исполненному вкуса, — белые с золотой резьбой из виноградных листьев и гроздий, художественно расположенных. На одном, кроме местных образов и Архангелов, на загибе южной стены изображен Антоний Великий, на противоположном загибе Иоанн Креститель. Другой не имеет таких загибов, там — на дверях северных — Св. Николай Чудотворец, а на южных — Антоний Дымский. Посередине, под аркой, разделяющей обе церкви, покоится древняя рака (устроенная купцом Калитиным) под сенью с завесами. Здесь почивают мощи Преподобного, сокрытые монахами под спуд, когда войска Делгарди в раздражении за упорное сопротивление большого Тихвина монастыря разоряли кругом все беззащитное, предавали мечу жителей, оскверняли святые церкви и обращали в пепел обители. Против раки висят на столпе по сторонам образа Спасителя, с одной стороны, весьма древнее изображение Преподобного, а с другой — Тихвинская икона Божией Матери; в ногах, на тумбе лежит огромная железная, из толстых листов скованная шляпа Преподобного Антония Дымского. Она была найдена в озере, куда он бросил ее сам, без сомнения; подвижники не на удивление людей, не для снискания какой-либо известности, но на победение, на умерщвление последнего могущества плоти над духом, на крайнее уничтожение, удручение ее волей, желаний, требований и мудрований употребляли жестокие и намеренно по потребностям каждого, придумываемые способы. Борцы духовные знали ничем не оценимую награду победы, за ней только стремились они, умертвив себя миру и себе мир. Поты их и усилия выше-человеческие известны были лишь Мздовоздателяю; но Он Сам и всегда чудным образом обнаруживал людям то, что святые труженики старались всеми средствами, во всю жизнь скрывать от них. Тулья шляпы круглая, на ней грубыми гвоздями набита заплата; широкие,

прямые поля, как у шляп, употребляемых факельщиками, тоже прибиты кругом к тулье огромными гвоздями. Святая, вся преданная Господу глава Антония, не имея никакой иной, кроме Его, мысли, еще находила однако же нужным воздевать на себя эту 15-фунтовую ношу! Шляпки гвоздей и рубцы заплаток и окраин глубоко врезываясь в череп Преподобного, вероятно, должны были изжечь из-под него последние, конечно уже самые слабейшие проблески мимо мелькавшей мысли о чем-либо земном, напоминая ему чувственно муку тернового венца, приятого Христом во спасение наше. Так приобретали люди, такие же, как мы, нетление на земле и предстояние Престолу Владыки — на небе! Что же приобретем мы за нашу жизнь?..

Замечательно чрезвычайное уважение раскольников к святыми мощам Преподобного Антония Дымского; они приезжают из отдаленных мест России для поклонения, не совершая, впрочем, служб.

С учреждением штатов и этот монастырь в числе многих других был упразднен; около 30 лет служба в храмах его изредка совершалась белым духовенством. Но страна не переставала желать воссоздания обители, основанной Преподобным Антонием, и не было ей суждено уничтожиться над прославленными его мощами.

Теперь братство монастыря состоит из 24–30 человек, трапеза их общая. Единственная собственность обители заключается в 120 десятинах земли (до учреждения штатов за ними числилось 111 душ крестьян); но усердие богомольцев восполняет его скудость и при предстательстве Преп. Антония, довольствуясь весьма малым, монашествующие в постнической жизни своей беспечно продолжают служением Богу в неподобной пустыньке своей.

От башни юго-западной, по продолженной оси ее диагонали, спускается широкая дорога-аллея древних берез,

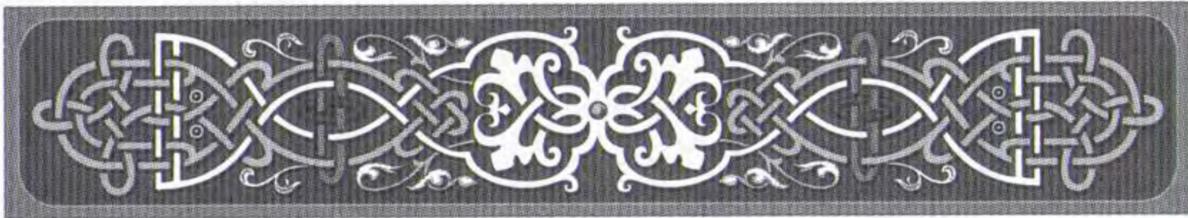
на расстояние около 200 саж. к озеру; по левой ее стороне виднеются несколько монастырских служб; конный и скотный двор с хорошим домом на каменном этаже, старая баня и проч. Озеро почитается святым, и множество примеров дивных вполне оправдывает народный голос. Верующие больные (неверующий будет тщетно ожидать чудес и от величайшей святыни), прибывая сюда не только летом, но в глубокую осень, и даже в великий пост, не колеблясь никаким сомнением, отлагая все расчеты и всякое опасение, идут прямо купаться в озеро, и по вере получают исцеление. Некоторые, слыша и даже видя это, не только не решаются, но возражают, ищут доводов... Пожалеем о всяком не уразумевшем, что там не может быть и начатка веры истинной, где есть хотя бы и малейшая тень собственного лжеименного и лжемудрствующего разума, выше ее ставимого. Вера — как вера, не может быть соображением, выводом ума. Озеро это, около трех четвертей версты в длину и до 200 саж. в ширину или более (глазомерно). Вид его овального стального зеркала, красиво убранного кругом непрерывающимися рощами, кустарниками и лесками, фиолетовые планы которых гладко льются к горизонту, все более туманясь, и задвигают, со всех сторон, от всякого мятежа жизни эту истинно для отшельнической жизни созданную пустыньку, — необыкновенно успокоителен.

С прихода к озеру устроены на нем пристань и тоня. Июня 24-го, когда при обители бывает ярмарка, на озеро совершается крестный ход.

Этот небольшой, чистый, в превосходном порядке находящийся монастырь, расположенный в местности не только необыкновенно удачно избранной, что не удивительно, ибо во время первоначального избрания все окрестные места были более или менее сходны в этом отношении; но, что гораздо удивительнее, — в местности, которая при

близости от весьма населенных мест поныне не утратила всех достоинств своей пустынности, монастырь, имеющий сокровище, которого лишены многие обширные обители, — нетленные святыне мощи своего основателя, здесь же стяжавшего венец небесный, — производит на душу очень глубокое впечатление.

Благодать великой святыни Большого Тихвина монастыря как будто согревает все кругом, далеко, спасительной для души покаянной теплотой...

БЕСЕДНЫЙ НИКОЛАЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ

На возвратном пути из Дымского вы остановитесь у Беседного Николаевского монастыря: можно ли православному не поклониться той земле, которую, по преданию, освятила сама Пречистая Богородица, явясь с Святителем Николаем простому, богобоязненному пономарю, и где, сидя на сосновой кледи, Она беседовала с этим рабом Божиим?

Как в Дымском, точно так и здесь, смотрением Божиим о. Строитель Сосфен* в течение двадцати лет, при великой скудости средств, неусыпной заботливостью успел сделать все, что теперь поставило этот маленький монастырь на степень самых приятных, чистых, преисполненных всякого столь необходимого для обитателей порядка. В монашеской жизни все совершается с *пожданием*; устройство обители земной, как и устройство в очищенном сердце кающегося обиталища Духу Святому, совершается, когда Бог благословит не годами, а многими десятками лет и трудом великим!

«История Российской Иерархии» относит «действительное учреждение» здесь монастыря к 1560 году — «когда Царь Иоанн Васильевич был на Тихвине, для поклонения Чудотворной иконе». Но он был там в 1545 году и точно по его повелению и на его кошт могли быть тогда начаты тут каменные церкви — соборная св. Николая Чудотворца и св. Иоанна Предтечи. Не менее того из древнейших известий

* В недавнее время скончавшийся.

выводится, что по троекратном сторении до основания первых находившихся тут часовен, — причем крест, сделанный из самой той кледи, на которой сидела Пресвятая Дева, всегда оставался цел и невредим, — по повелению Великого Князя Василия Иоанновича были выстроены на Тихвине, где ныне Большой монастырь, — церковь, освященная 1 августа 1515 года, а здесь, в пустыне, «деревянная во имя Святителя Николая церковь и устроен малый монастырь для пребывания иноков». Слабая, маленькая обитель эта могла упраздниться, была разрушаема в смутах отечества, подвергалась разграблению от шведов, следы святотатства которых и поныне она сохранила на святыне своей, — потом воссоздалась, отстроилась в 1560 году, опять была упразднена, осталась за штатом в 1764 году, но учреждена «действительно» вскоре после 1515-го, если не в самый этот год.

Она стоит, как уже сказано, почти возле большой дороги, представляя глазу маленькую, очень чистую и красивую группу зданий и глав. Въезд в Святые врата между двух низменных корпусов, в северной, обращенной к дороге стороне. Неправильная площадь, обителью занятая, обнесена каменной стеной с красивыми башенками по углам, то острым, то тупым; особенно уклоняется бок южный. В одних фасах по 20-ти, в других по 30 саженьей, из чего видно, что занятое монастырем место очень необширно.

В середине двора находится соборный храм Святителя Николая, вновь отстроенный в 1843–1845 годах трудами о. Сосфена; он в новом вкусе, красив и просторен; иконостас очень хорошего рисунка, и был бы в десять раз лучше, если б не был испорчен голубцевой покраской грунта между позолотными украшениями; необходимо следовало бы предоставлять самим мастерам, делающим иконостасы, выбор цветов для покраски грунтов, глаз их навык и вкус образовался под рукой художников, — но этого не делают, и множество

иконостасов (в обителях), прекрасно исполненных резьбой и позолотой, вконец обезображены покраской; почти то же должно сказать о покраске и раскраске церквей. Близ собора, в глубине двора (к южной стене), древний храм, празднующий Иоанну Предтече; в первоначальном его устройстве при нем была трапеза и настоятельская келья, над которой возвышалась колокольня. Переделка этого храма, без изменения стиля и характера, — за что должно благодарить строителя, — была начата предместником о. Сосфена о. Аркадием; церковь освящена по возобновлении в 1829 году. Она увеличена прибавкой к алтарной части и обращением древней в ней трапезы в паперть. Здесь сохранилось несколько икон весьма старинных. Особенное благоговение возбуждает изображение Господа Саваофа, писанное на доске из той самой клады, на которой Матерь Божия явилась сидящей благочестивому Юрышу. Возле, близ южных дверей, находится древняя икона Иоанна Крестителя, вставленная в иконостас без заделки ее с задней стороны, т. е. так, что оборот доски, на которой икона писана, виден. Из множества оскверненных шведами святынь эта сохранилась как бы в вечное свидетельство и обвинение безумной их ярости. Они употребляли ее на молотье муки; круги, ручным жерновом оставленные, не только врезались неизгладимо, окаменив будто бы доску, но самая мука внедрилась в нее, оставив свой белесоватый цвет и все отличительные признаки, не уничтожаемые течением двух с четвертью веков!

У западной стены приютилась двухъярусная, небольшая чистенькая настоятельская келья, построенная в 1836 году на месте ветхого низменного домика. Маленький лоскут земли, до южной стены, обращен в садик, из которого о. Сосфен предложил мне в летнюю пустынную трапезу несколько яблок, крыжовника и вишен. Восточная келья выстроена тоже им в 1848–1849 годах. Я застал его на работе вновь

строимой бани и служб у южной стены. Можно сказать, что каменный монастырек этот весь отстроен его руками. Входя близко в положение множества обителей, подобных этой, изумляешься, как могут они не только улучшаться, но существовать? В мире с таким доходом семейство не из 15–30 лиц, а из 3–5 считало бы себя ввергнутым в гибель и нищету!.. Задача неразрешимая только соображениями светской науки, но разрешаемая на деле, как многое и еще чудеснейшее. «Невозможное человекам у Бога возможно». Братство состоит из 18–20 человек.

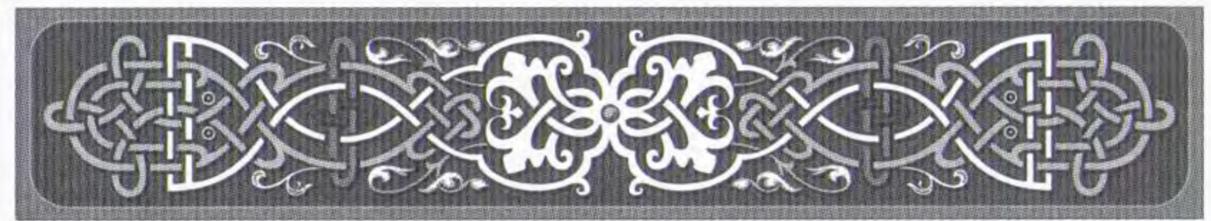
Прощаясь с обителью, вы зайдете в часовню у самой дороги. Недавно еще тут находилась крошечная будочка, но старанием о. Сосфена она обращена в довольно большую, очень благолепную часовню, а вместо угла близ нее, служившего сторожкой, теперь поместительная келья. Тут-то вы поклонитесь драгоценной святыне Беседного монастыря, Честному Кресту, сделанному из клады, на которой сидела Пречистая Матерь Спасителя мира... Да сподобит вас Она совершить здесь не обычно-бездушное приклонение тела, с прошептанием заученной молитвы, но с трепетом неживого страха, нечистыми устами вашими прикоснуться подножия двойственной святыни этой, с той любовью, которая горестно и ясно обнаружила бы вам самим в истине всю ничтожную вашу жизнь, все падшее естество ваше, всю ложь века.

У Креста множество лент и других скромных приношений. Это приятные Богу лепты вдовицы.

Я простился с красивым для глаза и отрадным для духа Беседным монастырем, когда вечернее солнце, окружась очаровательно живописными облаками, со всеми возможными отблесками пурпура, золота, серебра и палевой фольги, сыпало розовые блески на вершины деревьев и раскрашивало отдаления удивительными фиолетовыми цветами... Как

бесподобно все творение Божие. Проехав с четверть версты нельзя было не остановиться. Как сухо, бесцветно, безжизненно представлялось место при утреннем проезде от города в гору: так обворожительно являлось оно теперь, с этого высокого пункта под гору, под кистью неподражаемого колориста — вечера.

В волнистом разливе радужного полутумана, легкой дымкой затянувшего обширную, спокойную картину лесов, полян, темных масс жилищ, скученных в отдалении, светлых полос созревших нив, на горизонте прежде всего зажглись, как рубинные точки, главы городской церкви Флора и Лавра; потом правее показались главы городского собора; через несколько саженей пути, еще правее, поднялись с горизонта на золотое небо стройные массы монастырских шпилей, куполов, красиво выгнутых глав; далее зазвездились верхи девичьего Введенского монастыря и протянулся за ними синеющий полог отдаленностей!.. Все это пересыпанное пятнами зелени то голубой, то темной, то блестящей; полосами улиц, как ленты с каймами, пролегших там и сям, составляло картину неподражаемую, неуловимую на полотне... Несколько секунд, и с переменной точки зрения все изменилось!.. Грязь по окраинам улиц, шум, тряская мостовая, необыкновенно печальный вид серо-черных домов — не красиво созданное людьми! — а под лучом солнца Божией благодати все прекрасно.

ВВЕДЕНСКИЙ ДЕВИЧИЙ МОНАСТЫРЬ

У самого въезда в городскую черту, за мостом через вытекающий из Тихвины ручей, стоят направо — часовня, налево, углом по берегу этого ручья и по дороге, — Введенский монастырь, саженях в 200 с небольшим от монастыря Большого.

Достоверного известия о действительном учреждении этой обители нет, но несомненно, что она уже существовала, когда построенная иждивением Царя Василия Иоанновича церковь; на месте Большого Тихвина монастыря, управлялась еще мирскими священниками; следовательно, начало ее можно почти безошибочно отнести ко второй половине XV века. Во дни мятежей и разгромов литовских этот маленький, беззащитный монастырь, оставленный без всякой помощи, испытывая неслыханные бедствия, не уничтожался однако же, охраняемый заступничеством Царицы Небесной. В нападениях шведских бедствия его усилились; в начале он сделался одним из центров действий войск Магнуса Делагарди против Большого монастыря, потом был некоторое время охраняем отрядом воеводы Князя Прозоровского и, приведенный смутой своих еще в большее неустройство, вновь покинут и предан врагам, которые, мстя за неудачи, испытанные ими под стенами Большого монастыря в многократных приступах и за последнее поражение, удаляясь, разорили до основания,

разметали и предали огню (сентября 14-го 1613 года) девичью обитель Введенскую, — заключавшую тогда в стенах своих невольную царственную инокиню, третью супругу Иоанна Васильевича, Царицу Дарью Алексеевну (из рода Колтовских).

Нетрудно оценить горе существования Царицы, постриженной против воли, запертой в бедную, малую, тесную деревянную обитель; без средств для жизни, без пособий, без защиты против наглости и оскорблений разбойнических шаек?.. Бывшая Царица с двумя племянницами своими скиталась по лесам, укрываясь то от литовцев, то от своих, то от шведов; сестры монастыря тоже рассеивались и спасались где кто мог; но по обету, несмотря на опасность, собирались тайно к Литургии в обитель, крепясь молитвой и причащением Святых Таин к несению креста своего. Дарья Алексеевна ходила к ней с места, для укрытия ею избранного, через вязкие болота — за четыре версты, или в обход лесной глушью — около семи верст. Место это и теперь принадлежит Введенской обители; оно бездорожно, но для нее драгоценно воспоминанием о благодетельнице, Царице-инокине и труженице. Небольшое находящееся там озеро сохранило наименование *Царицына*; благочестивым приношением устроена близ него малая часовня, и заметны еще поныне кое-какие следы основания убогой хижины и дотлевающих остатков стен, за которыми укрывалась в громимой ужасами войны стране многострадальная женщина, бурями житейских страстей низведенная сюда с высоты Царского трона!

По восстановлении спокойствия Столбовским миром Дарья Алексеевна, познавшая всю ничтожность человеческого величия, все горе существования земного и всю великость жизни по Бозе, всю неизменчивость Его обещаний и духовную сладость неколеблемого упования на них,

возвратилась в свое скорбное пепелище, на крестный путь свой. Собственными иждивениями, трудами ходатайствами она воскресила эту обитель, по мудрованию мира — ее темницу, а по истинному разуму духа — ее вечную свободу!

Приводим вполне хранимый в Введенском монастыре современный акт, простодушно высокую в смирении, устную память Царицы; в нем много подробностей, позволяющих оценить частности ее иноческой жизни. Такова ли была бы духовная Дарьи Алексеевны, если бы она писалась под золотыми пологами царственного одра?

Список с устной памяти слово в слово

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Се аз раба Божия, блаженная памяти Государя Царя Ивана Васильевича всея России, Царица, старица Дарья, пишу сию изоустную память, своим целым умом и разумом: остается после моего живота Государское богомолье, а мое обещание, Введение Пречистыя Богородицы девичь монастырь на Тихвине. И я после своего живота приказываю в том Государском богомольи владети Игуменьи Агафьи, да племянницам своим, Княжне Леониде, да Княжне Александре, — Князя Григорьевым дочерям, Гагарина. А что Государь, Царь и Великий Князь Михаил Феодорович всея России пожаловал мне вотчину под Устюжном, приселок Никифорово с деревнями двести сорок четвертей с третником, и я ту свою вотчину приказываю в дом к Введению Пречистой Богородицы, да племянницам своим Княжне Леониде, да Княжне Александре, да Игуменьи Агафье с сестрами. А что в монастыре и в вотчине остается после моего живота, лошадей, коров и овец и хлеба и всякаго монастырскаго запаса, и я то все приказываю в дом Введению Пречистой Богородицы да племянницам же своим Княжне Леониде, да Княжне Александре. Да что Царское жалованье на Волхове, ниже Ладоги, рыбная ловля, тоня, словет Лоза, и аз ту рыбную ловлю приказываю Введению же Пречистыя Богородицы в дом. Да приказываю я по своей душе раздать сорокоустья

и на поминок, душу мою помянути, и в вечное поминовение написать в литию. А дати ко Пречистой Богородице в большой монастырь на Тихвину, двадцать рублей; да во Александрову пустыню дано десять рублей; да в Соловецкий монастырь дать к прежней дачи десять рублей; да вонтонов монастырь что в Новгороде дати десять рублей; да в монастырь ко Антонию что на Дымях пять рублей; да в монастырь к Троице Живоначальной в Зеленую пустыню пять рублей; да в монастырь Николе Чудотворца на Медведец пять рублей; да в монастырь Николы Чудотворца в Сторожно пять рублей; да к Введению Пречистыя Богородицы востров пять рублей, где лежат отец и мать Александра Чудотворца; да на бело-озеро в горы к Воскресенью Христову в девичь монастырь пять рублей; да на Устюжну ко Пречистой Богородицы в собор пять рублей; да из тех денег выдать на милостину старицам, которые тут у Пречистой живут, по алтыну старице; а достальна сорокоустье Священникам и в литию написать имя мое в вечное поминовение. Да приказываю дати сорокоустье по мирским храмам Преображенью Спаса, на Тихвинский посад сорок алтын; да к Флору и Лавру сорок алтын; да в Колбеской погост к Клименту сорок алтын; да в Лучаня к Воскресенью Христову сорок алтын; да в село Никифорово сорок алтын. Да как Господ Бог пошлет по душу мою и приказываю дати от провожанья Игумену и Священникам и Диаконом, и на милостину раздати нищим на провожаньи и по поминкам тридцать рублей. Да что у меня давано крестьянам своим для их скудости, а иное посторонним людям взаймы денег и мне взяти, на Иванке Дмитриеве сыне Сошневском с братьею, пятьдесят рублей; да на Максиме Андрееве сыне с братьею двадцать рублей; да на Куземке Ступине взяти два рубли; да на Трешке Бахмате взяти пять рублей; да на Сергуше Семенове сыне Селимом взяти семь рублей; да на посадском человеке на Тихвинце на Федьке Иванове, взяти десять рублей, да на Тихвинском крестьянине на Гавриле Степанове взяти шесть рублей; да на Савке Заболоцком взяти четыре рубли; да на Степанке, да на Матюшке два рубли; да на Петре Баранове взяти пять рублей; да на Иконнике на Ортюге два рубли; да на Михалке Кузнеце взяти два рубли;

да на Семене Скрипицыне пять рублей взяти. И те деньги, кому что дано, после меня все собрати племянницам моим Княжне Леониде, да Княжне Александре, да Игуменьи Агафьи с сестрами, в дом Введению Пречистой Богородицы в казну. А больше тово у меня денежные казны после меня не остается, потому что мне шло Царскаго жалованья за годовые запасы денег, и что доходишка и мала с вотчиниска, и мы тем питались. И после раззоренья Литовскаго и Немецкаго в монастыре во храмах устроено, и кельи и житницы, и мельница, и на дворы и всякое монастырское строение устроено теми деньгами. А кости мои грешные приказываю положити в своем обещаньи у Введенья Пречистыя Богородицы, в девичь монастырь на Тихвине. А сидельцы (свидетели) изоустной памяти Царицы Иноки Дарьи Алексеевны. Отец ея духовный черной священник Феогност, да черной священник Александр, да Игуменья Агафья, да племянницы Княжна Леонида, да Княжна Александра, Гагарины; да соборныя старицы, старица Евфимия, да старица Ираида, да старица Инаида, да старица Александра, да старица Софья.

А изоустная память письмо Введения Пресвятыя Богородицы дьячка Демки Андреева. А изоустная память писана в лето *3 (7 тыс.) во сто тридцать четвертом году, Марта 1а (31) день. А сей список с устныя памяти, писал тот же дьячек Демка Андреев. К сему списку изоустной памяти Царицы-Иноки Дарьи Алексеевны Отец духовный черной поп Феогност руку приложил».

Соорудив прежде всего церковь, а потом несколько келий и устроив все хозяйство обители, Царица-инокиня, отстрадав свое земное изгнание, была призвана Отцом Небесным в уготованную ее терпению обитель вечную, 5 апреля 1626 года. Она погребена в притворе соборной церкви монастыря, влево от входа, где тело ее (и двух племянниц) поживает под древней, на витых золоченых столбах сенью. Из уважения к памяти страдальицы Цари не оставляли обители и некоторое время она была в довольстве, так что до штатов

1764 года за нею считалось 1338 душ, 380 десятин пахотной земли и некоторые угодья.

Настоятельницами были попеременно то Строительницы, то Игуменьи; с внесением же монастыря сего во 2-й класс (степенью второю) продолжается игуменское настоятельство. Настоятельницы упоминаются с 1638 года (список из найденных сведений составленный, очевидно, не полный): Евраиса, Платонида (княжна Гагарина, племянница Царицы Дарьи, около 1642 года), Евдокия (1688), Нимфодора, Ельпидифора (1761), Наталия, Таисия, предшественница нынешней (1805) из фамилии дворян Чертовых, бывшая казначеею сей же обители и оставившая по себе незабвенную память святостью жизни и достоинствами нрава, наконец настоящая достопочтенная Игуменья Августа (из Новгородского Зверина монастыря), управляющая сей обителью уже более двадцати лет и столь же много сделавшая для вещественного благосостояния ее, сколько назидаящая общину примером разума, строгостью благочестивой жизни и кротостью нрава. Трапеза в монастыре Введенском общая; число сестер простирается до 140.

Близость Большого Успенского монастыря всегда отдаляла от этого дары богатые, везомые преимущественно туда; о нахождении же здесь честных останков страдальницы Царицы, предмете, который не может не привлечь участие и не занять души христианской спасительным размышлением о суетности величия мирского, почти никто не ведает. Утратив прежние собственности, не привлекая ничьего особенного внимания, обитель эта (как наибольшая часть женских) с трудом великим могла продолжать, в тесноте и лишениях, узкий путь своего существования и едва ли что-либо изменилось в ней, — как видно из местных сведений, — с 1760 года, до назначения нынешней Игуменьи. И в настоящем положении монастырь весьма небогат, но

чист, достаточно удобен для отшельниц, ищущих лишь крайне необходимого, чтоб в жизни без довольтв и услаждений, без стяжания и потешения прихотей плоти, скромно двигаться к могиле по тесному пути последования Христу.

До Игумении Августы, кроме церквей и части келий, почти все было деревянное, ветхо; монастырь теснился в узком малом дворе, заключаая в своих стенах 30, или около, сестер, из которых каждая должна была промышлять себе насущный хлеб. Игуменья Августа ввела общую трапезу, что достойно всякой похвалы и желательно столько же, сколько необходимо для всех обителей женских; подвинула двор монастырский к улице, прибавкой к нему около 35 саж. длины*, присоединенное место из топкого болота обращено в сухое, ровное и тут же к самой улице выстроена огромная колокольня с Святыми под ней вратами и с церковью; ею же сооружен довольно значительный двухэтажный каменный корпус келий настоятельских по западной стороне против собора и увеличен втрое против прежнего объема другой такой же корпус, по восточной стороне. Необходимы были не только твердая воля, желание и труд неослабный, пособие благодетелей, но и, поистине, помощь свыше. Все это было смело начато, в твердом уповании на Бога, с 900 р. асс., единственным капиталом, который Игуменья Августа приняла с обителью ей вверенной, и мало-помалу все совершено милосердием Бога.

Двор, со всех сторон огражденный стеной с весьма малыми башенками, длинен, но узок и, по размещению зданий, представляется некрасиво воронкой или пирамидой, расширяющейся с входа к противоположной стороне. Нетрудно пояснить, почему в наибольшей части обителей

* С других сторон, кроме этой (южной), двор монастыря, к сожалению, не мог быть расширен, потому что стена западная тянется по крутому берегу ручья, а северная и восточная стороны плотно прилежат к владельческим дворам и огородам.

дворы всегда неприятно неправильны: все строится частичками, в долгое число лет, без общего плана, то там то сям; но трудно понять, почему нигде не заботятся о весьма недорогом регулировании дворов этих, проведением *правильно* дорог, дорожек или тротуаров, разведением куртин, клумб, лугов? Нет никакой надобности в роскоши или изяществе, но настоят надобность, необходимая в чистоте, порядке и приличии. Там где это сделано, братство нимало не вовлеклось в воспрещаемое монашеской жизнью и вредное пристрастие, но получило некоторый вкус к ручному труду — и слава Богу! — было утешено простым природным убранством, которым Бог украшает землю, и, что весьма важно, вместо бесприютного двора, влекущего выглянуть за ворота, было успокоено возможностью иметь в нем прогулку, во время зноя найти тень, посидеть, почитать там или тут. Смею думать, видя на деле, что это привязывает к стенам родной обители и приучает к благообразному охранению всех ее частей; приезжим же виды серьезного порядка всегда приятнее унылого неустройства, которое представляют неправильные пустынные дворы и которое, вовсе не свидетельствуя о подвижничестве, свидетельствует о незначительности и невнимании.

Почти на трех четвертях длины двора, на противоположной Святым вратам стороне, находится холодный собор Введения Пресвятыя Богородицы, с притвором, в котором, как уже сказано, покоятся останки Царицы-инокини. Собор довольно просторен, светел и чист. Иконостас его пятиярусный, весь золоченый, есть в малом виде подражание иконостасу большого Тихвинского Успенского собора, по рисунку, изображениям и размещению икон; но подражание гораздо несовершеннейшее образца по исполнению. Против входа в этот собор, сажень в 6–7 от него, к западной стене, находится корпус с игуменскими кельями, связываемый вправо

идущей от него из второго яруса стеклянной на арках галереей, с теплым, старинным собором, в котором два престола. И он в свою очередь есть тоже снимок (но в гораздо меньшем виде) как по характеру так и по размещению построения, с теплого собора Рождества Пресвятыя Богородицы в Большом Тихвинском монастыре. И здесь притвор, отделенный от самого храма, но не одной, а тремя открытыми сквозными низменными арками; в середине тоже один массивный столб, с которого ребра сводов перекидываются на все стороны. Храм не включает никакого особенного богатства или драгоценности; иконы большей частью довольно древние или *старые*, так как выражению *древнее* многие привязывают необходимое значение особенного достоинства. Самая замечательная здесь из этих святынь есть очень старинная складня (в киоте на южной стене притвора), — принадлежавшая Царице-инокине. Неизвестно, как она досталась одному тихвинскому купцу, по смерти которого, духовным завещанием его, была возвращена этой обители как собственность ее. Икона складней изображает Тихвинскую Божию Матерь с чудесами вокруг.

Третья церковь, под колокольной, празднующая св. Великомученице Екатерине, вся в новом вкусе; она расположена чрезвычайно удачно и, — хотя не подозреваешь того, глядя снаружи на колокольню, — довольно обширна. Глухой купол поддерживается четырьмя арками, весьма красиво делаящими церковь и позволившими над одной из них против иконостаса устроить хоры. Иконостас, несколько выступающий дугой, очень приятного рисунка, белый с резными позолотными украшениями; но иконы в нем живописные, кем-то в С.-Петербурге сделанные, крайне по искусству несовершенны и заставляют сожалеть (при изяществе этой небольшой церкви), что не соответствуют остальному или что не заменены простыми иконами. Зато в церкви этой

мы нашли чем-то пожертвованную (на южной стене, около аршина мерой), прекрасную копию Святого Семейства с Леонарда-Винчи. Под церковью находятся две небольшие кельи, а в нижнем этаже по бокам Святых ворот еще две гостиные кельи с одной и лестница — с другой стороны. Из этого уже видно, что здание колокольни массивно. Наружность ее несколько тяжеловата, но не дурна.

Возле собора теплого, по той же западной стене, расположены два двухэтажных небольших корпуса келий, а против восточной стены собора холодного — большой каменный корпус, загибающийся передним крылом своим к восточной стороне монастырской ограды. Здесь тоже светлые и весьма поместительные кельи для старцев. Затем, по углам, в удобных местах, расположены службы и малый садик.

Осмотрев все, должно взглянуть в самую скрытую, малую, скромную из келий обители. За большим корпусом, о котором сейчас упомянуто, в уединеннейшем уголке, стоит едва-едва видимая из-за кустов зелени маленькая бревенчатая избушка. Низменная дверь вводит в самые узкие сенцы, а из них другая — в тесную, трехаршинную келийку. Это жилище схимницы *Серафимы*. Дощатая кроватка, деревянная скамья вдоль одной стены, два низких малых оконца — три шага места между всем этим, древняя Библия, две-три отеческие книги; на простом столике, — несколько старых икон с лампадкой пред ними, гравированное изображение Божией Матери, приклеенное к стене... Как много я насчитал! Какое обширное имущество! Не мудрено, много десятков лет *стяжательница* старела тут с ним вместе, все обновляясь душою. Вот временное имущество и временное обиталище «стягающей свою душу», в несомненной вере и терпеливом чаянии блаженного освобождения ее и от этого еще тяжкого груза житейского и от всякого плена плоти и ига мира.

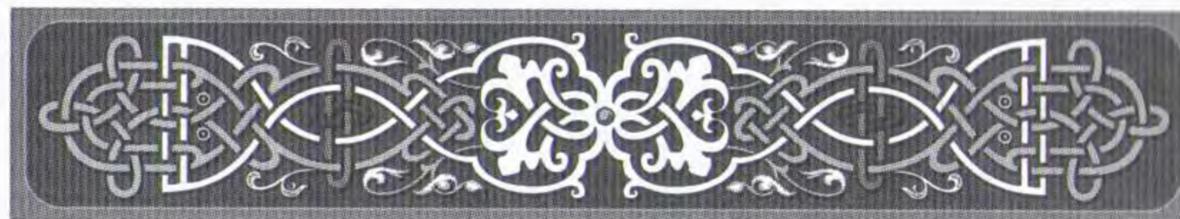
Из такой-то кельи, из таких узких врат жизни, — только в таком существовании, подавившем все похоти века и крови, — только из подобного, так сказать, упразднения своего тела и прихотей его, сгнетенного со всех сторон, побежденного во всем; только из того состояния, в котором не оставлено никакого места для «сеяния чего-либо в тление», — духу дана свобода стремиться в отечество свое; возноситься любовью от всего гибнущего отрешенной, к живому Источнику любви всеобъемлющей, к негибнущему и выситесь и облекаться смиренно в таинственные, в дивные силы, способности и свойства, после первобытного создания души, утраченные грехом, растленные миром, веком и обновляемые мало-помалу такой победной жизнью о Бозе. Дивные, заветные, глубокие тайны благодати Божией! «Исповедаются, Отче, Господи небесе и земли, яко утаил еси сия от премудрых и разумных, и открыл еси та младенцем. Ей Отче, яко тако бысть благоволение пред Тобою! (Мф. 11, 25–26)».

Схимница Серафима, как дитя, всегда спокойна, весела в келийке своей: мир ее так сладок о Бозе! Имя Спасителя и Царицы Небесной сопровождают всякую ее речь, как начинают, продолжают и заключают всякую ее мысль. Рука ее, кажется, не имеет иного движения, кроме изображения знамения креста Господня, глаза — иного взгляда, как только на изображения Предвечного и Пречистой! В приветливых христианской любовью чертах старушки дышит Евангельская кротость; из уст ее напрасно будете вы, — привыкшие к лжеименному разуму света и звонким его речам, — ждать каких-либо рассуждений, доказательств, теорий, которые в известные минуты лжеименное велемудрие наше так любит разлагать критически, напрасно... Серафима на все повторит тихо простое, глубокое слово Спасителя, непонятое миром, и, молясь о вас пред иконами своими, глядя на вас с великой о Бозе любовью, с глазами при молитве тотчас

блестящими благодатной слезой, — она положительно заверит вас, что Божия Матерь, что Спаситель никак не оставят, непременно помогут всегда, во всем... Но, может, *не так*, как вы хотите, а так, как спасительно по спасительному Их хотению о вас; лишь бы было чисто и полно покаяние, вера, надежда; лишь бы вы отрешились от всякой гордости, от малейшей тени упования на себя и уверенности в своем разуме, от всякого самомнения.

Верьте, верьте полувековому искусству жизни, посвященной нераздельно Богу, которые не оставляет без мзды и единого, чистого к Нему возношения сердца.

Если вы христианин не по наименованию лишь, то как бы ни были тревожны духом от тяжести грехов (ибо они лишь и ничто более, под различными видами, суть причины тревог наших), из кельи Серафимы вы выйдете с просветленным от упования сердцем, с взглядом на истинный путь жизни, с понятием о назначении души — более верными, а потому менее исполненными земного.

ПРИЛОЖЕНИЕ

М. А. Антипов

«Странник на земли явился еси...» (Памяти А. П. Башуцкого)

Слова, вынесенные в заглавие настоящей статьи, в различных вариантах встречаются в богослужебных текстах и акафистах, посвященных памяти того или иного святого. Церковь учит, что все земное — преходяще, и мы, ныне живущие, — странники и гости, а наше подлинное и вожделенное Отечество — Царство Небесное. Христиане, своей жизнью, трудами, и подчас мученической кончиной засвидетельствовавшие, что они не накопили на этой земле ничего, а стремились лишь к стяжанию Духа Святого и в той или иной степени преуспели в этом, именуются святыми.

Не все святые были канонизированы Церковью, подлинное их число ведомо одному лишь Богу. Но подражание святым, их молитвенным и постническим подвигам всегда являлось в нашем Отечестве одной из основ духовного воспитания. Поэтому благочестивые книжники, наделенные даром слова, еще со времен Древней Руси оставляли потомкам множество назидательных историй о русских святых и подвижниках благочестия, о монастырях и иных обителях, где Божии избранники проходили свое иноческое поприще, ревностно служа Христу и ближним. Одним из таких замечательных церковных писателей был Александр Павлович Башуцкий, имя которого оказалось незаслуженно забытым и известно ныне только профессиональным литературоведам, историкам и библиофилам.

А. П. Башуцкий родился 30 марта 1803 года (по старому стилю) в Санкт-Петербурге в семье петербургского коменданта и будущего члена Верховного уголовного суда над

декабристами. Высокое положение отца определяло и большое будущее сына — с ранних лет Александр был отдан на обучение в Пажеский корпус, сохранились свидетельства о его детской дружбе с Великим князем Николаем Павловичем, будущим императором Николаем I. Завершив в 1822 году обучение в Пажеском корпусе, Башуцкий был определен прапорщиком в Лейб-гвардии Измайловский полк и был сделан адъютантом генерал-губернатора Санкт-Петербурга графа Михаила Андреевича Милорадовича, смертельно раненого 14 декабря 1825 года при вооруженном мятеже на Сенатской площади. Декабрьские события наложили неизгладимый отпечаток на становление Башуцкого как литератора: являясь свидетелем последних минут жизни Милорадовича, он изложил их на бумаге и отдал сослуживцам. Рукопись настолько впечатлила офицеров, что была «зачитана до дыр», и автору приходилось еще несколько раз воспроизводить по памяти те трагические события.

Возможно, именно тогда Башуцкий понял, насколько скоротечной оказывается человеческая жизнь — блеск, слава, богатство в один миг могут кануть в небытие. Вполне вероятно также, что в те скорбные для России дни начинающий писатель понял и свое предназначение, заданное свыше, — быть очевидцем, созерцателем, а данный от Бога талант использовать к сохранению картин из русской жизни для грядущих поколений. Однако молодость, приближенность к высоким особам, насыщенная балами и маскарадами светская жизнь до поры до времени удерживали молодого офицера от исполнения своего долга. Но пера Александр не оставлял никогда: с 1834 года публиковал очерки «Панорамы Санкт-Петербурга», намереваясь вскоре выпустить (с посвящением императору Николаю I) роскошный альбом иллюстраций к этим очеркам. Издание не состоялось из-за гибели корабля, который вез выполненные заграничным художником гравюры, а издатель потерпел серьезнейшие убытки.

В 1835–1839 годах Башуцкий редактировал «Журнал общепольных сведений». Это популярное издание имело большой успех. Тогда же с писателем знакомится известный литературный критик Иван Иванович Панаев, оставивший любопытное свидетельство: «Деятельность Башуцкого была изумительна: он занимался службой, литературой, составлял различные промышленные проекты и в то же время выезжал в свет и был одним из самых плодовитых и красноречивых собеседников.

Он затевал все в роскошных, широких размерах, рассчитывая на десятки и сотни тысяч, но его литературные и другие затеи никогда почти не удавались и не приносили ему ничего, кроме убытка. Аккуратность Башуцкого и внешний порядок в его кабинете были изумительны: картины и ящики с различными надписями, письменный стол с бесчисленными кипами бумаг под красивыми пресс-папье... и все это так изящно и так мастерски разложено и расставлено. В комнатах его каждая самая незначительная вещица была поставлена так, что производила эффект. Сам хозяин всегда был одет с удивительной аккуратностью: ни на галстук, ни на манишку ни малейшей складочки, точно как будто на нем все было подклеено; парик прекрасно расчесан и распомажен. Говорил Башуцкий с большим искусством; плавный разговор его так и лился и журчал; в разговоре его можно было слышать — где запятая, где тире, где точка с запятой и т. д. У него было пять-шесть рассказов и в числе их знаменитый рассказ о смерти Милорадовича. Когда Башуцкий развивал свои проекты разных коммерческих предприятий (а они рождались у него чуть не ежедневно), его слушали, пораженные его логикой, но особенно красноречием, готовы были отдать на эти предприятия последний грош. Можно было принять его за человека самого практического, а между тем трудно было найти человека более его увлекавшегося. Это — милый фантазер, облакавший свои фантазии в нарядные фразы, которыми он сначала только любит, не веря им, но которыми он потом сам увлекается до такой степени, что принимает их серьезно».

В этот же период жизни и творчества А. П. Башуцкого (с 1835 по 1842 год) можно отметить его плодотворную деятельность в качестве журналиста изданий «Северная пчела» и «Отечественные записки», редактора-издателя «Детского журнала для образования понятия сердца и нрава, для изучения искусств и рукоделий, разнообразного детского чтения и забавы милых русских детей». Современниками с радостью была принята и книга Башуцкого «Очерки из портфеля ученика натурального класса», вышедшая в свет в 1840 году в двух частях. Но наибольшую известность писателю принесло в 1841 году издание альманаха «Наши, списанные с натуры русскими», где публиковались портретные очерки о представителях тех или иных профессий или сословий Российской империи (например, «Армейский офицер»,

«Барышня», «Знахарь», «Гробовой мастер», «Водовоз» — причем последние два произведения принадлежали перу самого Александра Павловича).

Как было отмечено выше, современники выделяли главную черту творческой натуры Башуцкого — увлеченность новым делом и способность воодушевить друзей и сослуживцев теми или иными прожеками. Его интересы не ограничивались собственным писательством или редакторством. Но однажды его предприятия потерпели крах, чему в 1849 году несомненно способствовало клеветническое обвинение Башуцкого (служившего тогда в Государственном совете) в растрате денежных средств. Это обстоятельство, по всей видимости, способствовало уходу Александра Павловича — видного государственного служащего и известного литератора — к разрыву с миром и уходу в монастырь...

Башуцкий вышел в отставку, отныне начались его странствования по святым местам. Вначале он стал послушником Троице-Сергиевой пустыни (в Стрельне), затем перешел в Иоанно-Богословский Черемнецкий монастырь, позднее нес послушания в Антониево-Дымском и Никольском Староладожском монастырях. Будучи от рождения человеком горячим и деятельным, он, по всей видимости, далеко не сразу проникнулся духом монашеского смирения и послушания, поэтому не мог долго задерживаться в одной обители. Известно, что он дошел и до святынь Киева, но вскоре вернулся в Санкт-Петербург. Наконец, Башуцкий и его супруга Мария Андреевна (1810–1882), будучи бездетными, решили развестись ради полного посвящения себя служению Богу и Церкви: Александр Павлович в 1854 году поступил послушником в Тихвинский Богородицкий Успенский мужской монастырь, а Мария Андреевна — в Тихвинский Введенский женский.

Однако монашества Башуцкий так и не принял (была ли пострижена в монахини его супруга, неизвестно). Получив же бесценный опыт духовной жизни в монастырях, он с новыми силами стал выступать в русских газетах и журналах («Северная пчела», «Домашняя беседа», «Сын Отечества», «Домашняя беседа») — как церковный публицист и защитник традиционных ценностей. Занимался также миссионерской деятельностью, переписывался с известными монастырскими старцами и собирателями церковной старины. Многие ценнейшие свидетельства

о великих подвижниках, собранные Странником (такой псевдоним избрал себе писатель), пока пребывают в архивах и ждут своего исследователя.

Под конец своего земного странствования Александр Павлович овладел познаниями в области гомеопатии и стал бесплатно лечить бедных (стекавшихся, по свидетельству современников, громадными толпами), чем стяжал народные любовь и признание. Скончался Башуцкий 26 марта 1876 года (по старому стилю) и был погребен на Литераторских мостках Волковского кладбища (надгробие к настоящему времени утрачено).

Предлагаемая читательскому вниманию книга А. П. Башуцкого «Тихвинские монастыри» была опубликована в 1854 году и с тех пор ни разу не переиздавалась. В своем авторском посвящении Тихвинскому Богородицкому монастырю автор писал: «Господь сподобил меня посетить впервые Тихвин, когда жизнь исходила со мною уже на пятьдесят первую ступень лестницы к смерти...» Далее Башуцкий отмечает, что собрал необходимый для публикации материал в течение двух недель. Действительно, текст рукописи будущей книги был подготовлен затем в рекордно короткие сроки, а разрешение духовной цензуры на его публикацию было получено уже 8 мая 1854 года. При этом известно, что рукописи в духовно-цензурном комитете могли дожидаться очереди на рассмотрение многие месяцы...

В нашем распоряжении оказались интересные свидетельства противостояния Башуцкого и духовных цензоров. В частности, по экземпляру книги «Тихвинские монастыри» с авторскими пометами (хранится в фондах Российской национальной библиотеки) можно сделать вывод, что цензура не пропустила рассказа о случайной находке в 1799 году при строительных работах в Тихвинском Успенском монастыре останков неизвестного подвижника, которого народная молва считала императором Иоанном Антоновичем Ульрихом (1740–1764), тайно погребенном в Успенской обители. Автор сетует: «Выкинуто прелюбопытнейшее и исполненное чудес описание обретения этого тела в донесении Митрополиту С<анкт>П<етер>б<ургскому>»*.

Чего же опасалась духовная цензура — монастырской истории полувековой давности? Нет, цензоры всего лишь действовали

* Башуцкий А. П. Тихвинские монастыри. I. Большой Богородицкий. II. Дымский Антониев. III. Беседный Николаевский. IV. Введенский Девицкий. СПб., 1854. С. 22 (цит. по экз. РНБ).

согласно своим инструкциям о тщательном отборе текстов, где встречались описания чудесных явлений, исцелений и т. п. Здесь они опирались как на положение законов, принятых еще в эпоху Петра I (Духовный Регламент, 1721 г.), так и специальных постановлений Святейшего Правительствующего Синода. Например, цензоры часто ссылаются на указ Синода от 31 августа 1850 года за № 9273, в котором после выхода в свет книги «Письма святогорца к друзьям своим о Святой горе Афонской» (СПб., 1850) предписывалось комитетам духовной цензуры, чтобы «все сочинения, в которых заключаются сказания о разных неизвестных нашей церкви чудесах, они представляли с мнением в Святейший Синод и ожидали разрешения»*.

Вероятно, Башуцкий не дождался такого разрешения, равно как посетовал и на другие действия цензоров. Так, по указанию служащих духовно-цензурного комитета из рукописи была исключена целая глава, повествующая о явлении в пределах Тихвинской земли Чудотворной иконы, ее переходах с места на место «...по той будто бы причине, что в Св. Книгах служебных это уже частию находится, а потому и не следует печатать в книге гражданской. Отсюда сбивчивость следующего и самое начало главы III-й “так построен храм”, когда о построении его все выброшено»**.

Автор также сетовал на то, что цензура также исключила из текста рукописи некое «...историческое разыскание о трех славных иконах Божией Матери и о том, что эта (будущая Тихвинская икона. — М. А.) есть именно исходящая в виду народа из Влахернской церкви»***. Но, как бы то ни было, достоинство книги от этих изъятий не убавилось, за исключением описания обретения останков неизвестного подвижника (надеемся, что рано или поздно этот текст будет найден в архивных фондах Святейшего Синода).

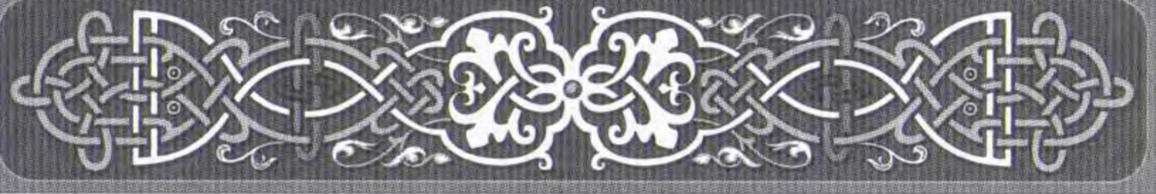
...Книга Башуцкого оказалось первой в череде повествований о Тихвинском Успенском и иных монастырях Тихвина и уезда, предназначенной «...в воспоминание, напутствие и благословение отходящим богомольцам, многими тысячами стекающимся из отдаленнейших краев России...». Свое предназначение

* РГИА. Ф. 807. Оп. 2. Д. 1590.

** Башуцкий А. П. Тихвинские монастыри... СПб., 1854. С. 26 (цит. по экз. РНБ).

*** Там же. С. 28.

Странник выполнил до конца, оставив нам ценнейшие свидетельства о нескольких тихвинских обителях. Наш же долг перед памятью Александра Павловича Башуцкого — почтить 160-летие публикации его книги новым изданием, которое несомненно принесет добрую духовную пользу паломникам, со всех концов России, из ближнего и дальнего зарубежья идущим на поклонение Чудотворной Явленной иконе Божией Матери, собравшей под Своим благодатным покровом монастыри земли Тихвинской.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Мстислав, епископ Тихвинский и Лодейнопольский</i> К ЧИТАТЕЛЮ	3
<i>Странник (А. П. Башуцкий).</i> ПЕРВОКЛАССНОМУ ТИХВИНСКОМУ БОГОРОДИЦКОМУ БОЛЬШОМУ МОНАСТЫРЮ.....	5
ТИХВИНСКИЙ БОГОРОДИЦКИЙ БОЛЬШОЙ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ ...	7
<i>Глава I</i>	
Приезд к монастырю. Взгляд на город. Положение обители. Вид окружности. Стены. Входные ворота. Церковь в честь Тихвинской иконы Божией Матери. Значение обители.....	7
<i>Глава II</i>	
Внутренний замок. Святые ворота. Первичные причины характера бывалых сооружений этого рода и их украшения. Двор и строения вокруг него. Кельи, колокольня. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Варлаам Ванатович. Духовное училище и церковь Дванадцати Апостолов. Могила труженика Иоанна и обретение его трупа. Наружность собора Успения. Угловые палатки. Припльвший на льдине камень. Приделы св. Пророка Илии и Иоанна Златоуста.....	16
<i>Глава III</i>	
Первая на Тихвине каменная церковь. Дивное спасение засыпанных рабочих. Начало строения монастыря и жизни иноческой. Летопись. Насильственное завладение Понтусом Делагарди страной и обителью. Царское войско. Иноки нападают на шведский гарнизон и освобождаются от него. Шведы вырезают Тихвинский посад и идут на монастырь. Они отбиты. Явление Божией Матери во сне Марии. Стычка без последствий. Два отбитых приступа. Новые нападения. Измена, мятежи, клятва, посылки к царю. Разбитие русского вспомогательного отряда. Игумен Онуфрий в плену. Войско идет обратно к Москве. Новые нападения, ярость врагов, монастырь освобожден. Явление Богородицы Соловецкому послушнику. Покаяние. Защита свыше. Новые измены. Опять явление. Смелая вылазка. Шведы побеждены чудом. Их бегство. Уничтожение девичьего монастыря. Кратковременный отдых. Неминуемая опасность. Окончательное освобождение. Мир. Очищение обители огнем	29

Глава IV

Приход к собору Успения. Нищие. Собор. Взгляд на построение, основная идея. Стенное писание. Размеры церкви. Иконостас. Впечатление, производимое собором. Размещение икон. Икона Чудотворная Божией Матери. Киот. Риза. Драгоценности. Замечательные иконы. Ризница, сосуды, Евангелия. Рукописи, библиотека. Облачения. Замечательный покров. Воспоминания победы. Собор Рождества Пресвятыя Богородицы. Двухвековая тяжба. Притвор, храм, трапеза. Юго-восточная наружная стена. Гостиные кельи. Крайняя башня. Конюший двор. Перечень. Пожалования; отличия во служении. Настоятели	48
ДЫМСКИЙ АНТОНИЕВ МОНАСТЫРЬ.....	89
БЕСЕДНЫЙ НИКОЛАЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ	102
ВВЕДЕНСКИЙ ДЕВИЧИЙ МОНАСТЫРЬ	107
ПРИЛОЖЕНИЕ. М. А. Антипов. «Странник на земли явился еси...» (Памяти А. П. Башуцкого).....	119

Башуцкий Александр Павлович

**Тихвинские монастыри:
Большой Богородицкий, Дымский Антониев,
Беседный Николаевский, Введенский девичий**

Редактор М. А. Антипов

Верстка: Д. А. Петров

Дизайн обложки: А. В. Татарко

Корректоры: В. А. Преснова, С. Р. Беляева

Подписано в печать 27.05.2014.

Гарнитура Антиква. Формат 60×90 1/16.

Печать офсетная. Усл. п. л. 8,00. Тираж 1000 экз.

Заказ №3243.

**Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, дом 12/28**

Богородицкий монастырь

«...Смиренно полагаю близ источника
почерпнутое мною из него же»

Странник (Александр Павлович Башуцкий).
Из посвящения книги «Тихвинские монастыри»
Тихвинскому Богородицкому Успенскому
Большому монастырю

